

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Филатова Ирина Михайловна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕДИНИЦ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ГОВОРА: НА МАТЕРИАЛЕ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Е. В. Брысина

Волгоград – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА	14
1.1. История изучения донских казачьих говоров Волгоградской области.....	14
1.2. Состав и структура лексики донского казачьего диалекта.....	23
1.3. Лексика чирской группы донских говоров как система	32
1.4. Типы диалектизмов чирской группы донских говоров.....	41
Выводы по главе 1	48
ГЛАВА 2. ТЕМАТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	50
2.1. Определение понятий «тематическая классификация» и «идеографическая классификация»	50
2.2. Тематико-идеографическая классификация лексики чирской группы донских говоров.....	54
2.2.1. Лексико-тематическая макрогруппа «Человек» в чирской группе донских говоров.....	63
2.2.2. Лексико-тематическая макрогруппа «Бытовая сфера» в чирской группе донских говоров.....	99
2.2.3. Лексико-тематическая макрогруппа «Традиционная культура» в чирской группе донских говоров.....	124
2.2.4. Лексико-тематическая макрогруппа «Природа» в чирской группе донских говоров.....	136
Выводы по главе 2	140
ГЛАВА 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА	142

3.1. Методы социолингвистического исследования лексической системы чирской группы донских говоров.....	142
3.2. Социолингвистическая интерпретация результатов исследования лексической системы чирской группы донских говоров	149
3.3. Функционирование чирской группы донских говоров в XXI веке: основные тенденции	157
Выводы по главе 3.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	176
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование обращено к изучению и систематизации лексики чирской группы донского казачьего диалекта в лингвокультурном и социолингвистическом аспектах.

Диалекты, являясь важной составной частью общенационального языка, на современном этапе своего существования представляют собой сложное образование, характер их развития в отечественной науке однозначно не определен. При некотором сходстве русских говоров отдельные диалекты представляют собой уникальный путь эволюции.

Одной из задач современной лингвистики является исследование говоров социально изолированного типа, так как они сохраняют наиболее важные, существенные черты традиционного диалекта, к которым относятся и донские казачьи говоры, являющиеся раннепереселенческими, что определяет их специфику и место в русской диалектологической системе.

Донской диалект представляет целостный замкнутый тип, обладает общностью черт и однородностью. Однако донские говоры, занимающие огромную территорию бывшей Области Войска Донского, не обладают полным единством; наблюдаются различия на фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях. Местное население сохранило в своем диалекте черты южнорусских материнских говоров, так как особенно активно заселение региона с конца XVII в. происходило беглыми крестьянами из южных губерний России, и одновременно обогатило его элементами других языковых систем: севернорусских, украинских, особенно тюркских, учитывая, что Донской край длительное время был объектом набегов кубанских, крымских и ногайских татар.

Смешение разных говоров на указанной территории, а также административно-территориальное деление Области Войска Донского на округа,

предполагающее относительную замкнутость экономических, хозяйственных связей, ограниченность общения с жителями других округов, привело к возникновению специфических черт донского диалекта в определенных ареалах.

Разделение донских казачьих говоров на три группы – хоперские, медведицкие, чирские – обусловлено в первую очередь неоднородным составом переселенцев на Дон. Несмотря на имеющиеся отличия, хоперские, медведицкие и чирские говоры функционируют в схожих условиях, поэтому современные лингвокультурные и социолингвистические процессы в лексической системе донских говоров мы рассмотрим на примере одной – чирской – группы, составляющей немаловажный фрагмент в общей картине донского казачьего диалекта.

Фиксация и изучение диалектов необходимо, так как это тот пласт национального языка, который активно откликается на постоянные изменения языковой ситуации. Диалектные лексические единицы, обладая большим культурологическим потенциалом, являются носителями не только актуальной информации, передаваемой в ходе повседневной речевой коммуникации, но и аккумулируют социально-историческую информацию, интеллектуальную и экспрессивно-эмоциональную, оценочную, общегуманистического и конкретно-национального характера.

Поскольку лексические единицы реализуют свой семантический потенциал не изолированно, а в сложной системе взаимоотношений, актуальным становится применение тематической классификации лексики чирской группы донского казачьего диалекта.

О важности сочетания в настоящем исследовании лингвокультурного и социолингвистического аспектов свидетельствует внимание в современной лингвистике к изучению изменений, наблюдаемых в лексическом составе современных говоров. Язык существует во времени и в постоянно изменяющемся обществе, поэтому необходим учет одновременно сосуществующих в языке и вне языка различных по своей природе, свойствам и проявлению факторов, которые по-разному действуют на все составные части языковой системы.

Степень научной разработанности темы.

Интерес к изучению донских говоров зародился в конце XIX в. (исследования В. И. Даля, В. Ф. Соловьева, И. И. Срезневского, А. А. Шахматова, Ф. Е. Корша и др.).

В XX в. изучение донского диалекта приобретает последовательный характер (работы Н. Н. Дурново, Д. Н. Ушакова, Н. Н. Соколова, А. В. Миртова, Л. Л. Касаткина, Л. М. Орлова, И. Г. Долгачева, Р. И. Кудряшовой, Е. В. Брысиной, В. И. Супруна и мн. др.).

Изучением лексической системы донских говоров занимались такие исследователи, как Д. Ю. Ильин, Е. В. Кузнецова, В. Г. Маслов, Н. А. Стародубцева, Н. А. Тупикова, М. В. Флягина и др.

Исследования, которые направлены на изучение менталитета казачества, связей донского диалекта с культурой, традициями и обычаями донского казачьего субэтноса, отражены в работах Л. К. Алахвердиевой, Н. А. Архипенко, Е. И. Алещенко, Е. В. Брысиной, Н. А. Власкиной, Н. А. Григорьевой, М. В. Калининой, Т. И. Морозовой, Б. Н. Проценко, М. А. Рыбловой, С. А. Юрченко и др.

Актуальность проведенного диссертационного исследования определяется отсутствием целостного системного описания лексического состава чирской группы донского казачьего диалекта. Между тем отдельные группы говоров представляют собой систему, отражающую основные тенденции, присущие диалекту определенной области или более широкого региона.

Кроме того, в лингвистических исследованиях последних лет возрос интерес к языку и культуре народа. Диалектный язык как одна из форм народного языка отражает значимые понятия для конкретного социокультурного сообщества в определенный отрезок времени.

Объектом настоящего исследования является диалектная лексика чирской группы донских казачьих говоров Волгоградской области.

Предмет исследования – лексико-тематический состав, особенности функционирования в устной речи, а также способность к отражению

материальной и духовной культуры донского казачества чирских говоров Волгоградской области.

Целью диссертации является изучение и описание диалектной лексики чирской группы донских казачьих говоров Волгоградской области в социокультурном и социолингвистическом аспектах на современном этапе ее существования.

Поставленная цель достигалась путем решения следующих **задач**:

1) описать системную организацию лексики чирской группы донского диалекта;

2) провести лингвокультурный анализ лексико-тематических объединений в анализируемых говорах;

3) выявить социокультурные особенности функционирования лексики чирской группы казачьего диалекта в коммуникативно-речевом пространстве обследуемой территории;

4) обозначить основные тенденции функционирования чирских говоров на современном этапе.

Теоретико-методологической базой диссертации послужили исследования в области диалектологии (Р. И. Аванесов, Л. И. Баранникова, О. И. Блинова, Л. А. Ивашко, Л. Л. Касаткин, Н. А. Красовская, Р. И. Кудряшова, С. С. Кузнецова, П. С. Кузнецов, Л.М. Орлов, В. И. Супрун, Ф.П. Филин и др.), лексикологии (Э. Д. Головин, К. С. Горбачевич, Е.Е. Котцова, Е.Н. Ильина, Т. А. Литвинова, О. Н. Мораховская, А. А. Потеня, Б. Н. Проценко, Д. Н. Шмелев и др.), идеографии (О.С. Баранов, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Ванников, Л. М. Васильев, Ю. Н. Караулов, Т. В. Леонтьев, В. В. Морковкин, Е. А. Нефедова, П. М. Роже, И. А. Стернин, Н. Ю. Шведова, Ю.С. Шулякина, Г. С. Щур, А. Н. Щукин и др.), лингвокультурологии (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Л. Вейсгербер, В. В. Воробьев, В. Гумбольдт, И. П. Василюк, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева и др.), этнолингвистики (Е. В. Брыкина, А. С. Герд, М. М. Копыленко, С. М. Толстая, Н. И. Толстой и др.), эмотиологии (Л. Г. Бабенко, А. А. Водяха, С.В. Ионова, В. И. Шаховский и др.).

При реализации поставленных задач использовались следующие методы и приёмы: 1) описательный метод с приемами наблюдения, включённого наблюдения, интерпретации и классификации исследуемого материала; 2) сравнительно-сопоставительный метод (с привлечением диалектологических словарей, этимологических словарей, литературных словарей русского языка) для выявления происхождения, общих черт с южнорусскими говорами и территориально-специфических черт донского казачьего диалекта; 3) метод лингвокультурологического анализа, предполагающего научную интерпретацию языкового материала на основе экспликации сведений по культуре, данных социальной организации соответствующего субэтноса; 4) прием количественных подсчетов, позволяющий уточнить соотношение наполненности разных тематических групп в лексической системе чирских говоров; 5) дистрибутивный метод для выявления типичных условий функционирования языковых единиц в речи носителей диалекта; 6) устное интервью для получения материала, характеризующего спонтанное речевое поведение людей; 7) анкетирование с целью получить статистические результаты.

Материал исследования – авторская картотека, насчитывающая более 2000 диалектных слов, извлеченных методом сплошной выборки из записей устной речи жителей обследуемой территории, произведенных в процессе общения респондентов друг с другом или во время бесед собирателя с ними.

Источники исследования: записи устной разговорной речи жителей станицы Нижний Чир, хуторов Верхнечирский, Суворовский, Пещёрский, Ближнемельничный, Ближнеподгорский, Ёлкин Волгоградской области, сделанные автором с 2012-го по 2020 г.; тексты общественно-политической газеты Суровикинского района «Заря», газеты Нижнечирского сельского поселения «Нижнечирские вести» за 2010 – 2020 гг.; результаты анкетирования респондентов пяти возрастных групп (всего 500 опрошенных).

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые анализу подвергается лексика чирской группы донского казачьего диалекта в лингвокультурном и социолингвистическом аспектах. Выявлены характерные

особенности организации лексической системы чирских говоров; определены диалектные единицы в составе лексико-тематических макрогрупп, что позволяет максимально полно отразить своеобразие быта и образа жизни донских казаков на современном этапе; установлено влияние социальных факторов на особенности функционирования чирской группы донских говоров в современных условиях; обозначены основные тенденции функционирования единиц лексической системы чирской группы донского казачьего диалекта. В научный оборот вводятся лексические единицы, ранее не зафиксированные в специализированных диалектных словарях и других печатных источниках.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что сделанные в ней наблюдения и выводы способствуют расширению и обогащению представлений о донских говорах. В научный оборот введена такая структурная единица, как лексико-тематическая макрогруппа, что позволит описывать диалектную лексику в современных условиях функционирования говоров. Изучение лексической системы отдельной группы говоров способствует прогнозированию характера изменения диалектного материала и выявлению предположительного круга вопросов, ответы на которые могут быть интересны для составления тематического диалектного словаря, разработки идеографической сетки, что позволит уделить большее внимание некоторым аспектам семантики слов при последующем сборе материала в других группах говора.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты диссертационного исследования могут найти применение в преподавании учебных курсов русской диалектологии, лингвокультурологии и этнолингвистики. Положения, выводы и материалы исследования могут представлять интерес для широкого круга людей, интересующихся народной культурой, проблемой развития диалектного языка, а также учителей школ при проведении внеклассных мероприятий по русскому языку, подготовленных с использованием регионального материала. Диалектный материал может

послужить источником пополнения картотеки «Лексического атласа русских народных говоров».

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексика чирской группы донского казачьего диалекта характеризуется системной организованностью и распадается на лексико-тематические макрогруппы: «Человек», «Бытовая сфера», «Природа», «Традиционная культура». Дальнейшая систематизация слов по лексико-тематическим группам и микрогруппам показывает разнообразие синонимических, антонимических и вариативных отношений. В каждой из групп выделяются единицы, обладающие лингвокультурными и социолингвистическими чертами, отражающими специфику жизненных установок донского казачества.

2. Донские казаки, являющиеся субэтносом русского народа, на протяжении своей многовековой истории выработали особые лексико-семантические, фразеологические, паремиологические единицы, способствующие формированию их народной речи как говоров изолированного типа. Словарный состав указанных выше тематических объединений в чирских говорах отображает составляющие этнокультурной и языковой истории донского казачества в его прошлом и настоящем.

3. Ярко проявляющаяся в донском диалекте антропоцентрическая парадигма приводит к тому, что наибольшей плотностью отличаются лексико-тематические группы, репрезентирующие внешность и поведение человека, что показательно демонстрирует средоточие системы ценностей народа на образе человека.

4. Проведённое историко-лингвистическое исследование лексико-семантической системы чирских говоров позволило сделать вывод, что вытеснение одних реалий другими, выход из употребления предметов материальной культуры приводят к переходу значительной части диалектной лексики изучаемых говоров в пассивный словарный запас и, как следствие, постепенному вытеснению ее эквивалентными по значению единицами литературного языка. При этом собранный и исследованный в диссертации

материал показывает, что продолжается языковое творчество диалектоносителей, создаются новые лексико-фразеологические единицы, не зафиксированные в словарях.

5. Социолингвистический аспект исследования обнаружил, что на функционирование диалектных лексических единиц в речи местных жителей оказывают влияние такие значимые экстралингвистические факторы, как возраст, пол, уровень образования. Включение диалектных слов в коммуникативное пространство на территории функционирования чирских говоров обусловлено отчасти социально-психологическим фактором: функциональной значимостью семейного коммуникативного пространства и престижностью казачьего диалекта.

Оценка достоверности результатов исследования показала: применены необходимые методы и приемы исследования; объем исследуемого материала включает широкий круг диалектных лексических единиц; представленные теоретические и практические выводы опираются на значительную теоретическую и методологическую основу; полученные результаты имеют статистическое обоснование; выводы и положения исследования отражены в публикациях в журналах и сборниках научных статей Волгограда, Воронежа, Донецка, Тамбова, Челябинска, Пензы.

Апробация работы. Основные положения диссертации представлены в виде докладов и сообщений на XVI Международном научно-творческом форуме (научной конференции) «Научные школы. Молодёжь в науке и культуре. Новый формат – новые идеи» (г. Челябинск, Челябинский государственный институт культуры); Международном лингвистическом интернет-семинаре «Лингвистическая регионалистика»; Международной научно-практической конференции «Классика и современность в изящной словесности XIX–XXI столетий» (Брест, Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина» (кафедра теории и истории русской литературы филологического факультета); Всероссийской научно-практической конференции с международной участием «Диалекты как экологическая зона языка», посвящённая памяти профессора Р.И. Кудряшовой; Всероссийском

конкурсе научно-исследовательских работ студентов «Наука онлайн!»; II этапе XXII региональной конференции молодых ученых и исследователей Волгоградской области; XIX региональной конференции молодых исследователей Волгоградской области; LXVII научной конференции студентов ВГСПУ «Интеграция научно-исследовательской работы студентов в инновационную деятельность ВГСПУ» (секция «Теория и практика современного воспитания»); IX Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Новые горизонты русистики», посвящённой памяти Г.И. Рихтера.

По теме исследования опубликовано 12 работ (в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, общим объемом 5.35 п.л.).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Общий объем диссертационной работы – 208 страниц, в том числе 175 страниц основного текста, список литературы включает 233 источников.

Во введении дается обоснование актуальности темы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, указываются его методы и теоретико-методологическая база, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические основы исследования лексической системы чирской группы донского казачьего диалекта» описывается история изучения донских говоров, рассматриваются состав и структура исследуемой лексики, а также определяется место чирской группы донских говоров в составе донского казачьего диалекта.

Во второй главе «Тематико-идеографическое описание лексики чирской группы донского казачьего диалекта: лингвокультурный аспект» проводится тематико-идеографическое описание лексики чирской группы донских говоров, выделяются разноуровневые тематические объединения, проводится лингвокультурный анализ входящих в них лексических единиц.

В третьей главе «Социолингвистический аспект изучения лексической системы чирской группы донского казачьего диалекта» описывается процедура проведения социолингвистических исследований функционирования лексики чирской группы донских говоров на современном этапе, выявляются основные тенденции.

Каждая глава завершается выводами. В заключении диссертации приводятся основные результаты выполненного исследования и намечаются его перспективы.

В приложении представлен образец анкеты, предлагаемой для определения социолингвистических параметров бытования диалектизмов в коммуникативно-речевом пространстве обследуемой территории.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА

1.1. История изучения донских казачьих говоров Волгоградской области

Диалект – это не просто совокупность говоров, а «сложное целое, по отношению к которому каждый говор может рассматриваться как его частная разновидность» [Бромлей, 1989, с. 7]. Чирская группа донского диалекта, функционирующая на территории Волгоградской области, рассматривается как его частная разновидность, что обуславливает проведение теоретического исследования истории изучения донских говоров Волгоградской области.

Ученые (С. В. Бромлей, Л. Л. Касаткин, В. В. Колесов, Л. А. Ивашко) определяют говор как язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении. В своей совокупности говоры образуют диалектный язык. Данные выводы позволяют понятия «донские говоры» и «донской диалект» представлять синонимичными.

Становление донского диалекта шло «одновременно с общественно-политическими, социально-культурными процессами образования централизованного Российского государства и формирования донского казачества как особого субэтноса. Донской диалект представляет собой совокупность говоров, которые складывались на протяжении длительного периода времени – конца XVI – первой половины XIX в. В течение почти трех столетий на Дон стекались выходцы из различных, но главным образом, центральных и южных областей Руси» [Брысина, Супрун, 2021].

Территорией, на которой стало зарождаться казачество, являлось «Дикое Поле – часть бескрайних степей и лесостепей, которая получила свое название еще во времена монголо-татарского нашествия на Русь и простиралась от берегов Нижней Волги через Дон почти до Днепра.

В привольные степи, к юго-востоку от южных границ Московского государства, уходили ватагами и

поодиночке предприимчивые, решительные, смелые люди, которые не боялись приключений, не страшились возможных схваток со степными кочевниками, разорявшими Русское государство с юга. Уходили от гнёта бояр и помещиков, от непосильных тягот крепостного строя в поисках желанной воли, создавая на южных рубежах России надежный сторожевой щит.

Важным для исторической судьбы донских казаков оказалось то обстоятельство, что свободная колонизация Дикого Поля осуществлялась со всех направлений. С запада на восток осваивали территории Дикого Поля запорожские казаки и белорусы, с востока на запад – татарские и ногайские племена, с юга на север – представители кавказских народов и с севера на восток русские» [Брысина, 2003].

Заселение донского региона на территории современной Волгоградской области проходило в XVI–XVII вв. К этому времени в бассейнах рек Иловли, Медведицы, Хопра и их притоков возникли поселения Скуриха, Арчеда, Кобылей, Карповский, Елтарь, Раздоры и Заполянский. Земли по Хопру и Медведице занимало рязанское казачество, имевшее здесь раньше сторожевые посты, крайним из которых был Урюпинский. В XVII в. появились станицы Михайловская, Тишанская, Бурацкая, Зотовская, Аржановская, Провоторовская, Акишевская, Кумылженская, Букановская, Ярыженская, Филоновская, Анненская, Дурновская. В XVII в. началось массовое бегство на Дон старообрядцев. Спасаясь от преследований царского правительства, они бежали в верховые городки, где находили надежное убежище. Особенно активно донское казачество пополнялось с конца XVII в. выходцами из губерний, расположенных вблизи юго-восточной границы русского государства, – Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской. «Постепенно на Дону стала формироваться особая местная разновидность русской народной речи – донские говоры, или донской диалект, в основу которого легла речь крестьян, пришедших из различных южнорусских губерний и составлявших основную массу переселенцев» [Кудряшова, 1998, с. 22].

Таким образом, донские говоры – это ранние переселенческие говоры, южнорусские по своим особенностям, которые сохраняют сходство с исконными говорами, прежде всего с восточной группой южновеликорусского наречия – рязанскими, воронежскими, тамбовскими, курскими, орловскими. Однако с течением времени в русский язык казаков вошли многочисленные заимствования из украинского, татарского, турецкого, калмыцкого и некоторых других языков, определив своеобразие донского диалекта как «части курско-орловской группы южнорусского наречия» [Кудряшова, 1998].

Первые упоминания о говорах, бытующих на территории нынешней Волгоградской области, были сделаны В. И. Далем в статье «О наречиях русского языка» в 1852 г., где он подробно описывает особенности донского наречия и замечает, что «в Саратовской и Астраханской губерниях население со всей России» [Даль, 1955]. В.И. Даль отмечает, что на этих территориях превалирует рязанский говор.

Так как в язык донских казаков вошли заимствования из татарского, турецкого, калмыцкого и некоторых других языков [Кудряшова, 1998], то донской диалект привлекал внимание многих ученых-востоковедов. Вопрос о тюрко-русских языковых связях интересовал многих исследователей в течение всего XIX в. В 1812 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете выдвинуло конкурсную тему исследования о влиянии других языков на русский, где должен был исследоваться и вопрос о вкладе «татарского языка» (то есть тюркских языков вообще) в русский словарь. Но такое исследование осталось невыполненным.

Вопрос о словах, заимствованных русским языком из различных тюркских языков, ставился лишь на ограниченном материале. «Много интересных наблюдений о тюркских словах в русских говорах (в том числе и донских) содержится в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики», вышедших в 1854 г. под редакцией И.И. Срезневского. В первый том «Материалов...» были включены диалектные слова, которые собирались в ходе диалектологической экспедиции на территорию современного Ольховского

района Волгоградской области российскими учеными П. П. Дубровским, А.К. Казембеком, П. П. Петровым» [Брысина, 2016, с. 80].

В начале XX в. весомый вклад в изучение донских говоров внес А.В. Миртов. В 1919 г. им была опубликована статья о казачьих народных традициях, а в 1929 г. – «Донской словарь» [Миртов, 1929].

При составлении словаря были обследованы казачьи селения бывшей Донской области. В период с 1919-го по 1927 г. автором были совершены поездки и пешие экскурсии в населенные пункты: Новочеркасск, Борисоглебск, Филоновская, Вешенская, Миллерово, Казанская, Урюпинская, Митякинская, Каменская, Мелеховская, Старочеркасская, Цимлянская, Клетская, Обливская, Перекопская, Кременская, Арчединская и др. Также при содействии студентов бывшего Новочеркасского педагогического института был собран материал по произведениям донских писателей и донских газет и журналов. В «Донской словарь» вошли «слова, зарегистрированные в языке казаков» [Миртов, 1929, с. 5]. В ходе отбора лексического материала уделялось внимание бытованию того или иного слова на определенной местности: можно ли его считать общедонским, то есть зарегистрированным во всех округах бывшей Донской области, или оно принадлежит более ограниченной территории. В предисловии «Донского словаря» дается и краткая характеристика некоторых фонетических явлений в языке донских казаков.

С середины XX в., с началом исследовательской деятельности Л. М. Орлова, произошло зарождение Волгоградской диалектологической школы. С 1959 г. проводились систематические полевые диалектологические экспедиции, результаты которых отражены в работах Л. М. Орлова («Исследование говоров Новоаннинского района Сталинградской области» [Орлов, 1953]), Ф. П. Сергеева («Южнорусский говор Сарпинского и Красноармейского районов Сталинградской области» [Сергеев, 1956]), И. Г. Долгачева («Бударинские говоры в их отношении к верхнедонским» [Долгачев, 1958]). И. Г. Долгачев в своих исследованиях также обратился к местным топонимам («Язык земли родного края» [Долгачев, 1989]). С 1970-х гг. работа по региональной ономастике ведется под руководством

профессора В. И. Супруна («Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал» [Супрун, 2000]).

Весомый вклад в изучение донских говоров Волгоградской области внес Л. М. Орлов. Он «выделил две обширные зоны на территории области, представленные донскими говорами (западный ареал) и волжскими говорами (восточный ареал), произвёл классификацию этих диалектов, определил различие между ними, связанное с историей заселения края и формированием говоров, отметив, что границы между этими зонами совпадают с восточной границей бывшей Области Войска Донского. Ученый выявил гомогенность, однородность ранних переселенческих донских казачьих говоров, сформировавшихся в XVI–XVII вв., и гетерогенность, неоднородность, пестроту собственно переселенческих волжских говоров, формирование которых началось с середины XVIII в.» [Брысина, 2016, с. 79].

Исследование современных русских говоров Волгоградской области Л. М. Орловым показало, что в этих говорах «в рамках одной системы функционируют структурные составляющие как старого диалекта, так и общенародного литературного языка. И в этом отношении современные местные говоры представляют собой качественно новые образования, сложившиеся в процессе органического соединения двух систем: системы диалекта-основы и системы литературного языка» [цит. по: Кудряшова, 2012, с. 148]. Л. М. Орлов в числе первых диалектологов глубоко и всесторонне на материале волгоградских диалектов исследовал процесс взаимодействия традиционных говоров с литературным языком на всех языковых уровнях и показал неоднородность речи современных носителей диалектов, а также своеобразие их речи в зависимости от возраста, уровня образования, профессии. Учёный выделил три речевых типа в современных говорах, соотнесённых с тремя частными подсистемами говора: тип Д (диалектный, традиционный) – содержит все сохраняющиеся черты диалекта-основы; тип Л (литературный) – речь, близкая к литературной; тип С (средний, переходный) – в нем обнаруживаются в органическом соединении структурные элементы диалекта и литературного языка. По мнению лингвиста,

можно говорить о пяти функциональных стилях в исследуемых говорах: 1) обиходно-разговорном, 2) профессионально-техническом, 3) официально-деловом, 4) общественно-публицистическом, 5) народно-поэтическом [Орлов, 1984].

Волгоградская диалектологическая школа во главе с Л.М. Орловым стала центром научного изучения местных русских говоров. Ее идеи и теоретические установки легли в основу кандидатских диссертаций: Р. И. Кудряшова «Употребление среднего рода в современных русских говорах (на материале донских диалектов Волгоградской области)» [Кудряшова, 1976]; Л. Л. Орлов «Лексика животноводства в современном сельском хозяйстве (опыт семантико-стилистического исследования на материале современного донского говора)» [Орлов, 1976]; Н. К. Битюкова «Диалектные и профессионально-просторечные образования в составе научной терминологии животноводства» [Битюкова, 1984]; Л. Ф. Гончарова «Губные спиранты в говорах территории позднего заселения (к проблеме взаимодействия литературного языка и территориальных диалектов)» [Гончарова, 1985] и др.

После Л. М. Орлова Волгоградскую диалектологическую (этнолингвистическую) школу возглавила Р. И. Кудряшова [Брысина, 2016, с. 100]. В конце XX в. Р. И. Кудряшова защитила докторскую диссертацию «Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области)» [Кудряшова, 1998], в которой показана специфика языковых процессов (на уровне лексики, фонетики, грамматики) в говорах социально изолированного типа. «Термин “изолированный говор”, или “островной говор”, употребляется в диалектологии, как правило, для характеристики диалектов, которые находятся либо в иноязычном окружении, либо в окружении говоров, резко отличающихся от них по многим чертам. Это так называемые территориально изолированные говоры. Они бытуют как в регионах исконного поселения восточных славян, так и на территории позднего заселения. Особенно характерны островные диалекты для недостаточно изученных территорий позднего заселения.

Многолетнее исследование ранних переселенческих донских говоров Волгоградской области, выявление специфики их функционирования, сравнение с языковыми процессами в других говорах территорий позднего заселения позволили автору ввести понятие социально изолированных говоров, которые характеризуются обособленным существованием и развитием не в силу специфики их географического положения, а в связи с особым социальным положением носителей, сложившимся исторически» [Брысина, 2016, с. 78].

Говоры донского казачества представляют собой исторически сложившуюся особую социально замкнутую диалектную группу. Социально изолированные говоры отличаются тем, что практически не испытывают воздействия иноязыковых и инодиалектных систем. Сравнение учёными языковых процессов в ранних переселенческих донских казачьих говорах и собственно переселенческих волжских говорах Волгоградской области, возникших значительно позднее, показало, что «для волжских, как и для других говоров Среднего и Нижнего Поволжья, характерно активное междиалектное контактирование, тесное взаимодействие соседних говоров с разными диалектными основами. Взаимодействие, взаимовлияние наблюдается на всех языковых уровнях, в результате чего исходная диалектная система становится неустойчивой, претерпевает изменения, о чем свидетельствует значительное варьирование как в плане выражения, так и в плане содержания. Донские казачьи говоры Волгоградской области, являясь переселенческими, также должны были бы подвергнуться значительным изменениям, так как имеют большие возможности для междиалектного контактирования, которое могло бы расшатать исконную архаическую систему: на юге и западе они граничат с аналогичными, сходными по структуре донскими говорами Ростовской области; на протяжении всей восточной границы соседствуют с разносистемными переселенческими волжскими диалектами. Однако донские диалекты сохраняют наиболее важные особенности традиционной системы в силу своей социальной изолированности» [Кудряшова, 1998, с. 15].

С начала XXI в. начинаются исследования говоров Волгоградской области в русле нового научного направления в диалектологии – лингвокультурологического, органически связанного с этнолингвистикой. На материале донской диалектной фразеологии защитила докторскую диссертацию Е. В. Брысина («Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона» [Брысина, 2003]), в которой исследуется идиоэтническая специфика донской казачьей фраземики, выявляются ее прагматический потенциал и культурологическая значимость.

С 1990-х гг. преподаватели кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун совместно со студентами активно работали над созданием «Словаря донских говоров Волгоградской области» (далее СДГВО), который был опубликован в шести томах в 2006–2009 гг. общим объемом 164 п.л. «Словарь не просто сохраняет диалектные слова и выражения, он является памятником духовной и материальной культуры казачества, источником этнокультурной информации, отражает своеобразие жизни, быта, традиций донских казаков, специфику их мирозерцания, мировосприятия, свидетельствует о богатстве, яркости, выразительности живого народного языка» [Брысина, 2011, с. 125].

В аннотации к словарю есть пояснение, что он включает «дифференциальную» лексику русского населения Верхнего и Среднего Дона и в связи с этим является «дифференциальным». В дифференциальный словарь входят только те слова, которые употребляются на Дону и не используются в общелитературном языке. Сразу после слова в словаре даются сведения о произношении, затем – грамматическая характеристика и дефиниция. Наиболее интересными для читателя являются примеры употребления слова в его различных значениях, взятых, в том числе, из фольклора, произведений местных писателей. «Слова в статьях словаря часто сопровождаются стилистическими пометами, например: «груб.» (*бельтюкі*), «бран.» (*анчібал*), «ласк.» (*баба́ня*), «презр.» (*брандыхлы́ст*), «шутл.» (*Васька-указка*), «неодобр.» (*бурла́ка*), «ирон.» (*амуні́ция* – в одном из значений), которые принято называть

эмоциональными пометами. Стилистическую характеристику составляют и употребляемые в данном словаре пометы «устар.» (*аманат*), «общеупотр.» (*атаман*), «фолькл.» (*беседушка*).

В словаре есть и терминологическая лексика: *волокуша* – «рыб.» ‘небольшой невод’, *вечеринка* – «обряд.» ‘прощание невесты с подругами перед свадьбой’ и др., снабжаемая специальными пометами и, следовательно, относимая к стилистике» [Федосов, 2011, с. 159].

В последние десятилетия в рамках изучения донского казачьего диалекта защитили кандидатские диссертации: Е. В. Кузнецова («Мотивационный потенциал диалектного слова: На материале метеорологической лексики донских говоров» [Кузнецова, 2005]); М.В. Калинина («Лексикосемантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты» [Калинина, 2008]); Е. В. Бочкарёва («Наречие в донских говорах (лексико-семантический и структурный аспекты исследования)» [Бочкарёва, 2008]); Н.А. Григорьева («Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты» [Григорьева, 2010]); Н. И. Кобызева («Лексические и фразеологические диалектные единицы, характеризующие человека по умственным способностям, в донском диалекте: системная организация и мотивационные отношения» [Кобызева, 2012]); М. С. Крапивина («Лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донских казачьих говорах» [Крапивина, 2012]); Т. И. Морозова («Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества» [Морозова, 2014]) и др.

«В настоящее время развивается еще одно направление в изучении языковых процессов в говорах области – с привлечением новых информационных технологий. В XXI в. в лингвистических исследованиях все более широкое применение находят электронные ресурсы различных типов: автоматизированные информационно-поисковые системы, электронные словари, базы данных, текстовые корпуса, системы передачи данных в сети Интернет. Создание таких ресурсов является насущной задачей современной гуманитарной науки.

Обращение к компьютерным и сетевым технологиям в процессе создания диалектологических атласов – перспективное направление современной лингвистики, которое требует преобразования существующей теоретической базы лингвистической географии и ареальной лингвистики» [Кудряшова, 2011, с. 127].

Таким образом, изученный теоретический материал позволяет сказать, что донские говоры стали предметом исследования еще в середине XIX в. Зарождение Волгоградской диалектологической школы произошло с момента активизации исследовательской деятельности кафедры Сталинградского педагогического института под началом Л. М. Орлова. Научные работы середины XX в. рассматривали частные вопросы функционирования разных грамматических, фонетических категорий, отдельных тематических пластов диалектной лексики Волгоградской (ранее Сталинградской) области. Позже стали появляться докторские работы более масштабные по поставленным проблемам, привлекаемым материалам.

Различные особенности донских говоров объясняются исторически. Несмотря на окружение их сходными и различающимися по структуре диалектами, они сохраняют все наиболее важные, существенные черты традиционного диалекта до настоящего времени.

1.2. Состав и структура лексики донского казачьего диалекта

Словарный состав диалектов русского языка представляет собой чрезвычайно сложное явление и может быть рассмотрен в разных аспектах: с точки зрения его происхождения, социальной и экспрессивно-стилистической дифференциации, в соотношении с лексикой других форм национального языка и т.д. [Блинова, 1984, с. 33].

«Лексические единицы диалектной системы функционируют в исключительно сложной речевой сфере. На их функционирование оказывает воздействие особенность диалектных систем, обусловленная устной формой бытования этих систем, социальная и возрастная дифференциация носителей говора, а также ряд других факторов, таких

как взаимодействие диалектных систем, влияние литературного языка, соседних языков и многое другое» [Кузнецова, 1994, с. 7].

Волгоградскими исследователями (Л. М. Орловым, Р. И. Кудряшовой, Е. В. Брысиной, В. И. Супруном) было установлено, что лексический состав современного донского диалекта содержит общенародные, интердиалектные, южнорусские и специфические единицы.

Лексический состав современного донского диалекта сохраняет сходство с лексикой родственных южнорусских говоров. Здесь продолжают жить слова, которые были характерны для исконных говоров: *грéбовать* ‘брезговать’ [СДГВО, 2011, с. 121], *дежá* ‘деревянная или глиняная посуда для заквашивания теста, квашня’ [СДГВО, 2011, с. 138], *дью́же* ‘очень, сильно, в большой степени’ [СДГВО, 2011, с. 159], *корéц* ‘ковш для воды’ [СДГВО, 2011, с. 261], *кóчет* ‘петух’ [СДГВО, 2011, с. 268], *лётось* ‘в прошлом году’ [СДГВО, 2011, с. 159], *надýсь* ‘недавно, в недалеком прошлом, два-три дня тому назад’ [СДГВО, 2011, с. 335], *рэли* ‘качели’ [СДГВО, 2011, с. 515]. Ср.: *грéбовать* ‘брезговать, пренебрегать, гнушаться кем-, чем-либо’ (Рязанская, Орловская, Калужская, Брянская, Курская, Тверская, Тамбовская области) [«Словарь русских народных говоров» далее СРНГ, 1972, вып. 7, с. 127], *дежá* ‘деревянная кадка, в которой готовится тесто для хлеба, квашня’ (Воронежская, Курская, Тамбовская, Нижегородская области и др.) [СРНГ, 1972, вып. 7, с. 332], *дью́же* ‘очень, сильно, весьма’ (Курская, Орловская, Брянская, Рязанская области и др.) [СРНГ, 1972, с. 301], *корéц* ‘ковш’ (Тверская, Владимирская, Курская, Калужская, Рязанская области и др.) [СРНГ, 1978, с. 326], *кóчет*, ‘петух’ (Ярославская, Костромская, Ивановская, Нижегородская, Рязанская, Орловская, Тульская, Тамбовская, Курская области и др.) [СРНГ, 1979, с. 128], *лётось* ‘в прошлом году’ (Орловская, Брянская, Тульская, Калужская, Смоленская, Ярославская области и др.) [СРНГ, 1978, с. 326], *надýсь* ‘на днях, недавно’ (Рязанская, Курская, Владимирская, Тульская, Тамбовская области и др.) [СРНГ, 1981, с. 259], *рэли* ‘качели’ (Рязанская, Московская, Тульская, Тверская, Пензенская области и др.) [СРНГ, 2001, с. 47] и т. п.

Однако лексическая система донского диалекта значительно отличается от лексического состава исходных говоров. Связано это, в первую очередь, с социально-

историческими процессами, происходившими на Дону, и образованием особой этносоциальной группы (сословия) русского общества. Этнографическая специфика, своеобразие казачьей жизни, быта нашли отражение в донской лексике. Свою роль сыграли и внутриязыковые процессы. В результате смешения слов, прежде бытовавших в различных регионах страны, на Дону сформировалась новая, своеобразная лексическая система, большая часть лексики которой является общей для всего южнорусского региона. В то же время отмечаются лексемы, встречающиеся исключительно на территории распространения донских говоров. Это фиксируется как Донским словарем Миртова, так и «Словарем русских народных говоров». Такие лексемы записаны нами и на территории распространения чирской группы донских говоров: *курень* ‘дом’, *майдан* ‘собрание казаков или здание, где происходит собрание’, *юрт* ‘владения станицы’, *односу́м* ‘однополчанин’, *сиде́лец* ‘дежурный при станичном правлении’, *сиде́нка* ‘дежурство казаков при станичном правлении’, *казачий круг*, *войсковой круг* ‘высшее военное собрание казачества’, *жалме́рка* ‘солдатка’.

На всей территории донского края встречаются слова, называющие реалии быта казаков: *а́рка* ‘крытое крыльцо’, *чири́ки* ‘обувь’, *бурса́к* ‘небольшой продолговатый хлебец’, *иря́н* ‘напиток из молока’, *играть песни* ‘петь песни’, *забрухатъ* ‘ударить рогами, лбом; забодать’, *жиля́ть* ‘жалить’, *ду́ля* ‘сорт груши; дерево этого сорта; плоды этого грушевого дерева’, *баз*, *базо́к* ‘двор или загон для скота’, *баля́сы* ‘балкончик вокруг дома’, *бурса́к* ‘небольшой продолговатый хлебец’, *вешни́на* ‘земля, вспаханная весной’, *водво́рок* ‘муж, принятый в дом жены’, *войё* ‘вололье дышло’, *крепь* ‘целина’, *пиро́г* ‘хлеб’, *рожа́к* ‘местный уроженец’, *сала́зки* ‘челюсти’, *чекома́с* ‘окунь’, *чекма́рь* ‘палка с утолщением на конце’, *илы́чка* ‘вид головного убора’, *квёлый* ‘слабый, болезненный’, *ба́нить* ‘мыть, стирать’, *гута́рить* ‘говорить’ и т. д. Все эти лексемы зафиксированы также в СДГВО.

Собранный лексический материал позволяет выделить несколько пластов лексики неисконного происхождения в чирской группе донских говоров. Наиболее значительны из них – пласт единиц тюркского происхождения и украинизмы.

Всякое лексическое заимствование, независимо от того, из каких источников оно поступает, свидетельствует о живом контакте разноструктурных языков.

Стоит отметить, что заимствования из тюркских языков характерны не только для донских говоров, но и в целом для русского языка.

В развитии русско-тюркских языковых связей отмечается несколько исторических периодов. Древнейшим является период, охватывающий первые века нашей эры, когда славяне вступают в торговые отношения с тюрками-аварами, а позже – с хазарами, волжскими болгарами и другими тюркскими племенами, а также с финно-уграми и иранцами. Возникшая издревле связь между русским и тюркскими народами, их тесный контакт, обусловленный территориальной близостью и жизненной необходимостью поддерживать торгово-экономические взаимоотношения, потребовали от народов, носителей этих языков, практического знания языков своих соседей.

В период домонголо-татарского нашествия (X–XII вв.) особенно оживились взаимоотношения славян с огузскими и кыпчакскими (половецкими) племенами.

Для XII – XV вв., в «период монголо-татарского нашествия, характерно проникновение большого количества тюркских слов в русский язык.

Взаимопроникновение русской и тюркской лексики усилилось особенно в период присоединения к России Казанского, Астраханского и Крымского ханства» [Шипова, 1976].

На конец XV – начало XVI в. приходится и возникновение донского казачества, которое участвовало в разных войнах того времени. Казаки нижнего с самого начала вело борьбу с турками. Постоянное взаимодействие казаков с тюркоговорящими народами приводило и к языковым заимствованиям.

В чирской группе донских говоров тюркского происхождения имеются лексемы *ирья́н* (ирян, арян) ‘напиток из разведенного водой отцеженного кислого молока’, *сюзьма́* ‘заквашенное и отделенное от сыворотки молоко’, *каймак* ‘густые пенки, снятые с кипяченого или затопленного молока’, *гардал* ‘горчица’, *баишлы́к* ‘капюшон’, *бирю́к* ‘волк’ *турлу́к* ‘медведка’. Данные лексические единицы зафиксированы в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера и в «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова. Ср.: *айра́н* ‘напиток из кислого молока’, заимствовано из тур., чагат., крым.-тат., казах., карач., балкар. [Фасмер, 1996]; *сюзьма́* ‘кушанье из

процеженного кислого молока’, заимствовано из тур. *syzma* ‘просочившееся’: *syzmaк* ‘просачиваться’ [Фасмер, 1996]; *каймак* ‘молочный продукт, обычно густые сливки’, заимствовано из турк. *қаймақ* [Фасмер, 1996]; *гардál* ‘горчица’, заимствовано из тур., *hardal* ‘горчица’ [Фасмер, 1996]; *баи́льк* ‘вид капюшона’, заимств. из тур., крым.-тат., азерб., тат. [Фасмер, 1996]; *бирю́к* ‘волк, нелюдим’, заимствовано из тюрк. [Фасмер, 1996]. Слово *турлук* в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера определяется как из тур. *torluk* ‘землянка’ [Фасмер, 1996]. В своем исходном значении данная единица не связана с признаком «насекомое», но обозначает насекомое, которое ведёт преимущественно подземный образ жизни.

Присутствие украинизмов в донских говорах обусловлено соседством и многовековыми контактами донских казаков с украинцами. «Первые сведения о появлении украинцев на Дону относятся к 70-м гг. XVI в. Значительным был приток малороссов в XVII в., после подавления крестьянских восстаний. В XVIII в. было одно из самых многочисленных украинских переселений, которое специалисты нередко называют колонизацией Дона. Ранние переселения были связаны с Запорожской Сечью. Донские казаки к этому времени сформировались как военное сословие и поэтому не занимались земледелием. Рядом с ними возникали украинские поселения, жители которых были преимущественно земледельцами и ремесленниками. Обычно украинцы размещались достаточно компактно, поэтому многие места носят наименование слободы. Малороссы переносили на Дон особенности своего говора, который смешивался с южнорусскими, – таким образом образовывался новый тип смешанного говора» [Флягина, 2015, с. 100].

В чирских говорах записаны слова: *жме́ня* ‘количество чего-либо, захватываемое горстью’, *цеба́рка* ‘большое металлическое ведро, расширяющееся кверху’, *шлях* ‘неезженная дорога’, *гутáрить* ‘разговаривать’. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера все эти слова зафиксированы как заимствованные из украинского языка. Ср.: *жме́ня* ‘пригоршня’, укр.; *цеба́рь* *це́бер*, *цыба́р* ‘бадья, ведро’, укр.; *шлях* ‘дорога’, укр.; *гутóр* ‘беседа, болтовня’, *гутóрить*, *гутáрить*, *гутóра*, *гутáрка*, укр. *гуті́р* ‘разговор, беседа’, *гутóрити* ‘болтать’.

Помимо тюркизмов и украинизмов, в лексике донских говоров присутствуют также лексические единицы из финно-угорских и других славянских языков. М. В. Флягина замечает, что «финно-угоризмы проникли в донские говоры опосредованно, через северновеликорусские говоры, этих наименований немного: кулига, майна, вайгак» [Флягина, 2015, с. 161]. В чирской группе донского диалекта на сегодняшний день зафиксировано только одно слово – *кулига* ‘небольшой участок поля, луга огорода’. «Заимствования из инославянских языков и диалектов могли проникать как вследствие прямых языковых контактов, так и путем иррадиации из соседних западнорусских диалектов» [Флягина, 2015, с. 161].

Во время диалектологических экспедиций на территорию чирских говоров были зафиксированы единичные случаи заимствования из польского и персидского языков: *жалмерка* ‘солдатка’, ср.: *жолнер* ‘солдат’, заимств. через польск. *żołnierz*, чеш. *žoldněř* из ср.-в.-н. *soldenære* ‘наемный солдат’ [Фасмер, 1996]; *жерделá* ‘мелкий сорт абрикосов’ заимств. из перс. [Фасмер, 1996].

Характерной особенностью для донских говоров является тот факт, что они и сами в какой-то степени стали основой для говора казаков-некрасовцев. Донские казаки неоднократно, как по своей воле, так и по распоряжению правительства, переселялись в другие регионы нашей страны и даже на территории других государств. Ярким примером тому являются казаки-некрасовцы – особая социально-конфессиональная группа русского этноса, проживающая на Ставрополье. Некрасовцы – потомки донских казаков, которые после подавления Булавинского восстания ушли с Дона в сентябре 1708 г. В середине XX в. они вернулись на родину, в 1962 г. группа казаков-некрасовцев поселилась в различных селах Левокумского района Ставропольского края. Среди казаков-некрасовцев были и выходцы из станицы Нижний Чир. По преданию и по некоторым историческим сведениям, Игнат Некрасов увел с собой несколько тысяч казаков, при которых были женщины и дети. Это были выходцы из станиц, расположенных по верхне-среднему течению реки Дон, (станции: Есауловская, Старо-Георгиевская, Нижне-Чирская, Голубинская и прилегающие к ним хутора).

Мы сопоставили материал «Словаря говоров казаков-некрасовцев» под редакцией О.К. Сердюковой [Сердюкова, 2005] и диалектную лексику станицы Нижний Чир, где функционирует чирская группа донских говоров, и выявили генетическую связь данных говоров. Нами было проанализировано 2920 словарных статей из «Словаря казаков-некрасовцев». В результате исследования было выявлено, что 1246 лексических единиц из словаря записаны в станице. Из них 858 слов находятся в активном употреблении жителей коренного населения. 388 лексических единиц в настоящее время уже не встречаются в речи жителей станицы Нижний Чир, но отражены в СДГВО с пометой «Н-Чир», следовательно, ранее данные слова употреблялись жителями станицы.

Сопоставление лексических единиц из словаря казаков-некрасовцев (далее некр.) с единицами говора станицы Нижний Чир (далее Н-Чир) позволяет выявить следующие лексемы: 1) полностью совпадающие: *ба́нить* ‘мыть’, *вечéрять* ‘ужинать’, *бо́леть* ‘становиться больше, расти’, *жечь* ‘жалить (о насекомых)’, *куны́рь* ‘стебель растения с соцветием’; 2) отличающиеся словообразовательной структурой или фонематическими особенностями: *го́льный* ‘один только’ (некр.) – *гольно́й* (Н-Чир), *дуться* ‘терпеть, выдёрживать’ (некр.) – *выдува́ться* ‘терпеть, справляться, выдёрживать’ (Н-Чир); 3) совпадающие по морфологическим и фонетическим признакам, но отличающиеся оттенками значений: *гайтáн* ‘тесьма, которой отделяют рубахи и балахоны’ (некр.) – *гайтáн* ‘шнурок (тесьма, цепочка) для нательного креста’ (Н-Чир), *курéнь* ‘временное жилище, шалаш’ (некр.) – *курéнь* ‘большой, добротный дом’ (Н-Чир); 4) совпадающие по морфологическим и фонетическим признакам, но имеющие разные значения: *жа́дать* ‘жалеть, любить’, *жадо́бник* ‘о добром жалостливом человеке’ (некр.) – *жа́дать* ‘проявлять жадность, жадничать’, *жадо́ба* ‘жадный, скупой человек’ (Н-Чир), *лунáтый* ‘облупленный, шелушащийся’ (некр.) – *лунáтый* ‘имеющий большие глаза’ о человеке или о животном (Н-Чир). Таким образом, говор казаков-некрасовцев и говор станицы Нижний Чир, несмотря на разные языковые и неязыковые условия развития, сохранили одинаковые черты южнорусского, донского диалекта, что позволяет говорить о генетической связи этих говоров [Филатова, 2020].

Структурно донские говоры подразделяются на три группы: хоперские, медведицкие, чирские. На это указывал Л.М. Орлов [Орлов, 1984]. Очертания этих групп сближаются с границами старых административных округов бывшей Области Войска Донского. На территории современной Волгоградской области находилось три округа Области Войска Донского:

1) Хоперский, центром которого являлась станица Урюпинская (сегодня г. Урюпинск);

2) Усть-Медведицкий, центром которого являлась станица Усть-Медведицкая (сегодня г. Серафимович);

3) Второй Донской, центром которого являлась станица Нижне-Чирская (сегодня станица Нижний Чир) [Орлов, 1984].

В большей степени противостоят друг другу хоперские (северные) и чирские (южные) говоры, каждый из этих ареалов имеет ряд особенностей, отсутствующих или иначе выраженных в другом. Медведицкая группа (средняя, центральная) как промежуточная между первыми двумя обнаруживает лишь единичные отличительные черты.

Для более полного представления о различительных чертах чирской, хоперской и медведицкой групп обратимся к фонетическим и грамматическим особенностям этих говоров.

Для чирской группы характерны: «яканье диссимилятивное донского подтипа и ассимилятивно-диссимилятивное кидусовского подтипа; твердое произношение долгих [ж] и [ш] (во[ж]и, [ш]ука), но особо произносится слово *щи* — как [шт'и]; деаффрикация звука [ч], который произносится как мягкий [ш'] ([ш']ай, [ш']асы, [ш']улки); замена [ф] на [х], [хв] ([Хв]ёдор, [Хв]илипп, ко[х]та); протетический [в] перед начальными [о], [у] ([во]зеро, [ву]-лица); личные 1-го и 2-го лица и возвратное местоимения употребляются в родительном и винительном падежах с флексией -е (*у мене, тебе, себе*), имена существительные среднего рода переходят в женский род (*сырая мяса, поехал в полю*); группа имен женского и мужского рода получает в чирских говорах форму, сходную с формой среднего рода на [-о, -'о]: *копнó, метлó*,

стенó, кофтó, нурё, сатанó, звездó, стпрелó, блеснó, дернó, чехлó, рулё» [Кудряшова, 1998, с. 13–14].

Хопёрские говоры на фонетическом уровне отличаются от чирских и медведицких мягким произношением согласных [р'] и [н'] в положении перед [ц]: *огурьцы, коньцы, соньце*; слово *ещё* произносится как *ишто*. В области грамматики в хопёрской группе донских говоров наблюдается произношение местоимений 1-го, 2-го лица и возвратного в родительном и винительном падежах как: *у мяня, у тябя, у сябя*; существительные ср. рода могут переходить и в жен. и в м. род.

В медведицких говорах наблюдается фонетическое отличие от чирских и хоперских: начальное [а] второго предударного слога заменяется на [и]: *игурцы, игарод, итайди*.

На лексическом уровне в трех группах донских волгоградских говоров (хоперских, чирских, медведицких) волгоградскими учеными выделены тройственные противопоставления [Орлов, 1989, Кудряшова, 1998]. В таблице № 1 приведены примеры таких лексических единиц.

Табл 1.

Группы донских казачьих говоров

Литературный языковой эквивалент	Хоперская группа донских говоров	Медведицкая группа донских говоров	Чирская группа донских говоров
Помидоры	<i>Баташки, паташки</i>	<i>Баклажаны, баклажки</i>	<i>Цыганки, боговы яблочки</i>
Квашеное отжатое молоко, предназначенное для длительного хранения	<i>Откидное молоко</i>	<i>Стечное молоко</i>	<i>Портошное, сюзьма</i>
Женский фартук	<i>Запон</i>	<i>Занавеска</i>	<i>Завеса, завеска</i>

Можно найти в группах говоров и семантические диалектизмы. Так, слово *каньш* означает в медведицких говорах ватрушку, в чирских – слоеный пирог с начинкой из яиц и сметаны, в хоперских – индюка (индюшку называют *канкой*). *Утиркой* в чирских и хоперских говорах называют полотенце, а в медведицких –

носовой платок. *Махоткой* в чирских и медведицких говорах называют маленький глиняный горшок, в хоперских – большой глиняный горшок. Для обозначения большого горшка в чирских и медведицких говорах существует слово *черепушка*, а для обозначения маленького горшка в хоперских говорах бытует слово *пекулёк*.

Итак, донские говоры Волгоградской области являются социально изолированными, сложившимися в донациональный период русской истории, отличающимися известной общностью словаря. Лексика чирских говоров как часть лексической системы казачьего диалекта специфична и включает в себя южнорусские диалектные слова и множество заимствований из тюркских и украинского языков.

С точки зрения структурных особенностей данные говоры имеют ряд отличий на разных донских территориях, так как специфические условия формирования донских говоров и сложности их существования привели к разнообразию наименований предметов и явлений окружающей действительности. Так, есть диалектные слова, которые присущи всему донскому диалекту (таких большая часть), а есть те, которые характерны только для чирской группы.

1. 3. Лексика чирской группы донских говоров как система

В русском языке есть много диалектов и тем более говоров. Совокупность всех диалектов и говоров составляет особую макросистему, в целом противопоставленную литературному языку, которая и является диалектным языком. В отличие от литературного языка, диалектный язык территориально варьируется, делится на частные диалектные системы [Филин, 1982, с. 264].

«Современные диалекты русского языка ученые характеризуют как сложные языковые системы. Их сложность обуславливается как общими свойствами языка вообще, так и своеобразием русских говоров, специфическими особенностями их современного функционирования» [Кузнецова, 1994, с. 3].

Донские казачьи говоры характеризуются целостной диалектной системой, которая обладает особой спецификой, проявляющейся в устойчивом сохранении основных черт традиционной системы диалекта.

По мнению Р.И. Кудряшовой, в говорах социально изолированного типа особенно заметна неравномерность утраты специфических диалектных черт: наиболее существенные, основные в диалектной системе, важные для коммуникации лексические, фонетические, грамматические признаки устойчиво сохраняются в них, утрачиваются же особенности локально ограниченные и имеющие низкую степень коммуникативной значимости.

На лексическом уровне процессы в социально изолированных говорах во многом совпадают с теми, что наблюдаются в диалектах другого типа. Однако, в отличие от говоров неизолированного типа, в них наблюдается столкновение диалектных слов своей системы только с литературными словами, а не с лексемами, характерными для окружающих говоров [Кудряшова, 1997].

Лексический уровень диалектов постоянно подвергается воздействию со стороны иных языковых систем, подсистем, утрачиваются факты архаических лексических систем – это вызывает определенные сложности при выявлении системных отношений в диалектной лексике.

Проявление системных отношений в лексике, может служить определенным доказательством языкового, культурного, исторического единства той или иной территории (в данном исследовании – чирской группы донских казачьих говоров).

«В понятие системности лексики включены два взаимообусловленных характерных признака этого уровня: во-первых, лексическая система как набор словарных единиц (слов и оборотов, являющихся назывными средствами), во-вторых, лексическая система как форма организации этих единиц и способы их взаимодействия» [Апоева, 2009, с. 11].

Лексическая система – это «внутренне организованное единство, элементы которого постоянно взаимодействуют друг с другом и находятся в определенных устойчивых отношениях. Лексические единицы вступают в парадигматические и синтагматические отношения. Под парадигматическими отношениями

понимаются отношения между единицами одного класса, одной группы слов. Разные единицы, находящиеся в парадигматических отношениях, не могут быть употреблены одновременно» [Шмелёв, 1977, с. 112–113].

Н. В. Уфимцева, Д. Н. Шмелёв отмечали, что для объединения слов важнейшим критерием служит наличие (или отсутствие) как сходных, так и различительных признаков в их семантической структуре [Уфимцева, 2019; Шмелёв, 1977].

«Группы, в которые по семантическим признакам объединяются слова, могут быть выделены по разным критериям. В основу могут быть положены нелингвистические характеристики (например, деление лексики на тематические классы, т. е. такие наборы слов, которые связаны единой темой и сходством обозначаемых понятий), собственно лингвистические свойства слов (например, распределение слов по частям речи, которое основано на сходстве лексико-семантических и формально грамматических признаков), лингвостилистические признаки (объединение слов с оттенком торжественности или с шутливой, фамильярно-сниженной окраской и т. д.)» [Аппоев, 2009, с. 14].

Диалектная лексика может рассматриваться с разных сторон.

«При характеристике диалектной лексики в ее соотношении с другими формами русского языка выделяются общерусские слова и их варианты; диалектно-просторечные слова и их варианты; диалектные слова и их варианты» [Блинова, 1984, с. 36]. Слова общерусские (общенародные) употребляются не только в говоре, но и в других формах русского языка. Ф.П. Филин замечает: «Русские говоры близки друг к другу, так как их объединяет единая общенародная основа, унаследованная от древнерусского языка и с XVI в. получившая неповторимые особенности, которые продолжают развиваться и обогащаться и в наше время. Общенародная основа имеется во всех разновидностях русского языка, она представлена как в литературном языке, так и в территориальных говорах. Любой говор состоит из общенародной основы, своеобразно сочетающейся с локализмами разного происхождения» [Филин, 1977, с. 270–271].

В рассматриваемых говорах отмечается широкое функционирование общерусских слов, входящих в разные тематические группы и служащих материалом для обозначения разных предметов и явлений привычного повседневного быта, природы, культурного и исторического наследия донского казачества: *казáк, атамáн, стани́ца, ху́тор, папа́ха, ша́шка* и т.д.

Общепонятные слова употребляются как носителями говоров, так и в литературном языке, они достаточно хорошо изучены, поэтому в настоящей работе они не затрагиваются.

Диалектно-просторечные слова – слова, бытующие и в говоре, и в городском просторечии, но не употребляющиеся в нормированном литературном языке. В чирских говорах встречаются такие слова, как *ба́ба* 'жена', *ба́шка* 'голова', *ве́дро* 'ясная солнечная сухая погода', *дью́же* 'очень, сильно', *кли́кать* 'звать'.

Диалектные (областные) слова известны только говору. Для донских говоров характерны такие лексические единицы, как, например, *вили́ужина* 'извилистая черта, извилина, кривизна' [СДГВО, 284]; *гарда́л* 'острая приправа к пище из размолотых семян горчицы' [СДГВО, 105]; *санухá* 'черный налет, оседающий в печи, дымоходе; сажа' [СДГВО, 123].

С другой стороны, местный диалект можно представить с точки зрения экспрессивно-стилистической дифференциации. Диалект, как и литературный язык, имеет три основных стиля: нейтральный, низкий (обиходно-разговорный) и высокий. В говоре, как и в литературном языке, определяющим пластом является нейтральная лексика. Примеры нейтральных слов в чирской группе донского диалекта: *алима́н* 'низина, заливаемая внешней водой', *а́рка* 'крытое крыльцо', *ба́нить* 'мыть что-либо, стирать', *затёять* 'приготовить, замесить тесто для выпечки хлеба, приготовления блинов', *ка́мушек* 'семя с твердой оболочкой плода, косточка' и др.

«Эмоционально-экспрессивные слова составляют неотъемлемую часть разговорной лексики диалекта. Они создают повышенный эмоциональный тонус разговорной речи, придают большую выразительность ей, связанную с

необходимостью усиления воздействующей силы говоримого» [Блинова, 1984, с. 40].

Среди собственно экспрессивных слов в чирских говорах представлены образования с суффиксами: *-ин* (а) (*домі́на* ‘большой дом’, *картошина* ‘один клубень картофеля; картофелина’, *лампа́сина* ‘цветная полоса с кантом в промежутке, нашиваемая по наружному шву форменных брюк, лампас’), *-ищ-* (е,а) (*латі́ще* ‘нога большого размера’), *-енн* (ый) (*страше́нный*, *широше́нный*).

Присутствует в чирских говорах снисходительная лексика, которая имеет формальную выраженность посредством суффиксов *-ишк-* (*казачі́шка*), *-нишк-* (*плетні́шка*), *-онк-* (*пальтушо́нка* ‘короткая верхняя одежда, пальто’), *-онок/-ёнок-* (*кошо́нок*, *курёнок*).

Среди эмоциональной лексики широко представлены ласкательные и уменьшительно-ласкательные лексические единицы: *подсо́лнушек* ‘подсолнечник’, *подсека́льничек* ‘прикрепленная к рукоятке веревка или ремень, которым погоняют животное; кнут’, *опу́почек* ‘завязь плодов, овощей’, *копытёнка* ‘копыто, копытце’.

Отмеченная в чирских говорах сниженная лексика включает в себя слова диалекта с ярко выраженной экспрессией, эмоциональностью (обычно это отрицательно-оценочные слова): *ля́рва* ‘гулящая, развратная женщина’ (*Давно тебе эту лярву нада была бросить*), *ко́мпол* ‘голова’ (*Компол тебе нада прабить*), *огло́дина* ‘ненасытный человек’ (*Аглаедина ничаво ни делать*), *вожжа́ться* ‘водить близкое знакомство’ (*Нечива с ними важжаца*)

«Традиционно считается, что основной функцией такой сниженной лексики является выражение эмоций в конкретной эмоциональной ситуации» [Коробкина, 2017, с. 109].

В чирской группе донских говоров вычленяются лишь элементы народно-поэтической речи. Например: *раздо́брый* фольк. ‘обладающий положительными человеческими качествами, достойный уважения’, *раздушо́ночка* ласк. ‘обращение к кому-либо: милый, милая’.

Лексика диалекта с точки зрения сферы ее употребления делится на слова неограниченного употребления и ограниченного употребления, что имеет социальную обусловленность. Лексика, сфера использования которой ограничена социально, представлена профессионализмами. Например: *катері́нка* ‘шерстобитное приспособление для взбивания шерсти’, *откв́ашивать* спец. ‘обрабатывать кожу, овчину путём вымачивания в специальном растворе для удаления шерсти’, *погрему́шка* рыб. ‘шумовое приспособление, использующееся при ловле рыбы сетью или бреднем’, *пахать в развал* спец. ‘пахать участок с середины поля по расширяющемуся прямоугольнику к краям’.

«Слова как значимые единицы языка не существуют изолированно, собственное значение каждого из них зависит в той или иной мере от значения других связанных с ним по смыслу слов, от возможностей его сочетания с другими словами, а также от тех деривационных рядов, в которых слово находится» [Шмелёв, 1977, с. 188].

Элементы языка находятся друг с другом в двух типах отношений: синтагматических и парадигматических.

Отношения между лексическими единицами, объединенными в сознании говорящих определенным ассоциативным признаком, являются парадигматическими.

«В лексике говоров наблюдаются те же парадигматические отношения, которые характеризуют любую языковую систему: полисемия, омонимия, синонимия, антонимия» [Касаткин, 2005, с. 227]; «системные отношения проявляются в объединении слов по тематическим и лексико-семантическим группам, в родовидовых отношениях и связях, намечаемых в кругу диалектной лексики» [Сороколетов, 1968, с. 14].

«Когда мы говорим о синонимах, антонимах, омонимах, полисемантизме и иных лексико-семантических связях, мы обязательно имеем в виду сосуществование слов в одной и той же живой, действующей коммуникативной единице. Местный говор является реальной коммуникативной единицей – на нем говорит определённое количество людей» [Филин, 1977, с. 266].

Имеющийся лексический материал позволяет выявить системообразующие черты в лексике чирской группы донских казачьих говоров.

Полисемию образуют семантические варианты одного слова, его значения. Например: *разбазявить* 1. 'израсходовать, легкомысленно растратить', 2. 'распространить слухи, насплетничать'; *раздеклешивать* 1. 'ходить, гулять без дела, выставять себя напоказ', 2. 'танцевать энергично, петь, веселиться', 3. 'идти вразвалочку'; *скля́нка* 1. 'мелкий осколок стекла, стекляшка', 2. 'сорт скороспелой вишни с тонкой кожурой'; *спóрный* 1. 'быстрый, дружный, ладный (о работе)', 2. 'мелкий, частый, спорый (о дожде)'.

«Омонимию определяют как семантические отношения внутренне несвязанных, немотивированных значений, выражаемых одной звуковой формой. Омонимы, являясь разными словами, могут представлять разошедшиеся значения, восходящие к вариантам одного слова, могут быть образованиями от разных корней, совпавшими по звуковой форме, или однокоренными от разных основ» [Касаткин, 2005, с. 228]. В чирской группе донских говоров отмечены, например, такие омонимичные пары: *солда́тик* 'насекомое, наземный клоп с красной спинкой, покрытой черными точками' и *солда́тик* 'травянистое декоративное растение семейства сложноцветных – циния'; *снести* 'сломав, разрушив, удалить с какой-либо поверхности, уничтожить, снести' и *снести* 'отложить яйца, снести' – слова одного корня, но разошедшиеся по значению. К разным корням восходят омонимы *пасть* 'свалиться на землю, упасть' и *пасть* 'присматривать за скотом и птицей во время выгона на подножный корм, пасти'.

«Синонимия – способность языка выражать одно и то же содержание разными средствами – проявляется на лексико-семантическом уровне в том, что язык располагает большим количеством синонимов – слов, тождественных или близких по значению» [Касаткин, 2005, с. 229].

При установлении типологии семантических отношений между компонентами синонимических рядов в специальной литературе прочно закрепилась традиция выделять несколько разновидностей синонимов: 1) синонимы абсолютные, или дублеты, – с тождественным значением; 2) синонимы

относительные, или семантические, – с близким значением; 3) синонимы стилистические (эмоционально-экспрессивные, экспрессивные), различающиеся экспрессивно-стилистической окраской; 4) синонимы семантико-стилистические, различающиеся оттенками значения и эмоционально-экспрессивной окраской.

Два и более лексических синонима, соотносимые между собой при обозначении одних и тех же явлений, предметов, признаков, действий и т.д., образуют в языке определённую группу, парадигму – синонимический ряд.

Приведем несколько синонимических рядов, наблюдаемых в чирских говорах:

– *опростáться* ‘снять верхнюю одежду’ – *разбирáться* ‘снимать с себя одежду, раздеваться’ – *телеши́ться* ‘раздеваться, обнажая тело’ – *осмури́гать* ‘скинуть, быстро снять одежду’;

– *отбубéнить* ‘избить, побить’ – *отбу́здать* ‘побить, избить, отлупить’, *отбузовáть* ‘побить, поколотить, отлупить’ – *отбу́цкать* ‘побить, отшлёпать (обычно при разговоре с детьми)’ – *отбу́чить* ‘сильно побить, избить’ – *отвалту́зить* ‘сильно избить, поколотить’ – *отва́тлать* ‘побить, поколотить; оттаскать за волосы’ – *отдёргать* ‘выпороть, побить’ – *отдубáстить* ‘избить, поколотить, отдубасить’ – *откудéлить* ‘оттаскать за волосы’ – *отмуту́зить* ‘избить, отколотить, сильно побить’ – *отстебáть* ‘сильно побить чем-либо гибким, отхлестать’;

– *осерди́ниться* ‘почувствовать раздражение, негодование; рассердиться’ – *осикну́ться* ‘рассердиться, обидевшись’ – *расторова́риться* ‘проявлять ярость все сильнее и сильнее’ – *расхандрова́ться* ‘прийти в состояние крайнего раздражения, гнева’;

– *осклизну́ться* ‘заскользив, потерять равновесие, поскользнуться’ – *осмыгну́ться* ‘неудачно ступить, потерять равновесие, споткнуться’ – *оступну́ться* ‘неловко, неудачно ступить, оступиться’.

Особый интерес вызывает обилие в диалекте абсолютных синонимов, которые редки в литературном языке. Это явление связано с их длительным существованием в языке. Однако дублеты в говоре не свидетельствуют об

избыточности диалектной лексической системы, а представляют собой естественное порождение живой речи и необходимы для ее стилистического разнообразия [Блинова, 1984].

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике является соотносительное противопоставление двух и более слов, противоположных по самому общему и наиболее существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова называются лексическими антонимами. Например: *растелешиться* ‘раздеться, обнажить тело’ – *обурдюжиться* ‘надеть на себя много одежды’; *отсе́да* ‘из этого или от этого места, отсюда’ – *туда́* ‘в то место, в ту сторону, туда’.

Системная организация лексики характеризуется и наличием в ней объединений слов, связанных общностью значений, – тематическими парадигмами, которые фиксируют отношения, смысловые связи, закрепленные между явлениями действительности и нашедшие свое отражение в лексико-семантической системе.

Объединения диалектных слов по тематическим и лексико-семантическим критериям представлены в ряде работ современных лингвистов: Л. А. Власовой [Власова, 2005], Н. И. Курганской [Курганская, 1981], В. Г. Маслова [Маслов, 2007], Г. С. Масловой [Маслова, 1984] и др. По наблюдению В.Г. Маслова, «слово в говоре, как и в литературном языке, представляет собой не изолированный единичный факт, а характерную для говора лексическую парадигму, и связывается с другими членами этой же парадигмы многообразными отношениями» [Маслов, 2007, с. 53]. Однако исследователь замечает, что диалектные единицы обладают отличительной особенностью в сравнении с лексемами литературного языка: «В ходе исследования диалектной лексики на первый план выдвигается, как правило, проблема специфики диалектного слова в его сопоставлении с соответствующим словом литературного языка» [Маслов, 2007, с. 102]. Несмотря на различные модификации, «системность лексики одного говора определяется тем, что в ней нет семантически взаимоисключающих лексических единиц» [Маслов, 2007, с. 108].

В. Г. Маслов считает: «Лексику отдельного говора можно рассматривать как единое структурное целое, все компоненты которого связаны системными отношениями» [Маслов, 2000, с. 13]. По мнению Ф. П. Сороколетова, диалектная лексика характеризуется более тесной связью с возрастной дифференциацией носителей диалекта, наличием большей вариативности, большей подвижностью и проницаемостью» [Сороколетов, 1978, с. 13].

Во второй главе диссертации рассматриваются системные отношения между диалектными единицами в пределах тематических групп (вслед за Ф. П. Филиным), представленными частными объединениями – подгруппами.

1.4. Типы диалектизмов чирской группы донских говоров

Вопрос о типах лексических различий диалектного языка важен не только для глубоко научного понимания особенностей диалектной лексической системы, но и для правильного представления о характере единства диалектного языка и его месте в системе национального языка.

В фундаментальных диалектологических исследованиях выделяют следующие диалектизмы: собственно лексические, лексико-словообразовательные, лексико-фонетические (фонематические), лексико-семантические (М. А. Мещерский, Н. М. Шанский, И. А. Оссовецкий).

Наиболее детальная классификация предложена О. И. Блиновой. «Одну из категорий типологического анализа лексики составляет понятие “соответственное явление”, которое формируется из соответственных эквивалентных единиц сопоставляемых диалектов (языков). Компонентами «соответственного явления» выступают непротивопоставленные лексические различия, образующие такие “соответственные явления”, в которых второй компонент равен нулю (“нулевой” компонент), и противопоставленные различия, для которых характерно собственно языковое противопоставление, т. е. наличие в каждом из говоров взаимно эквивалентного языкового факта» [Блинова, 1984, с. 81].

Учитывая деление лексических различий на непротивопоставленные и противопоставленные, О. И. Блинова предлагает иной принцип классификации противопоставленных лексических различий, основываясь на строгом последовательном разграничении противопоставлений разных слов и вариантов одного и того же слова. Противопоставленные лексические различия в связи с этим делятся на собственно лексические и вариантные, в свою очередь каждые из них поддаются более дробному членению.

Собственно лексические различия делятся на омонимы (основанные на материальном тождестве) и синонимы (основанные на семантическом тождестве).

«Вариантные различия включают в себя фономорфологические варианты, которые делятся на фонетические (акцентные, фонематические) и морфологические (грамматические и лексико-морфологические) и лексико-семантические варианты» [Блинова, 1984, с. 86].

На основании представленных выше классификаций и исходя из собранного лексического материала, рассмотрим выделенные нами типы диалектизмов в чирской группе донских говоров.

Собственно лексические диалектизмы – это слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или производные от литературных корней, имеющие в говорах особые значения. В данной группе диалектных лексем выделяют два подтипа: 1) единицы, корни которых отсутствуют в русском литературном языке (*кубыть* ‘может быть, значит’, *кóчет* ‘петух’, *курень* ‘дом’, *амонáтка* ‘нечестная женщина, обманщица’, *ва́жить* ‘взвешивать’, *чирикí* ‘обувь, чаще всего при обозначении летней или домашней обуви’, *жердёлы* ‘абрикос’, *рэпаться* ‘лопаться, трескаться’, *свербётъ* ‘чесаться, зудеть’, *колготной* ‘беспокойный, суетливый’, *надысь* ‘недавно’, *бирю́к* ‘волк’, *грёбовать* ‘брезговать’, *балóнка* ‘подоконник’ и др.); 2) единицы, состоящие из общерусских корневых и аффиксальных морфем в специфических для диалекта комбинациях (*доиски́ваться* ‘допытываться, дознаваться, докапываться до истины’, *жалéть* ‘любить’, *áмором* ‘очень быстро, стремительно’, *балбёрка* ‘поплавок у рыбной

сети', *балыхрисник* 'бездельник, лентяй', *брухать* 'бодать', *будылка* 'стебель растения без листьев', *буздать* 'есть с аппетитом', *бузовать* 'делать что-либо быстро, энергично, без остановки', *брунеть* 'жужжать (о насекомых)' и др.).

Собственно лексические диалектизмы составляют среди зафиксированного языкового материала 18 %.

Лексико-словообразовательные диалектизмы – слова, получившие в диалекте особое аффиксальное оформление. Здесь можно выделить диалектизмы, которые отличаются от соответствующих им эквивалентов литературного языка только составом морфем (*болéсть* 'болезнь', *друзья́к* 'друг', *вда́рить* 'ударить', *взревновáть* 'начать ревновать', *гля* 'посмотри', *сбирáть* 'собирать', *зачинáть* 'начинать', *жа́литься* 'жаловаться', *заглядáть* 'заглядывать', *накладáть* 'накладывать', *оглядáться* 'оглядываться', *отопля́ть* 'отапливать', *укладáть* 'укладывать', *укладáться* 'укладываться', *блеску́чий* 'блестящий', *давнóшний* 'давнишний', *отсéль* 'отсюда', *мокру́шка* 'мокрица', *бывáлыча* 'бывало', *тепе́ря* 'теперь', *верхи́* 'верхом'), и диалектизмы, не имеющие в литературном языке прямых эквивалентов, но построенные из литературных морфем (без изменения значения корня) по литературным словообразовательным моделям: *гололédить*, *завесня́ть*, *засне́жить* со значением 'начаться метеорологическому явлению', *ба́нить* 'стирать', *боле́зный* 'хороший, любезный', *зара́з* 'сейчас', *духмя́ный* 'издающий сильный, приятный запах', *борово́к* 'горизонтальная часть дымохода, расположенная на чердаке', *доёнка* 'подойник', *доку́чий* 'докучный, надоедливый', *бри́ца* 'сорное растение метлица обыкновенная', *цыганки́* 'помидоры', *едо́вый* 'годный в пищу, съедобный', *ма́ковка* 'макушка', *аккура́тница* 'аккуратная женщина, содержащая в порядке дом и хозяйство', *баде́йка* 'большое ведро', *бархо́тка* 'растение бархатцы', *беси́ва* 'ядовитое растение белена', *бегу́чий* 'быстро бегущий, перемещающий', *бу́дя* 'довольно, достаточно, хватит'.

Обращает на себя внимание присутствие в чирской группе донских говоров значительного количества глаголов с дополнительным префиксом по- (*попора́зьехаться*, *попомерéть*, *поподкра́сить*, *пополома́ть*, *попорéзатъ*,

попосрывать, попостелить, попошить) и наречий с суффиксами *-очк-, -ечк-* (*тоночка, чисточка, хорошеночка, быстрочка, узочка, аккуратничко*). Такие диалектные слова, образованные по общей с литературным языком деривационной модели, но в литературном языке не существующие, обладают сравнительно большей стабильностью, чем и объясняется их значительное количество в речи носителей диалекта [Костина, 2008, с. 70]. «Носителям говоров легко заметить, что слова такого типа в говоре есть, и трудно заметить, что именно данное слово в нем отсутствует» [Оссовецкий 1982, с. 173].

В исследуемой лексике чирской группы говоров выделено 36% лексико-словообразовательных диалектизмов (от общего количества исследуемой лексики).

Большое количество словообразовательных диалектизмов в чирской группе донских говоров свидетельствует об устойчивости данного типа в диалектной лексической системе.

Лексико-фонетические диалектизмы – слова, которые совпадают по значению с соответствующими словами в литературном языке, но отличаются одной или несколькими фонемами. Общеизвестно, что современные диалектные системы представляют собой сложное явление: регулярные фонетические особенности сосуществуют в них с нерегулярными, находясь в тесном взаимодействии. В науке накопилось и продолжает расти число фактов, не укладывающихся в рамки известных фонетических закономерностей, фактов, свидетельствующих об отклонениях от них. Эти отклонения, исключения обычно реализуются в отдельных конкретных словах и потому называются лексикализованными. Причины их происхождения различны: от реализации старых регулярных процессов до отклонений от существующих ныне. Лексикализованные явления относятся к межуровневым, проявляющимся на фонетическом и лексическом уровнях: «являясь фонетическими по своей природе, отражаясь в фонетической стороне слов, в то же время они служат индивидуальной приметой их фонетического облика, проявляясь, таким образом, на лексическом уровне» [Кузнецова, 1982, с. 7].

Диалектные лексемы, в которых реализовались лексикализованные фонетические особенности говоров, считаются самостоятельными словами в отличие от лексем, в произносительном облике которых нашли отражение регулярные фонетические процессы. Как правило, в результате данных процессов образуются фонематические диалектизмы. Это слова, совпадающие с литературными эквивалентами по значению, но отличающиеся от них качеством и количеством фонем, причем указанные отличия не связаны с фонетическими закономерностями системы говора. Таким образом, к данному типу не относятся фонетические варианты слов русского языка, отражающие живые фонетические процессы [Костина, 2008, с. 70]. Еще одной разновидностью фонетических диалектизмов являются акцентологические.

В чирских говорах зафиксированы такие лексико-фонетические диалектизмы:

1) Фонематические: *алевáда* ‘сад или огород у реки, на месте, где весной разливается вода’, *арепéй* ‘репей’, *бакча́* ‘бахча’, *баук* ‘паук’, *аржанóй* ‘ржаной’, *аселéдка* ‘селедка’, *вúтка* ‘утка’, *ишó* ‘ещё’, *могётъ* ‘может’, *ить* ‘ведь’, *хучь* ‘хоть’, *мому́* ‘моему’, *куфáйка* ‘фуфайка’, *кóхта* ‘кофта’, *борш* ‘борщ’, *шти* ‘щи’, *толишнá* ‘толщина’, *тóлька* ‘только’, *тáмба* ‘дамба’, *косíнка* ‘косынка’, *вы́шня* ‘вишня’, *камáрь* ‘комар’, *стрýч* ‘стричь’, *кулупáть* ‘ковырять, колупáть’, *нóнешний* ‘нынешний’, *нóнче* ‘нынче’, *отсéда* ‘отсюда’, *оттéда* ‘оттуда’, *склízкий* ‘скользкий’, *склízко* ‘скользко’, *кунáть* ‘окунать’, *гребстí* ‘грести’, *здорóвкаться* ‘здороваться’ и др.

2) Акцентологические: *ма́кушка* ‘маку́шка’, *мухá* ‘му́ха’ *вчёра* ‘вчёрá’, *позавчёра* ‘позавчёрá’, *лёгко* ‘легкó’, *холоднó* ‘хóлодно’ и др.

Лексико-фонематические диалектизмы представлены в исследуемом говоре достаточно широко – 31 % от общего количества зафиксированных единиц.

Лексико-семантические диалектизмы. При одинаковом звуковом составе эти слова имеют в говорах иное, чем в литературном языке, значение. Например: *играть песню* ‘петь песню’, *дóбрые* ‘хорошие, новые’, *бáбка* ‘большой палец руки’, *дóктор* ‘алоэ древовидное’, *виски́* ‘волосы’, *пошептáть* ‘полечить молитвой и заговором’,

определённый ‘определившийся в жизни, имеющий свою семью’, *ба́ба* ‘жена’, *ба́бки* ‘маленькие кости надкопытного сустава животных’, *балабо́н* ‘колокольчик на шее пасущихся животных’, *башима́к* ‘теленочек до года’, *безду́шный* ‘хилый, слабый’, *берёзка* ‘сорное растение вьюнок полевой’, *беси́ла* ‘белена’, *броди́ть* ‘ходить по мелкому месту в реке, озере с бреднем’, *были́на* ‘стебель растения’.

В исследуемом говоре зафиксировано 8% семантических диалектизмов от общего количества собранных лексем.

Лексико-грамматические диалектизмы отличаются от литературных эквивалентов различными грамматическими характеристиками. Отличия, зависящие от частеречной принадлежности диалектной единицы, включают в себя: а) переход из среднего рода в женский: *ведерка* (*Малинькую ведерку вазьми*), *мяса* (*Мяса ишо сырая*), *яичка* (*Яичка сварилась*), *сита* (*Мелкая сита*) и др.; б) переход из женского рода в мужской: *галош* (*Галош уже порвался*), *пыльнь* (*Там пыльнь растеть, я иво ни бью*); в) переход из среднего рода в мужской: *поддувал* (*Када ветер на улицы, поддувал нада закрывать*), *полотенец* (*Этот кухонный палатениц*) и др.; г) переход из мужского рода в женский: *мазута* (*Там мазута разлита*) и др.

Ряд диалектизмов показывают различия в типе склонения (*болезня* – *болезнь*, *бугайский* – *бугачий*), формообразовании множественного числа (*дубья* – *дубы*, *волосья* – *волосы*).

Лексико-грамматические диалектизмы некоторые современные авторы учебников диалектологии не выделяют (Т. Б. Кузнецова «Русская диалектология», 2017). Мы считаем возможным отразить лексико-грамматические диалектизмы в чирской группе донских говоров, так как данные грамматические характеристики относятся только к некоторым словам и не находят своего отражения в регулярной грамматике.

Лексико-грамматических диалектизмов зафиксировано всего 24, что составляет 6% от общего количества лексических единиц.

Этнографические диалектизмы – это такие слова, которые называют вещи, предметы, явления, свойственные быту группы населения, пользующейся этим говором, поэтому не могут иметь аналогов в литературном

языке или в других говорах. «Этнографизм не является лингвистической характеристикой, а находится в экстралингвистической плоскости, поэтому данная группа не относится к типам диалектизм» [Жеребило, 2010, с. 470].

На территории распространения чирских говоров было записано только пять этнографизмов: *атаман* ‘выборный руководитель в казачьих селениях’, *полчанін* ‘сослуживец по полку’, *хуторской сход* ‘собрание, где решаются важные вопросы’, *дом с приклетью* ‘тип казачьего строения: большой дом квадратной формы с четырёхскатной крышей’, *донец* ‘конь донской породы’.

Результаты проведенного в данной части исследования представлены в диаграмме на рис. 1.

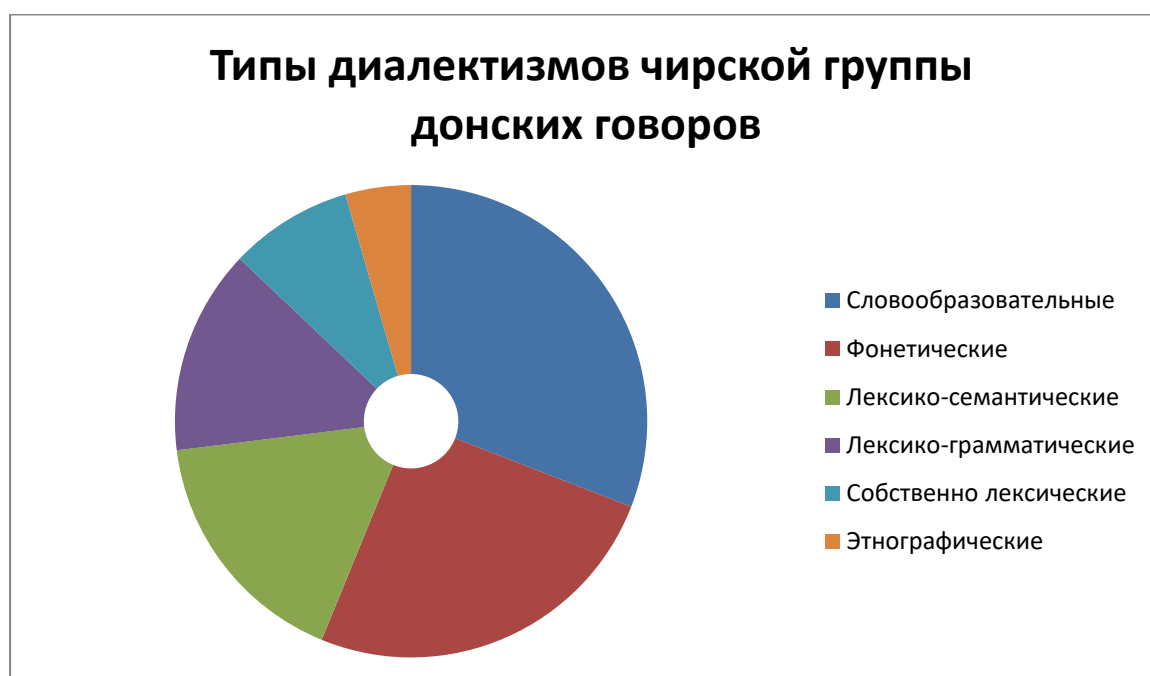

Рис. 1. Типы диалектизмов в чирской группе донских говоров

При описании типологии диалектной лексики чирской группы донского казачьего диалекта было выявлено, что наиболее активны в современных чирских говорах лексико-словообразовательные и лексико-фонематические диалектизмы, что доказывает устойчивость данных типов в диалектной лексике. Самой многочисленной группой являются лексико-словообразовательные диалектизмы. Образованные по общей с литературным языком деривационной модели, но в литературном языке не существующие, они обладают сравнительно большей стабильностью, чем и

объясняется их значительное количество в речи диалектоносителей. Самая малочисленная группа – собственно лексические диалектизмы.

На периферии находятся этнографизмы, которые нельзя отнести к типам лексических диалектизмов, так как они отражают и экстралингвистические особенности говора, однако этнографизмы охватывают практически все сферы культуры и быта и немаловажны для дальнейшего описания в работе лексико-тематических групп чирских говоров донского казачьего диалекта.

Выводы по главе 1

1. В ходе анализа теоретической основы исследования в области истории формирования донских казачьих говоров Волгоградской области было отмечено, что данные говоры впервые стали объектом изучения в XIX в. В начале XX в. была создана Волгоградская диалектологическая школа. В настоящее время ведется активное, многоаспектное изучение донского казачьего диалекта в области лингвогеографии, диалектной лексикографии, этнолингвистики, диалектной лингвокультурологии, региональной ономастики, литературного и лингвистического краеведения.

2. Исследование собранного лексического материала на части территории бывшего Второго Донского округа (Волгоградская область) позволило определить состав и структуру донских говоров. Лексика чирских говоров является частью лексической системы донского казачьего диалекта, включает в себя южнорусские диалектные слова и множество заимствований из тюркских и украинского языков. На территории распространения чирских говоров удалось зафиксировать характерные только для данной группы диалектные слова.

3. Имеющийся лексический материал позволяет проследить системные отношения в чирских говорах: наблюдаются характерные для любой языковой системы явления (полисемия, омонимия, синонимия, антонимия, вариативность).

4. В лексической системе чирской группы донских говоров выделяются традиционные типы диалектизмов: собственно лексические (18 %), лексико-словообразовательные (36 %), лексико-фонетические (31 %), лексико-семантические

(8 %), лексико-грамматические (6 %). Отдельно выделяются этнографизмы (1 %), так как они отражают не только языковые, но и экстралингвистические особенности говора.

ГЛАВА 2. ТЕМАТИКО-ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕКСИКИ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

2.1. Определение понятий «тематическая классификация» и «идеографическая классификация»

Необходимость в расположении слов по сходству, смежности, аналогии их значений ощущалась на всем протяжении обозримой истории человеческой мысли. Системность диалектной лексики и, следовательно, возможность ее изучения в рамках тех или иных лексических объединений в настоящее время находит активное отражение в лингвистике, и системный подход к ее исследованию признается одним из наиболее плодотворных, причем как для реальных микросистем – лексических систем отдельных говоров, так и для конструктивных макросистем – лексических систем диалектных групп, зон, наречий – «на основе анализа семантических соответствий на современном этапе развития частных микросистем» [Загоровская, 2012, с. 96].

«Система предполагает определенную замкнутость. В диалектной лексической системе это проявляется в определенном наборе лексем, в том, что данный диалект обладает определенным, присущим только ему смысловым объемом слов, своеобразием их стилистического и эмоционально-экспрессивного употребления» [Литвинова, 2011, с. 56].

«Тематическая классификация осуществляется на основе осмысления обозначаемых понятий по тематическому признаку или сфере употребления, но при этом не учитываются отношения, в которых находятся слова по их значению; в свою очередь, тематическая группа – это объединение слов, которое основывается не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений» [Филин, 1977, с. 537–538].

Основным признаком тематической классификации, по мнению О. Костюшко, является тематическое расположение лексики определённого языка с

учётом направленности. Именно тематическое группирование, по утверждению исследовательницы, «дает возможность изучать лексику системно, что способствует ее лучшему запоминанию» [Костюшко, 2003, с. 275].

Тематическая классификация предполагает распределять лексический материал по лексико-тематическим группам. Понятие лексико-тематической группы в лингвистике неоднозначно. По словарю О. С. Ахмановой, «в тематический ряд объединяются слова на основе смысловых связей, и они противопоставлены друг другу по одним семантическим признакам при общности других» [Ахманова, 1969, с. 118].

Ф. П. Филин понимает под тематической группой «...группу слов, объединённых на основе классификации самих реалий. Замена одного из слов тематической группы другим с течением времени не приводит к изменению в значении, стилистической окраске слов той же группы, что свидетельствует об отсутствии семантических связей между словами группы в языке на данном этапе его развития» [Филин, 1957, с. 526].

Похожая мысль принадлежит Д. Н. Шмелёву: «Выделение тематической группы осуществляется на внеязыковых критериях, однако считается не целесообразным отказываться от лингвистического анализа слов, от попыток найти в них общие семантические элементы. Раскрытие и объективное выявление возможных системных связей слов таких групп лежит преимущественно в конкретных исследованиях различных тематических групп» [Шмелев, 1977, с. 13].

По мнению Л.М. Васильева, к тематическим группам следует относить лишь «такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой, но общая идентифицирующая сема для них не обязательна» [Цит. по: Третьякова, 2020, с. 160].

Этой же точки зрения придерживается Д. Б. Тотрова, отмечая, что «лексико-тематическая группа» – это совокупность лексических единиц, относящихся к определенной тематике, когда слова «объединяются одной и той же типовой

ситуацией или одной темой», но «общая идентифицирующая (ядерная) сема для них необязательна» [Тотрова, 2009, с. 7].

Опираясь на представленные мнения, в исследовании в качестве рабочего определения принимается следующее: лексико-тематическая группа – это сложная структура, связанная с многогранностью и неоднородностью лексического состава языка, в нее могут входить слова разных частей речи; лексико-тематическая группа в свою очередь, может подразделяться на более мелкие совокупности лексем.

Представление о лексике, соотносимой с социальной действительностью, как о системе, определяет интерес и к ее идеографическому описанию. Идеографическое описание лексики соотносится с системой знаний человека об окружающем его мире, позволяет упорядочить номинации, репрезентирующие предметы, явления, события, действия, свойства и т. д. определенного фрагмента действительности [Щетинина, 2017].

Проблемой систематизации лексики по идеографическому принципу занимались отечественные (Ю.В. Ванникова, Ю.Н. Караулов, В. В. Морковкин, О. С. Баранов, Л. Г. Бабенко, Н. Ю. Шведова, А. Н. Щукина) и зарубежные (П.М. Роже, Х. Касареса, Н. Льюиса, Р. Халлига и В. фон Вартбурга, Р. Лориша) ученые. Идеографическая классификация языкового материала представляет макет лексической системы языка в целом, что позволяет сопоставлять и противопоставлять различные лексемы, прогнозировать возможные синтаксические и семантические изменения. Это проявляется в систематизации лексики по тематическим полям, где лексемы описываются на основе смысловой близости и связи с определенной темой, идеей. Тематическая, идеографическая классификация снимает вопрос о пересечении значений, так как на первый план сразу явственно выходит определенная категориальная сема, свойственная целой тематической группе, далее интегральная – для лексического соединения лексем, и внутри парадигмы выявляются дифференциальные семы, характеризующие место каждого лексико-семантического варианта.

Идеографическую классификацию лексики часто отождествляют с классификацией по тематическим группам. Однако между понятиями «идеографическая классификация» и «тематическая классификация» существует некая разница.

По мнению Ю.Н. Караулова, идеография – это «основа систематических классификаций лексики в достаточно обобщенной форме, удобной для представления смысловой стороны слов. Таким образом, основой идеографического словаря является собственно понятие» [Караулов, 1976, с. 184]. Ученые отмечают, что идеографическая классификация предусматривает определение иерархических связей между терминами, микрополями и предметно-понятийными группами, а также определение предметных соотношений терминов. А.Я. Середницкая выделяет два основных метода идеографизации лексики: дедуктивный и индуктивный. Дедуктивный метод – классификация языковых явлений по критериям, которые предварительно сформулировал исследователь, то есть наложение заранее сформированной сетки понятий, полученной путём абстрактных мыслительных обобщений, на языковой материал. Индуктивный метод предусматривает воссоздание понятийных обобщений, свойственных языку. Поиск системообразующих понятий, или концептов, происходит путём постепенного перехода от языкового материала к понятийным обобщениям [Середницкая, 2008, с. 156–159].

В ходе нашего исследования мы придерживаемся индуктивного метода, то есть собранный лексический материал приводим к понятийным обобщениям.

Таким образом, рассмотрение понятий, «тематическая классификация» и «идеографическая классификация», помогает различать идеографическую (по принципу логического разделения терминопонятий на основе родовидовых признаков, что даёт основания говорить о понятийных полях) и тематическую (по тематическим, а в их пределах – лексико-семантическим, группам, подгруппам и т. д., на основе предметной отнесённости термина) классификации.

Представляя лексическую систему чирской группы донских говоров, мы берем за основу тематическую и идеографическую классификации диалектной

лексики, что позволяет нам в полном объеме представить ее многообразие и наполняемость тематических объединений. Такой подход позволяет не только выявить полифункциональность диалектной лексики, но и, принимая во внимание степень наполняемости лексико-тематических объединений, определить систему ценностных ориентиров данного социума.

2.2. Тематико-идеографическая классификация лексики чирской группы донских говоров

Одним из важных видов системообразующих связей в лексике является тематическое объединение слов. Анализ тематических групп, представленных в лексической системе чирских говоров, позволяет делать выводы о степени сохранности самой диалектной системы, о ее взаимосвязи с культурой и историей, так как тематическое членение лексики предполагает объединение слов, обозначающих определенные группы самих реалий, например название предметов быта, животных, растений и т.д., то есть все то, что является значимым для жителей обследуемых территорий. Такое объединение слов основывается «на классификации самих предметов и явлений» [Шмелёв, 186, с. 156].

Большой вклад в классификацию диалектных слов и их лексико-тематическое распределение внесла группа исследователей под руководством К.И. Демидовой, работавшая над «Комплексным тематическим словарем лексики современных русских говоров Урала» [Демидова, 2015]. Лексический материал распределен по следующим тематическим группам: «Человек и его внешность», «Семья и семейные отношения», «Полеводство», «Животноводство», «Животный мир (птицы)», «Сельские постройки», «Растительный мир», «Ландшафт», «Традиционная народная духовная культура», «Утварь», «Посуда», «Пища», «Одежда», «Обувь», «Ткани» [Демидова, 2015]. Сбор материалов осуществлялся в ходе научно-исследовательских экспедиций по программе «Лексического атласа

русских народных говоров» на базе Института лингвистических исследований «Российской академии наук».

При исследовании донских говоров Волгоградской области учеными рассматривались тематические объединения, характеризующие человека и его индивидуальные черты (речь, ум, эмоции, гендерные особенности) [Юрченко, 2008; Шкабара, 2012; Григорьева, 2010; Морозова, 2014]; тематическая группа «Рыболовство» [Крапивина, 2012] и др.

Анализируемый лексический материал позволяет дополнить перечень представленных выше тематических объединений. В чирских говорах имеются лексемы, отражающие разные сферы: специфику казачьей военной деятельности, быта, культуры, природы и т.д.

Попытка объединить между собой логическими связями все множество лексических единиц привела нас к построению тематической классификации лексики чирских говоров, являющейся по своей сути гипотетической экспликацией того, каким образом в «свернутом» виде хранится в сознании вся лексическая семантика. Тематический принцип при дифференциации и описании лексического состава чирской группы донских говоров применяется нами как эффективный способ выявления особенностей концептуализации и мировидения представителей определенной лингвокультуры.

В процессе анализа собранного материала выяснилось, что в лексике чирских говоров так же, как и в диалектной лексической системе в целом, широко распространены явления синонимии, полисемии, омонимии. Чтобы избежать многочисленных отсылок от одного слова к тождественному значению другого слова, нами была составлена сложная многоуровневая система тематических объединений, в состав которых входили слова разных частей речи, что позволило тематически представить в системном виде целый пласт лексики чирской группы донских говоров и увидеть его своеобразие.

Идеографический подход к описанию материала позволил укрупнять тематические группы за счет игнорирования семантической и стилистической

дистанций между близкими словами, поскольку идеограмма может быть сконструирована с разной степенью обобщения.

Таким образом, в ходе тематико-идеографической классификации была избрана следующая иерархия при описании лексического материала: тематическая макрогруппа → тематическая группа → тематическая микрогруппа.

Некоторые исследуемые нами диалектные единицы представляют собой двусловные номинации: *змеиный бугор*, *анютины цветы*, *болгарская горчица*, *жена-баба* и др. Двусловные номинации образуются по модели *видовой компонент + родовой компонент*; при этом родовой компонент выражен именем существительным, а видовой – прилагательным или существительным. Вопрос о статусе таких единиц является спорным. По мнению Н.Д. Голева, «составные названия нельзя полностью отнести ни к свободным словосочетаниям, ни к фразеологизмам» [Голев, 1974, с. 90]. С одной стороны, их значение не выводится из значения лексем, составляющих данные единицы, поскольку главным в их составе является видовое понятие, воплощающее в себе мотивировочный признак. Так, к примеру, *змеиный бугор* – это не бугор, где обитают змеи, а место захоронений, кладбище. Кроме того, составные названия воспроизводятся в речи целиком и не разделяются на части. С другой стороны, компоненты составных номинаций выступают в свободных значениях, т.е. являются разложимыми, что проявляется при образовании парадигматических рядов, например, в чирских говорах: *змеиный бугор* – *змеиный курган*. Однако если стирается различие между родовым и видовым компонентом, то составные номинации могут становиться фразеологизмами (например, в чирских говорах: *одна чашка-лошка* ‘тесное общение внутри небольшого коллектива людей’).

В рамках кандидатской диссертации применительно к двусловным единицам будет использован термин «составная номинация» (*козиный баз*, *пластинный дом*). В том случае, когда сочетание слов не выводится из значений слов-компонентов, мы будем вести речь о фразеологических единицах (*китушки сбивать* ‘проводить праздно время’), которые являются единицами вторичной номинации.

В ходе нашего исследования при распределении лексических единиц в тематические объединения было уделено внимание количественному составу получившихся лексико-тематических макрогрупп и формирующих их лексико-тематических групп. По мнению В.И. Карасика, «важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности» [Карасик, 2002, с. 112]. Наполненность тематических групп свидетельствует об актуальных для языкового сознания объектах действительности. Следуя мнению Т.В. Леонтьевой, «то, что существенно, оказывается названным, или многократно названным, или названным дробно, с учетом предельного внимания к деталям хорошо знакомого и имеющего высокую значимость объекта» [Леонтьева, 2008, с. 12], представляется возможным проследить, какие области действительности наиболее широко отражены посредством донского казачьего диалекта, а какие сферы жизни человека не находят своего отражения в исследуемых говорах.

Для наглядного представления лексики чирской группы донских говоров была составлена тематико-идеографическая сетка, сформированная в табл. 2.

Табл 2.

Тематико-идеографическая классификация лексических единиц чирской группы донских говоров

Лексико-тематические макрогруппы (%)	Лексико-тематические группы	Лексико-тематические микрогруппы
ЧЕЛОВЕК (42%)	«Физиологические характеристики человека»	1) здоровый человек, 2) болезненный человек, 3) состояние болезни, 4) симптомы заболеваний, 5) название внутренних органов
	«Характеристика человека по внешним признакам»	1) физические параметры 2) внешний вид человека
	«Характеристика	1) характеристика ума,

	человека по интеллектуальным способностям»	2) любопытство,3) хитрость, 4) мыслительные процессы, 5) слабоумие
	«Речь»	1) говорить, 2) много говорить, 3) мало говорить, 4) говорить неправду, 5) скандалить, 6) лезть
	«Эмоции»	1) радость, 2) страдание, жалость, 3) гнев,4) пренебрежение, 5) страх, 6) тревога,7) стыд, 8) обида, 9)чувства,
	«Социальная характеристика человека»	1) номинации лиц по половому признаку, 2) прозвищная номинация, 3) номинация по признаку кровного родства, 4) поведение человека и взаимоотношения с окружающими, 5) характеристика человека по отношению к труду, 6) характеристика человека по благосостоянию
БЫТОВАЯ СФЕРА (35%)	«Устройство усадьбы»	1) общее название- усадьбы, 2) наименования построек для содержания скота и птицы и сельскохозяйственного инвентаря, 3) название оград и засовов
	«Устройство жилища»	1) название места, на котором находится дом с хозяйственными постройками; усадьба, 2) названия жилища, 3) названия частей жилого помещения
	«Домашний интерьер»	1) мебель, 2) текстильные предметы домашнего быта, 3) комнатные растения
	«Домашняя утварь»	1) посуда, 2) предметы домашнего обихода
	«Питание»	1) наименование растительных продуктов питания, 2) хлебобулочные изделия и другие изделия из муки,

		3) название молочных продуктов питания, 4) блюда, 5) названия воды и напитков, 6) способ приготовления пищи и ее употребление,
	«Одежда»	1. наименования верхней мужской и женской одежды, 2) головные уборы, 3) части одежды, 4) одежда для рук, 6) одежда для ног
	«Хозяйственная деятельность»	1) работа по хозяйству, 2) животноводство и птицеводство, 3) земледелие, 4) промысел
ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА (17%)	«Религиозная лексика»	1) наименования церковных праздников, 2) наименования религиозных обрядов, 3) наименования религиозных ритуалов, 4) наименование религиозных предметов, 5) наименование лиц, относящихся к церкви, участвующих в религиозных обрядах,
	«Демоническая и мифологическая лексика»	1) демонология, 2) мифология
	«Обрядовая лексика»	1) наименования участников свадебного обряда, 2) наименования приближенных жениха и невесты, 3) наименования сватов, 4) наименования свадебных гостей, 5) наименования чинов с частными обрядовыми функциями, 6) наименования досвадебных обрядовых действий, 7) наименования заключения брака и проведения свадебного обряда, 8) наименования обрядов свадебного дня, 9) наименования обрядов послесвадебного периода, 10) наименования предметов, 11) связанных с действиями свадебного

		обрядов, 12) похоронно-поминальные обряды, 13) родильные обряды, 14) военные обряды
ПРИРОДА (6%)	«Животный мир»	1) названия животных, 2) название птиц, 3) название пресмыкающихся, 4) название насекомых
	«Растительный мир»	1) название растений, 2) названия деревьев, 3) кустарников и семян
	«Метеорологические явления»	1) погодно-климатические явления, 2) название небесных тел

Лексика тематической макрогруппы «Человек» вызывает особый интерес в нашем исследовании, поскольку образ человека находится в центре языковой картины мира. Под языковым образом человека понимается «концентрированное воплощение сути тех представлений человека о человеке, которые объективированы всей системой семантических единиц, структур и правил того или иного языка» [Одинцова, 2011, с. 8].

Образ человека в языковой картине мира включает в себя как общие для разных культур представления о человеке, так и специфические, национальные черты понимания человеческой природы. Диалектная картина мира является важной составляющей общенациональной языковой картины мира, и обращение к диалектному материалу дает исследователю доступ к информации о наиболее консервативной, устойчивой части национального менталитета, являющейся основой современного мировоззрения [Грибовская, с. 287–297]. Представления о человеке в донских говорах тесно связаны с такими культурными категориями, как «казак», «военная среда», «служба», «конь», «воля», «семья». Это отмечается как в ранних работах о донском казачестве (см.: В. И. Даль, А. И. Ригельман, Е. П. Савельев), так и в современных исследованиях (см.: Г. Д. Астапенко, В. М. Безотосный, Ю. Ф. Сухарев, М. А. Рыблова и др.). Однако в нашем исследовании мы предполагаем, что границы универсальной диалектной картины мира донского казачества стираются, так как анализируемый лексический материал

показывает, что некоторые культурные ценности, например «военная служба», «конь», редко отражаются в чирской группе донских говоров. Лексико-тематическая группа «военная служба» – самая малочисленная в чирских говорах. Значимость данной проблематики заключается, прежде всего, в том, что в результате собственной деятельности человека (хозяйственной, социальной, политической, экологической, военной и др.) в корне изменились и продолжают меняться объективные условия и факторы существования донского казачества как субэтнуса, что имеет своим неизбежным следствием как серьезные сдвиги в бытийной стороне жизни диалектоносителей и их социальных общностей, так и в особенностях перемены во внутреннем духовном мире каждого человека, что непосредственно отражается в лексической системе донского диалекта.

Уточнения требует лексико-тематическая макрогруппа «Природа». Номинации мира природы в чирских говорах являются не менее значимой частью исследуемой лексической системы. В работе представлена лексика природы, не освоенной человеком, и лексика природы, освоенной человеком: полеводческая, огородническая и животноводческая лексика. Природные особенности являются одними из наиболее стабильных условий жизни человека (в отличие от особенностей политических, экономических, социальных, культурных). На территории донского казачества Волгоградской области они имеют не меньшую значимость, что обусловлено разнообразием природных условий данного региона: это различные виды ландшафтов (географический, природный, агрокультурный), обилие водоемов, разнообразие растительного и животного мира. Роль языковых единиц, номинирующих природные реалии, в формировании языковой картины мира отмечал ещё Л. Вайсгербер: «Главную предметную основу создает для картины мира конкретного языка природа: почва, географические условия, в частности, климат, мир животных и растений значительно определяют сферу мышления человека. Они поставляют ему предметные области, которые прежде всего расширяются и осмысляются в языке» [Соколова, 2007, с. 9]. Э. Сепир говорил о том, что на формирование языка влияют такие факторы окружающей среды, как топография страны, климат, природа, ресурсы, однако отмечал: для

того, чтобы эти факторы стали значимой частью картины мира, они должны быть важными для человека как представителя этноса или отдельно взятого региона [Сепир, 1993].

На то, что историческое развитие Второго Донского округа обусловлено природно-климатическими и социальными особенностями, указывает один из первых исследователей жизни донских казаков И. В. Тимощенко: «Разделение казаков на низовых и верховых основывалось на географическом принципе: живущие в верховьях Дона до станицы Цимлянкой назывались верховыми казаками, живущие от Цимлянкой и ниже по Дону – низовыми. Второй Донской округ Войска Донского занимал пространство в 26 917 кв. верст. Рекою Доном округ перерезывается от северо-востока к юго-западу на две весьма разнохарактерные части. По левой стороне Дона – низменная и богатая солнцем Задонская степь, правая сторона округа возвышенна. Почва плодородная и одинаково пригодная как для хлебопашества, так и для садоводства и виноградарства; округ богат обширными пастбищами, благодаря чему садоводство развито здесь более, чем в остальных округах Войска Донского. Климат степной весьма здоровый, особенно в южной части округа. Хлебопашество покрывает здесь местное потребление и остается избыток хлеба, сбываемый на донские пристани. Огромным развитием скотоводства округ обязан лугам и пастбищам. Жители занимаются также работами на судах и пристанях [Тимощенко, 1906, с. 95]. О значимости природной лексики в донских говорах говорит и материал «Словаря донских говоров Волгоградской области», который, по нашим подсчетам насчитывает около 4000 номинаций природных реалий.

Итак, в лексической системе чирской группы донских говоров выделяются в рамках лексико-тематической макрогруппы «Человек» лексико-тематические группы, включающие в свой состав номинации природных реалий, освоенных человеком: полеводческая, огородническая и животноводческая лексика. Отдельно представлена лексико-тематическая макрогруппа «Природа», отражающая природные реалии, не освоенные человеком. Здесь рассматривается

небольшой пласт лексики, характеризующий ландшафтные, метеорологические и космические явления природы.

Таким образом, тематико-идеографическая классификация лексики чирской группы донских говоров позволяет оценить материал исследования, выявить взаимоотношение лексических единиц внутри исследуемой диалектной лексической системы. Последующий лингвокультурологический анализ полученных тематических объединений раскрывает существенные социокультурные особенности мировидения диалектоносителей обследуемой территории.

2.2.1. Лексико-тематическая макрогруппа «Человек» в чирской группе донских говоров

Данная тематическая макрогруппа включает в себя наибольшее количество лексических единиц (42%), что обусловлено нахождением концепта «человек», включающего в себя разные точки зрения на человеческую природу, в центре языковой картины мира. Оценивая окружающий мир и самого себя, носители диалекта исходят, прежде всего, из эталонных представлений о предметах и явлениях действительности. В диалектных лексических единицах отражаются наблюдения человека над себе подобными, над их поведением, речью, привычками, манерами, внешностью и т.п.

Лексика, характеризующая человека, не раз была объектом исследования в диалектной лексикологии. Она рассматривалась в говорах: орловских [Бахвалова, 1995], псковских [Ивашко, 1979], ивановских [Шулякина, 2014], амурских [Галимова, 2011], ярославских и костромских [Сметанина, 1997], татарских [Файзулина, 2017], воронежских [Кривова, 2001; Литвинова, 2011], алтайских [Прокофьева, 2012], тамбовских [Нивина, 203], кемеровских [Трезубова 1996], донских [Юрченко, 2008; Шкабара, 2012; Морозова, 2015] и др. В исследованиях донских говоров чаще всего представлен лишь один аспект (или признак) в характеристике человека (внешность, речь, ум, эмоции и т. д.).

В ходе исследования была проанализирована диалектная лексика чирской группы донских говоров, отражающая представления о человеке, его внешнем облике, физических, интеллектуальных, психологических особенностях, социальных отношениях.

Чтобы обеспечить точность и логичность тематическо-идеографической классификации лексики чирских говоров, в ее основу были положены логические взаимосвязи лексических единиц, отражающие взаимоотношения, в которых находятся предметы и явления в действительности.

1. Лексико-тематическая группа «Физиологические характеристики человека».

Здесь отражена диалектная лексика чирской группы донских говоров, которая называет особенности строения и функционирования организма человека. Основным структурообразующим элементом языковой картины мира в данной подгруппе является парадигматическая оппозиция «здоровый – больной».

Здоровье является одной из главных ценностей в жизни любого человека – это признак силы и благополучия. Здоровью противопоставлена болезнь как отклонение от нормы.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Здоровый человек». Диалектная лексика чирских говоров показывает, что здоровье соотносится с жизненной силой, крепостью тела и духа, возможностью выполнять биологические и социальные функции: *агудáл* ‘здоровый, физически крепкий, сильный человек’ (*Гля, агудал какой вырас, фсю тяжолоую работу на дому делайть*), *двоежильный* ‘крепкий, выносливый’ (*Я ужэ ни дваяжыльная, здаровья ни та*), *дюжий* ‘здоровый, сильный, крепкого телосложения’ (*Муш у няё, дюжый, бальной, крепкай мужык*), *живущой* ‘здоровый, жизнеспособный, выносливый, живучий’ (*Он жывущой, яво никакая лихаманка ни вазьметь*), *тягуцой* ‘здоровый, выносливый’ (*Саседи тягушыши, вот ани и успиваютъ фсе*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Болезненный человек». Образ болезненного человека складывается из двух ведущих признаков – «хрупкое, хилое телосложение» и «отсутствие физической силы, слабость»: *безмóчный*

‘слабый, бессильный’ (*Я долго болел, сафсем безмочный стал*), *бескишечный* ‘очень худой, болезненный’ (*Варька с городу приехала бискишечная, видать, жизнь плахаватыя*), *бесчерёвный* ‘очень худой, болезненный’ (*Фсё исть вроди, а такая бесчирёвная*), *дрыхляка* ‘очень худой, болезненный человек’ (*Идёт какой-та дрыхляка*), *занужённый* ‘изнурённый, измученный, исхудавший’ (*Она с децтва занужоная, так работать никакой организм ни выдиржыть*), *обмороченный* 1. ‘часто падающий в обморок’ (*Гарацкии ани фсе абмарочинныи*); 2. ‘хилый, слабый, тщедушный’ (*Ты абмарочинный штоль, бяги скарей*), *квёлый* ‘больной, слабый’ (*Дите квёлый сафсем, балеить?*), *червívый* ‘больной’ (*Ана вся чарвивая, вещна балеить*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Состояния болезни». Группу лексем, называющих состояние болезни, недомогания, составляет предикативная лексика, характеризующая начало болезни и выздоровление: *занемóжится* ‘занемочь, заболеть’ (*Ни магу сёдня работать, заниможылась*), *засопáтеть* ‘начать чихать, сопеть носом’ (*Апяць засапатил*), *захандровáть* ‘почувствовать недомогание, занемочь’ (*Дош пашёл, захандравала*), *зачívрить* ‘исхудать, покрыться болячками’ (*Чаво эт ты, кум, зачиврил, зашылудивил весь?*), *обкалэчиться* ‘получить увечья, искалечиться, покалечиться’ (*Ну, чё, сильна апкалечилси?*), *занедю́жить* ‘заболеть, захворать, стать больным’ (*Занидюжыл я с утра*), *окалэчиться* ‘стать калекой, покалечиться, искалечиться’ (*Дашка-та акалечилась в мальстве*), *осты́ть* ‘простыть, простудиться’ (*Хадил на ручьям и астыл*), *очáпаться* ‘стать здоровым, оправиться от болезни, выздороветь’ (*Наш дедушка послы прастуды быстра ачапалси*), *оживéть* ‘стать здоровым, оправиться от болезни’ (*Ажывел нямнога*), *очунéться* ‘стать здоровым, оправиться от болезни, выздороветь’ (*Ачунелси, значит ачухалси, выздаравил*), *околемáться* ‘улучшить состояние здоровья, выздороветь, оправиться после болезни’ (*Ну, ты акалималси посла балезни-та?*), *очу́хаться* ‘стать здоровым, оправиться от болезни, выздороветь’ (*Здорва балел, ели ачухалси*), *почунéть* ‘стать здоровым, оправиться от болезни’ (*Пасля паста пачунела анна*), *отня́тый*

‘находящийся в состоянии паралича’ (*Када каво парализавала, гаварять: у няво атнятая рука, там, или нага*).

Также в рамках этой подгруппы мы обратили внимание на такое состояние человеческого организма, как состояние отошения и похудения, так как их причиной для диалектоносителя, прежде всего, является болезнь: *жидковáтый* ‘слабого сложения, хилый, тщедушный’ (*Жидкаватый он был, худой*), *вы́чеврить* ‘осунуться, похудеть’ (*Как мужа схаранила, вычиврила фся*), *обрéзаться* ‘похудеть, отощать’ (*Ну, ты ф плавину абрезалси*).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Симптомы заболеваний». В чирских говорах присутствуют лексические единицы, называющие симптомы различных заболеваний, без которых не могут протекать некоторые виды болезней: «тошнить», «недомогать», «мутить». Например: *закóртить* ‘начать тошнить, затошнить’ (*Бабку седня закортила, наверна, ат малака*), *захандровáть* ‘почувствовать недомогание, занемочь’ (*Захандровала дитё, наверна, забалеить*), *задвухáться* ‘терять возможность свободно дышать по какой-либо причине, тяжело дышать’ (*Придётся, задвухаицца, сидить сколькя, штоп прашло*), *заплошéть* ‘стать больным, хилым’ (*Ну, заплошела бапка*), *óморок* ‘внезапная потеря сознания, обморок’ (*Пастаянна в омарак падаить*).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия органов тела». «В русской диалектной соматической лексике наиболее частотными и разнообразными являются названия внешних частей тела, однако внимание носители языка уделяют и «внутренней» стороне тела, что находит отражение в диалектной спланхнонимии – лексике, обозначающей внутренние органы» [Леонтьева, 2022, с. 56]. Следует отметить, что спланхнонимы не отличаются многообразием, что обусловлено невозможностью наблюдения за внутренними органами и их непосредственным функционированием. В чирских говорах отмечено 3 слова, называющих некоторые внутренние органы: *дыхáло* ‘горло’ (*Дыхала чаво-та болить*), *жéлоч* ‘желчный пузырь’ (*Камни в жолочи*), *жевлáк* ‘лимфотические узлы’ (*Прастыла, жавлаки надулись*), *кормок* ‘желудок’ (*Посли яды нада паляжат трошки, няхай кормок уляжыцца*).

В контексте представленной тематической группы были отмечены единичные лексемы, называющие физиологический процесс «дыхание»: *двоши́ть* ‘дышит’ (*Он тяжыло двошитъ*), *ды́хатъ* ‘дышать’ (*Укройся с головой адиялам и дыхай, тилло станить*).

2. Лексико-тематическая группа «Характеристика человека по внешним признакам»

Эта группа включает в себя лексические единицы, характеризующие физические параметры (рост, телосложение, физическая сила), внешний вид человека – его аккуратность или же, наоборот, небрежность в одежде, причёске, его «ухаживенность» или равнодушие к своему облику, его умение или неумение одеваться, следить за собой. Поскольку описание облика человека в чирских говорах имеет ценностную окрашенность, данные характеристики можно распределить в соответствии с двумя противоположными по значению оппозициями – позитивными и негативными: «высокий – низкий», «толстый – худой», «красивый – некрасивый», «чистоплотный – неряшливый».

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Физические параметры». Анализ материала позволил выявить общие и частные физические особенности человека, характеризующие его внешний вид. Среди общих характеристик можно выделить оценки внешнего вида человека по росту, телосложению, физической силе.

Для характеристики высокого человека в чирских говорах используют субстантивную и адъективную лексику: *жерди́на* ‘высокий, обычно худощавый человек’ (*Такой жардина вырас*), *удлища* ‘высокий, худой’ (*Внуцка у мене такая удлища, и каму ана будить нужна такая кабыла*), *дигиля́стый* ‘высокий, длинноногий’ (*Дигилястый – длиннаногий, тонкий, неуклюжый*), *длиннога́чий* ‘длинноногий’ (*Кабыла длиннагачая*).

Характерно, что в сознании диалектоносителей высокий рост соотносится с худым телосложением. Лексические единицы, характеризующие в чирских говорах низкого человека, не выявлены.

При описании телосложения, в исследуемых говорах отмечена номинативная лексика: *глады́рь* ‘очень толстый человек, толстяк’ (*Ну и гладырь*),

панпушка ‘пухлый, полный человек’ (*Ты щаво такая панмушка стала, пополнела*); адъективная лексика: *гладучий* ‘очень толстый, упитанный’ (*Гладучая – значить толстыя*), *глыбистый* ‘крупный, угловатый’ (*Васька Иваноф глыбистый стал*), *пустомясыый* ‘дряблый, потерявший упругость, рыхлый’ (*Ванька – он пустомясыый*), *пухлатенький* ‘полный, пухлый, пухленький’ (*Такой мальчонка пухлатинький*), *охалистый* ‘несуразный, нескладный, непривлекательно выглядящий’ (*Ахалистый – ниуклюжый, здаровый*); предикативная лексика: *растрэскацца* ‘стать полным, набрать лишний вес’ (*Я растрескалась, ни адна платя ни налазиць*).

Внешние физические данные человека напрямую соотносятся с физической силой и выносливостью: *агудал* ‘здоровый, физически крепкий, сильный человек’ (*Гля, агудал какой вырас*), *двоежильный* ‘крепкий, выносливый’ (*Што ш я тибе, дваяжыльная?*), *жылявыый* ‘жилистый, сильный’ (*Он жылявыый, как бык*), *жидковатый* ‘слабого сложения, хилый, тщедушный’ (*Жаних-та у тибя жыткаватый*).

При описании частных физических особенностей внешности в чирских говорах отмечаются лексемы, которые затрагивают отдельные элементы внешнего облика человека: *брудастый* ‘с отвислыми щеками’ (*Пасматри, какой брудастый паиол*), *губатый* ‘с большими губами’ (*У ние мальчишка губатый*), *носатый* ‘с больши носом’ (*Дефка стаяла в магазини, насатая такая*).

Среди частных физических характеристик отмечаются названия отдельных частей тела: *гачи* ‘ноги’ (*Гачи ты сваи ни клади на диван*), *зэбры* ‘нижняя челюсть у человека’ (*Я им накажу ат варот наварот, я их патяну за зэбры*), *зэвки* ‘лицевые кости, в которых укреплены зубы, челюсти’ (*Грыс, грыс, аж зефки забалели*), *маклáк* ‘выступающая кость’ (*У мне маклак на наге так силна балить*), *пéсик* ‘висок’ (*Песиком так больна вдарилась*), *калкáн* ‘голова’ (*Калкан цэлый день балить, доши, наверна, будить*), *пипка* ‘кончик носа’ (*Пипкай у нас называють кончик носа*), *подбрудок* ‘выступающая окружность под подбородком у человека; второй подбородок’ (*Вон как подбрудок на канычок наворачивает*), *подбрутки* ‘складки подбородка’ (*Патбрутки-та у няво вон какие висять*).

При названии частей тела присутствуют только номинативы, что обусловлено спецификой этой группы слов, служащей наименованиями конкретных реалий – частей человеческого тела – с общим интегральным значением предметности. Часть представленных названий частей тела человека образует синонимические ряды. К примеру, для наименования глаз используются лексемы *бильтюкі, вѣтраски* (*Бильтюки выпучил и стаить, кабутта ничо ни панимаить. Вытрасками сваими касить*); для наименования волос – *вискі, кудлы*; для наименования скул – *сусáлы, салáзки* (*Дать по сусалам. Семечек нагрызлась, аш саласки балять*). Слово *вытраски* является составляющей устойчивого выражения *вытраски продавать* ‘долго смотреть на кого-либо или на что-либо’ (*Неча стаять вытраски прадавать*).

В рамках представленной микрогруппы рассматриваются слова, называющие разного рода передвижения человека, совершаемые только при помощи его опорно-двигательного аппарата. Ср.: *чикилять* ‘идти хромяя; хромять’ (*Гляжу, а он чикиляить с гары*), *шкандылять* ‘идти хромяя, припадая на одну ногу, прихрамывать’ (*Ну вот мы с тобой и пришкандыляли*), *хромандылять* ‘идти, прихрамывая на обе ноги’ (*У сасетки ноги разбалелись, ана тинерь ели да магазина храмандыляить*), *засепетить* ‘пойти быстро мелким шагом’ (*Ана испугалась, что там сабаки и засипитила по другой улицы*), *копыряться* ‘кувыркаться’ (*Внучка у мене капыряица на дивани, а мне аш страшна*), *прядать* ‘прыгать’ (*Ну ни прядай сильна, саседям жа слышна*), *перепрядывать* ‘перепрыгивать’ (*Перипрядывай чириз лужы, штоп ноги ни прамачить*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Внешний вид человека». В данной микрогруппе актуализируются положительные и отрицательные коннотации, связанные с восприятием человеком красоты (красивый – некрасивый), внешнего вида (аккуратный – неряшливый), его одежды (чистая – грязная). В этой подгруппе выделяются синонимические и антонимические отношения.

При характеристике красивого привлекательного человека используются слова *взглядный* ‘приятный на вид, привлекательный, красивый’ (*Мой сын-та какой взглядный*), *синпати́чный* ‘вызывающий симпатию, привлекательный,

симпатичный' (*Паринь такой синпатичный*). Антонимической парой выступает лексическая единица *безвідный* 'некрасивый, невзрачный' (*Он бизвидный был, а жанился на красавице*).

Выделяются лексемы, отдельно характеризующие по внешним признакам лиц женского пола: *аккурáтница* 'аккуратная женщина, у которой в доме всё в порядке' (*Аккуратница – очинь харошая хазяйка*), лиц мужского пола: *разбуздай* 'неряшливый, неаккуратный человек' (*Разбуздай – он няряха*).

При характеристике аккуратного, ухоженного внешнего вида, отмечены слова, которые составили синонимический ряд: *вы́хуленный* 'ухоженный, нарядный' (*Глянь, какой кум щас выхуленный*), *обдутьенький* (как *обдутинький*) 'аккуратный, пригожий, красиво одетый' (*Такой нарядный ходит, как абдутьенький*).

При наименовании неряшливого, неопрятного человека используются такие синонимичные слова, как: *гваздун* 'неопрятный, нечистоплотный человек, грязнуля' (*Работала я с ним, гваздун страшенный*), *замазура* 'неряшливый, неаккуратный, неопрятный, звапачканный, измазанный человек' (*Иди памойся, замазура*), *замара́ха* 'неряшливый, неаккуратный, неопрятный, запачканный человек' (*Замараха – эта ничистаплотный чилавек*), *захлюста́нка* 'нечистоплотная, неаккуратная, неряшливая женщина, грязнуля' (*Женщина – няряха, захлюстанка*). Лексическая единица *омора́шка* характеризует человека как по внешнему виду, так и по социальному статусу 'тот, кто ходит в изношенной, изорванной одежде; оборванец' (*Амарашки тока и делают, што варуют*).

При характеристике внешнего вида по состоянию одежды выделяются синонимы: *грязню́чий* 'очень грязный' (*Грязнючая женщина*), *задрёпанный* 'грязный, опрятный, неаккуратный, замызганный' (*Запъёт вот мужык, чо из няво, вот и ходит задрёпанный*), *изва́тланный* 'испачканный, выпачканный, грязный' (*Пришёл с улицы весь изватланный*), *изва́чканный* 'испачканный, выпачканный, грязный' (*Весь извачканный, страсть глядет*), *замаза́нный* 'испачканный, грязный' (*Куды ш ты пашол такой замазанный*).

Отмечена предикативная лексика, характеризующая внешний вид: *прикулёмиться* ‘неряшливо, неаккуратно, неопрятно одеться, причесаться’ (*Прикулёмница – эта значить адеца лиш бы лиш бы*), *заширкопёриться* ‘выставить себя напоказ, постараться произвести выгодное впечатление’ (*Заширкапёрился, а сам ни на чё ни пахош*), *раздеклёшивать* ‘ходить гулять без дела, выставлять себя на показ’ (*Я думала, что ты мне паможышь, а ты ходишь раздекleshываишь*), *обряжаться* ‘нарядно одеваться, наряжаться’ (*Ты куда эта абряжаисси?*), *обритузиться* ‘одеться в неподходящую одежду’ (*Ты чё так абрятузилась, там тупло*), *обурдюжиться* ‘тепло одеться’ (*Ты чёт сёдня абурдюжилась*), *распокрыться* ‘обнажить себе голову, снять с себя головной убор’ (*Распакройси, а то вспатеишь*), *растелешиться* ‘снять с себя одежду, раздеться, оставшись в лёгкой одежде’ (*Жарка стала, растилишылась, а витирок падул, халаднавата стала*).

Зафиксирована одна лексема, характеризующая праздничный вид: *разнарядный* ‘красиво наряженный, нарядный, празднично одетый’ (*Ана сёдня пашла разнарядная на работу*).

Большое значение при описании внешности уделяется волосам, причёске. В чирских говорах представлены имена прилагательные, характеризующие человека по состоянию волос: *волохатый* ‘с длинными волосами, косматый’ (*Валахатый, касматый*), *простоволо́сый* ‘с невьющимися, прямыми волосами’ (*Вот я праставалосая, у миня волосы прямые, а у сястры вьёца волос*), *раскутлáченный* ‘растрéпанный, непричёсанный’ (*Причашысь, раскутлачиная ходишь*), *наплóвленная* ‘с причёской, уложенной на бигуди’ (*Мать всяда напловлиная хадила*), *корзínка* ‘тип женской причёски в виде скрученных на затылке кос’ (*Щас фсе лахматыи ходють, а раньшы голова всяда прибранная была, часта карзинку делали*).

Итак, тематическая группа, характеризующая внешний облик человека, образует достаточно четко очерчиваемую группу слов, внутри которой языковые единицы связаны разными лексико-семантическими связями (чаще всего синонимическими).

Лексические единицы, характеризующие лиц по внешнему облику, не только описывают внешность человека, но и дают положительную или отрицательную оценку человеку по его внешнему виду.

Подчеркнем, что опрятный аккуратный внешний вид человека в чирских говорах – это не только показатель положительных качеств человека, но и показатель достатка и умелого ведения хозяйства. Такие лексические единицы несут дополнительный оттенок одобрения диалектоносителя.

Функционирование рассматриваемых лексико-тематических микрогрупп со значением внешности помогает более глубоко раскрыть менталитет диалектоносителей, образ их мыслей и нравов.

3. Лексико-тематическая группа «Характеристика человека по интеллектуальным способностям»

В чирских говорах выделяются лексические единицы, содержащие характеристику лица по его интеллекту, под которым в широком смысле слова понимается «совокупность общих умственных способностей и возможностей человека в выполнении различных видов деятельности» [Немов, 2003, с. 208].

Данная тематическая группа, имеющая в своей основе бинарную оппозицию по признаку ‘умный’ – ‘глупый’, представлена лексическими единицами, называемыми, с одной стороны, находчивого, сообразительного, образованного человека, а с другой – глупого, бестолкового, недогадливого, простодушного человека. В количественном отношении преобладают наименования лица со слабыми интеллектуальными способностями, что свидетельствует о перевесе отрицательно-оценочных характеристик. Эта ситуация избирательного восприятия диалектоносителем окружающей действительности широко известна и объясняется, по мнению Н.Д. Арутюновой, тем, что человек, прежде всего, замечает аномальные явления, не вписывающиеся в норму и потому получающие языковую маркированность [Арутюнова, 1999].

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Характеристика ума». Данная микрогруппа представлена антонимическими соотношениями ‘умный – глупый’. Ср.: *вумный* ‘умный’ (*Он вумный, башковитый*), *выгодный* ‘хитрый, расчётливый,

продуманный’ (*Ну этот выгадный, ни прападе́ть*), *письме́нный* ‘умеющий читать и писать грамотный’ (*Муш мой письме́нный чилавек был*), *посмыслённый* ‘более сообразительный, более понятливый’ (*Брат посмыслённой мне был*), *беспонятливый* ‘не понимающий, медленно соображающий’ (*Биспанятливый – эт бисталковый*), *детоу́мный* ‘глупый, умственно неразвитый; с умом как у ребёнка’ (*Да чо с ниво взять, дитоумный*), *дундук* ‘глупый, бестолковый человек’ (*А, как был дундуком, так и осталси*), *дура́чливый* ‘глуповатый, придурковатый’ (*Дурачливый – он дурной, с придурью*), *ду́рка* ‘глупая, недалёкая женщина, дурочка’ (*Дурка ты што ль?*), *дуры́ндас* ‘глупый, тупой человек’ (*Эх ты, дурындас*), *приглупе́тый* ‘глуповатый, неразумный, бестолковый’ (*Он какой-та приглупетый*), *придурочный* ‘глупый, неразумный, бестолковый, придурковатый’ (*Такова придурошнава ишо поискать нада*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Любопытство». Существенным качеством человеческого интеллекта является любопытство – стремление разносторонне познать то или иное явление в существенных отношениях. В чирских говорах это качество характеризуется адъективами: *досту́пный* ‘любопытный’ (*Ох, какая ты даступная, любапытная*), *досу́жий* ‘излишне любопытный, способный всё замечать, приметливый’ (*Дасужий – он любапытный да чужих дел*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Хитрость». Бытующие в чирских говорах субстантив *вы́щелка* ‘хитрая, изворотливая девушка’ (*Выщелка – любовь парня абдурить*), адъектив *ощеу́льный* ‘пронырливый, хитрый, нагловатый’ (*Тарасовы, ани ащаульные*), предикативы *заморокова́ть* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ (*Замаркавуть – значить абмануть*), *обьяго́рить* ‘обмануть, обхитрить’ (*Ана яво абягорила и фсе́*) употребляются как бранные слова, характеризующие того, кто любит поживиться за чужой счет, ловкача, жулика. Антонимическое отношение в представленной микрогруппе выражается словом *про́стый* ‘открытый, бесхитростный, простой’ (*Хучь и деректор, но простый*).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Мыслительные процессы». В анализируемых говорах существует предикативная лексика, характеризующая

мыслительные процессы человека. Ср.: *догна́ть* ‘понять, уразуметь’ (*Я чёй-та ни даганю*), *доду́мать* ‘подать совет, надоумить’ (*Ну, дефки, эт кто вас додумал*), *допе́трить* ‘понять, додуматься’ (*Ана апять ни дапетрила*), *доту́мкать* ‘додуматься, догадаться’ (*Он и ни датумкаить*), *дотю́пать* ‘додуматься, догадаться’ (*Датюпала накануне, што нада пойтить*), *доу́миться* ‘додуматься, догадаться, прийти своим умом’ (*Я сама даумилась*), *зага́дываться* ‘догадываться, предполагать’ (*Я так загадываюсь, щарба у них с ярша*), *обишибі́ться* ‘допустить ошибку, ошибиться’ (*Как жы я так магла апишибицца*), *поморокова́ть* ‘усиленно подумать, поразмыслить о чём-либо’ (*Давай с тобой намаракуим*), *приду́мать* ‘вспомнить’ (*Я щас новасть адну придумала*), *скозлоу́мить* ‘быстро сообразить, понять’ (*Он, значить, сказлаумничал и пабех впирёт мне*).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Слабоумие». Здесь встречаются лексемы, обозначающие характеристику интеллектуальных способностей человека, указывающие на присутствие или отсутствие смысла, логики в интеллектуальной деятельности, а также детерминирующие степень психического расстройства. Ср.: *омрачи́ться* ‘потерять рассудок, сойти с ума’ (*Дет-та у мне сафсем амрачилси*), *полоу́мственный* ‘страдающий психическим расстройством, полоумный’ (*Брат у няво палаумственный*), *отойти́ от ума* ‘лишиться ума, стать сумасшедшим, сойти с ума’, *умом ру́хнуться* ‘сойти с ума, потерять рассудок’ (*Он рухнулси умом, такой брет гаварить*), *мозги парáлик тронул* ‘кто-либо стал совершать глупые, необдуманные поступки’ (*Разви можыт умный чилавек так абхадиться с наставником. Не иначе как мазги паралик тронул*).

Лексико-тематическая подгруппа наименований, характеризующих человека по его интеллектуальным способностям, в чирских говорах представлена именами существительными, прилагательными, а также наблюдается предикативная лексика. В анализируемых говорах прослеживается тенденция характеризовать человека по его умственным способностям.

4. Лексико-тематическая группа «Речь»

Речевая деятельность является одной из важнейших составляющих в жизни человека. Характеристика человека по особенностям речевого общения

осуществляется в чирских говорах с помощью наименований, отражающих процесс говорения и характер взаимодействия между людьми. Такие лексические единицы называют лицо по его склонности, предрасположенности говорить много или мало, быстро или медленно, громко или тихо, эмоционально или сдержанно, чисто или неразборчиво; передавать достоверную или неточную информацию.

Данная тематическая группа представлена достаточно большим количеством лексических единиц. Это обусловлено тем, что речевая деятельность человека воспринимается как его важная характеристика, отражающая социальный опыт взаимодействия с другими людьми. С.А. Юрченко,

рассматривая речь как базовую ценность в языковом сознании донского казачества, отмечает: «Ценностная значимость речи в донском казачьем диалекте объективируется при помощи языковой оценки. В донском казачьем диалекте оценке подвергаются: 1) общий процесс речевого высказывания носителя диалекта; 2) отдельные речевые поступки диалектной языковой личности; 3) человек как обладатель определенных речевых способностей» [Юрченко, 2008, с. 5]. Данное положение находит отражение и в лексике чирских говоров, в ходе ее тематического членения.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Говорить, разговаривать». Стилистически нейтральным, употребляющимся во всех коммуникативных ситуациях, является глагол *гутáрить* 'говорить' (*Гутарють по радиву, что скоро пенсии прибавять*). Нейтральными в смысловом и эмоционально-оценочном плане оказываются и слова *алатáрничать* 'произносить речи, ораторствовать' (*Я ни алатарничаю на собрании*), *балáкать* 'говорить, разговаривать, беседовать' (*Балакали мы с ней часа два*), в значении которых актуализирована сема 'говорить, разговаривать'. Эта микрогруппа является самой малочисленной в представленном тематическом объединении.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Много говорить». В чирских говорах характеристика человека много говорящего, пустослова имеет отрицательную коннотацию. Чрезмерная болтливость всегда была объектом

насмешек и воспринималась в народной среде как порок. Именно эта микрогруппа включает в себя большое количество лексических единиц. Так, неодобрительной оценки диалектоносителей заслуживает человек чрезмерно говорливый.

Характеристика человека, беспрестанно повторяющего одно и то же, представлена следующими языковыми единицами. Номинативы: *базя́ва* ‘женщина, которая много и громко говорит, сплетничает’ (*Ой, анна такая базява, ана можыть разбазявить*), *балабо́л* ‘болтун, пустослов’ (*Балабол гаварить попусту и ниправду*), *баландра́с* ‘болтун, пустослов’ (*Ну и баландрас, ни памалчить ни сикундачки*), *болтохво́ст* ‘пустослов, болтун’ (*Болтохвост! Чтоб язык намяло*), *галда́* ‘тот, кто надоедает непрерывными разговорами’ (*Вот галда, пристанить, хужы смалы*), *долдо́н* ‘болтун, словоохотливый человек’ (*Он далдон, адно и тожа мелить и мелить*), *ора́тор* ‘человек, который много и впустую говорит; болтун, балабон’ (*Аратар балабонить бис канца*), *пустобо́лт* ‘болтун, пустомеля’ (*Ох и пустоболт он*), *пустобрё́шка* ‘болтунья, пустомеля’ (*На муцину гаваряць пустабрёх, а на женицину – пустабрёшка*); адъективы: *болту́чий* ‘болтливый’ (*Есть и балтучии, рты не закрывають*), *галдли́вый* ‘надоедающий разговорами, криками, болтливый’ (*Галдливый многа гаварить ни па делу*); предикативы: *баландры́чить* ‘пустословить’ (*Иш баланды наводють, баландрычат*); фразеологические единицы: *плетёнь без ко́лышков* ‘чрезмерно болтливый человек, любящий привирать, болтун’ (*Этих плетней бес колышков слухать надоист*). В данной микрогруппе можно выделить лексические единицы с дополнительным значением ‘говорить быстро, непонятно’: *балабо́нить* ‘говорить быстро и невнятно’ (*Ни балабонь, толкам раскажы*), *белебе́ня* ‘быстро и неразборчиво говорящий человек, болтун’ (*Тишы, тишы, белибень, ничё ни пайму*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Говорить мало». Излишняя молчаливость так же, как и многословность, не находит поддержки в народной среде. Более того, нередко плохая речь является свидетельством невысоких интеллектуальных способностей. Так, в чирских говорах отмечены лексемы

дундук ‘молчаливый, малообщительный человек’ (*Чаво, как дундук надулси?*) с дополнительным значением ‘глупый, бестолковый человек’ (*А как был дундуком, так и осталси*), *варнякать* ‘говорить мало, невнятно’ (*Он варнякаит, а я никак ни пайму*).

По численному составу лексические единицы этой микрогруппы уступают словам и фразеологизмам группы со значением ‘говорить много’.

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Говорить неправду». Здесь выделяются предикаты, в значении которых присутствует семантический компонент ‘обмануть, обхитрить’: *обчечэкать* ‘оклеветать, ложно обвинить, оговорить’ (*Ана мне апчичекала, а ани фсе паверили*), *объягорить* ‘обмануть, обхитрить’ (*Када хату пакупали, ани нас и объягорили*), *подмануть* ‘намеренно ввести кого-либо в заблуждение, сказав неправду или прибегнув к какой-либо уловке’ (*А, паразиты, вы гаварили, что дадутя мне денех, а сами падманули миня*).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Скандалить».

«Феномен конфликта-скандала в социальной жизни людей – это неотъемлемая и закономерная составляющая развития любого общества» [Соснин, 2014, с. 155]. В чирских говорах существуют языковые средства, характеризующие ссоры, размолвки, неприятные ситуации в речевом общении. «Казачи, люди военной закалки, в быту не всегда отличались особенной сдержанностью по отношению к окружающим» [Брысина, 2021, с. 177].

В чирских говорах бытуют предикативы со значением ‘грубить, скандалить’: *забурунить* ‘начать говорить раздражённо, сердито, скандалить’ (*Ну, апять забурунил*), *огуряться* ‘ругаться, ссориться’ (*Мужики чавой-та с утра агуряюща*), *оговариваться* ‘оправдываться, грубо отвечать на справедливо сделанные замечания’ (*Он агаваривающа с табой*).

б) Лексико-тематическая микрогруппа «Лесть». Лексические единицы, характеризующие льстивое поведение, особенно угодничество, подхалимство, в чирских говорах имеют ярко выраженную отрицательную оценку. Ср.: *подлабуниться* ‘лестью, угодливостью снискать чьё-либо расположение;

подлизаться' (*Кум хитёр: падлабунилси к ней*), *подлізистый* 'такой, который льстит, склонный к лести' (*Халюза – он ужасна падлизистый*), *подлізливый* 'такой, который льстит, склонный к лести' (*Он да таво был падлизливый*), *подлоску́титься* 'лестью, угодливостью снискать чьё-либо расположение, подлизаться' (*Падласкутица – значить падлизаца*), *готов из себя вылезти* 'об угодливом человеке' (*Плахая у мене нивестка, гатова из сибя вылисти, ни люблю падхалимаф*).

В отдельную группу можно выделить лексические единицы, имеющие разные значения, но в совокупности обозначающие действия, связанные с речевой деятельностью: *долдэть* 'упрямо твердить, настойчиво повторять' (*Далдю яму, далдю, а он ни делаеть*), *забаламу́тить* 'начать шумный разговор, зашуметь' (*Скотникам понравилась, забаламутили, завысказывались*), *буруне́ть* 'говорить вдалеке, неразборчиво' (*У саседий всю ночь бурунили в каридори*), *загалди́ться* 'множественно заводит одни и те же разговоры, приставать с разговорами' (*Ни галди, чё ты загалдилась*), *задолдо́нить* 'начать твердить одно и то же, назойливо, упрямо повторяя сказанное' (*Задалдонил адно и то жа, я табе абьяснял, памалчи*), *обчулю́кать* 'слишком долго говоря, помешать говорить другому' (*Он каво угодна апчулюкаить*), *переко́чкать* 'переспорить, переупрямить, переубедить, перетянуть на свою сторону, сделать своим единомышленником' (*Он упрямый, разви ж яво перекочкаши*), *подказать* 'подсказать' (*Ты мне адну задачу паткажи, я тут запуталси*), *подка́зывать* 'говорить нужные слова, наталкивать на какие-либо действия' (*Ты яму ни патказывай, пускай сам думаеть*), *рухтова́ть* 'оживлённо обсуждать, беседовать, спорить' (*Рухтавали, рухтавали – так и ни ряшили*), *дуть на́ уши* 'сплетничать, наговаривать' (*Да, это он дуить на уши*).

Элементы, составляющие содержание представленной лексико-тематической группы, раскрывают разные стороны речевой деятельности человека и отражают базовые ценности казачьей культуры, отмеченные ранее исследователями.

5. Лексико-тематическая группа «Эмоции»

Под эмоциональными явлениями в современной психологии понимаются субъективные переживания человеком его отношения к предметам, явлениям, событиям, другим людям. Эмоции тесно связаны с потребностями, поскольку, как правило, при удовлетворении потребностей человек испытывает положительные эмоции и, наоборот, при невозможности получить желаемое – отрицательные.

При вербализации эмоций психологическая категория эмоциональности трансформируется в языковую категорию эмотивности. Формулировка данной закономерности взаимосвязи психических и лингвистических явлений и их перекодировка принадлежат В. И. Шаховскому, определяющему эмотивность как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский, 1987, с. 95].

Эмоциональность пронизывает всю речевую деятельность человека и закрепляется в семантике слов в качестве определителей его различных эмоциональных состояний. Именно поэтому при исследовании языка помимо логико-предметной семантики, отражающей какое-либо понятие человеческого мышления, важно учитывать и эмотивную. В общем виде эмотивную семантику слова можно определить как опосредованное языком отношение человека к окружающему миру.

Как известно, эмоции любой языковой общности социально и психологически обусловлены национальным опытом народа, не только являясь реакцией на окружающую действительность, но и составляя значительный фрагмент картины мира определенного этнокультурного сообщества.

Эмоции на материале донских говоров достаточно основательно изучены Н. А. Григорьевой, которая отметила, что «наиболее детально в донском казачьем диалекте вербализуются отрицательные эмоции. В донских казачьих говорах встречаются единицы с диффузной семантикой, номинирующие, описывающие и выражающие разные эмоциональные состояния» [Григорьева, 2010, с. 7].

В чирской группе донских говоров лексические единицы, характеризующие разные проявления эмоций в жизни человека, составляют значительный пласт.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Радость». Радость – положительное эмоциональное состояние, связанное с возможностью полного удовлетворения актуальной потребности. В данной микрогруппе представляется возможным выделить ряд слов с корневой морфемой *-рад-*: *изра́доваться* ‘очень обрадоваться’ (*Мы фсе израдавались*), *ра́дый* ‘рад, доволен’ (*Радая я вам всем*), *взра́даться* ‘обрадоваться’ (*Немцев прогнали, так весь хутор взрадалси*), *обра́да* ‘чувство удовольствия, удовлетворения, радости’ (*Тыж мая абрада!*). Радостного, весёлого человека в чирских говорах называют *прикомéдный* ‘смешной, весёлый’ (*Сасет у мене прикамедный*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Страдание, жалость». Страдание – отрицательное эмоциональное состояние, связанное с полученной информацией о невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей. В данной микрогруппе можно выделить диалектные слова и устойчивые выражения, которые называют разные проявления чувств жалости, грусти, печали: *то́ма* ‘уныние, тоска, душевная мука, томление’ (*Вот мне быстра тома прибила*), *жаль* ‘сострадание, сочувствие, жалость’ (*Да неужто у вас никакой жали нет*), *посоветь* ‘стать вялым, грустным, печальным’ (*Казак овдовел – сразу посовел*), *жури́ться* ‘грустить, печалиться, переживать, горевать’ (*Ты из-за чиво так журисси*), *жалковáть* ‘печалиться, горевать’ (*Чтоб её сердце не жалковало, не горевало*), *пригоревáться* ‘загрустить, приуныть, опечалиться’ (*А чём пригаривалси?*), *гры́сть окна* ‘скучать, тосковать’ (*Вот уедуть внуки, будишь окна грысть*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Гнев». Гнев – отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое внезапным возникновением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности.

В чирских говорах грубого, злого человека называют: *áред* ‘злой, жестокий человек (чаще всего старик)’ (*Ни связывайси с этим аридам*), *бусóрый*

‘сердитый’ (*Ягор целый день очинь бусорый*), дуrolомный ‘грубый, драчливый, несдержанный’ (*Он дуrolомный такой, ат няво нада падальшы дяржацца*), злостный ‘злой, недоброжелательный’ (*Ф каво ты такой злосный*). Когда человек находится в состоянии гнева, то употребляются слова: *посерча́ть* ‘быть в раздражении, сердиться, некоторое время’ (*Можно поругаться, посерчать, повздорить*), *расхандрова́ться* ‘прийти в состояние крайнего раздражения, гнева’ (*Чё ты расхандравалси*), *набы́читься* ‘обидеться, рассердиться, нахмуриться, сделать недовольное лицо’ (*Мне тоже неприятно, так что же, набычиться и сидеть*), *осердине́ться* ‘почувствовать раздражение, негодование; рассердиться’ (*Мать асирдинилась, наверна, за двойкю*), *разбзыка́ться* ‘начать сердиться, горячиться, капризничать’ (*Ты чё разбзыкалси*).

Состояние гнева и враждебности может проявляться, на вербальном уровне, что позволяет обнаружить пересечение данной тематической микрогруппы с тематической группой «Речь»: *огрызу́чий* ‘грубый, агрессивный, любящий пререка́ться’ (*Агрызацца все вы мастаки*), *оговарива́ться* ‘оправдываться, грубо отвечать на справедливо сделанные замечания’ (*Он агавариваицца с табой*), *огуря́ться* ‘ругаться, ссориться, огрызаться’ (*Мужики чавой-та с утра агуряюцца. И сказать ничё няльзя, агуряицца сразу*), *обдирáть* ‘ругать, оскорблять’ (*Ана яво нады так абадрала, пряма груба с ним гаварила*), *обла́живать* ‘грубо ругать кого-либо, используя непристойные, матерные слова’ (*Аблаживать – эта ругацца матам*) и на физическом уровне, когда в состоянии гнева применяется физическое воздействие: *вы́звериться* ‘рассвирепеть, с жестокостью отнестись к кому-либо’ (*Мать как вызверится, сразу лупить зачинает*), *попéтать* ‘отшлёпать, побить (о детях)’ (*Он яво сильна папетал*), *валту́зить* ‘бить’ (*Давя Ивана как начали валтузить*), *дербулы́знуть* ‘ударить (обычно с большой силой)’ (*Он как дирбулызнить яво*).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Пренебрежение». Данная микрогруппа включает в себя лексемы, называющие отрицательное эмоциональное состояние, вызванное объектами (предметами, людьми, обстоятельствами и т.д.), или состояние, возникающее в межличностных

взаимоотношениях и порождаемое рассогласованием жизненных позиций, взглядов и поведения субъекта с жизненными позициями, взглядами и поведением другого, являющегося объектом данного чувства: *скабёжливый* ‘привередливый’ (*Зять у нас скабёжливый*), *грёбостливый* ‘брезгливый’ (*Я очинь грёбостный*), *примудряться* ‘вредничать’ (*Што ты примудряся, старьи штаны, гаварю, адявай*), *косорóтиться* ‘кривить лицо, выражая неудовольствие’ (*Она скосоротилась и не поздоровкалась со мной*).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Страх». Страх является отрицательным эмоциональным состоянием, которое появляется при получении субъектом информации о реальной или воображаемой опасности. Здесь отмечены глаголы, отражающие конкретные действия или состояния лица, испытывающего данную эмоцию. Например: *захолонуть* ‘испытать ощущение холода под влиянием страха или другого сильного чувства’ (*Немец зашёл, а у меня ноги отнялися, всё захолонуло*), *чураться* ‘пугаться’ (*Он чурается, не подходит*), *полыхаться* ‘пугаться, волноваться, тревожиться’ (*Он скоро уш придёт, не палахайси так*), *полохнуться* ‘внезапно испугаться, встревожиться, вздрогнуть, всполошиться от испуга’ (*Хтой-та пастучал, я так палахнулась*), *пужаться* ‘испытывать страх, пугаться’ (*Не пужайся, девка, стой!*), *приужаснуться* ‘испугаться, прийти в ужас’ (*Я шла дамой вечирам, а в переулке кабель, дык я аж приужалась*).

Страх, как базовая эмоция, может проявляться в разной степени интенсивности. Например, в тревоге он «может быть выражен слабо, умеренно или сильно» [Изард, 1999, с. 259]. Однако важно понимать, что «в состоянии тревоги мы, как правило, переживаем не одну эмоцию, а некую комбинацию или паттерн различных эмоций, каждая из которых оказывает влияние на наши социальные взаимоотношения, на наше соматическое состояние, на наше восприятие, мысли и поведение» [Изард, 1999, с. 260], поэтому считаем верным выделить эмоциональное состояние тревоги в отдельную микрогруппу.

6) Лексико-тематическая микрогруппа «Тревога». «В основе феноменологии тревоги лежит переживание страха» [Изард, 1999, с. 260].

«Тревога – беспокойство, волнение, забота, смута, смятение, переполох, потрясение, ералаш, кутерьма, пертурбация, суматоха. Фальшивая тревога. Житейские треволнения» [Словарь синонимов, 2000].

В донских казачьих говорах эмоциональное состояние тревоги передаётся с помощью глаголов: *взгурмаши́ться* ‘начать тревожиться’ (*Сказали автобус не приедить, все взгурмашились*), *взболomúтить* ‘внести смятение, беспокойство’ (*Взболomuтил нас попусту*), *законобо́иваться* ‘тревожиться, беспокоиться, волноваться’ (*Родители знают, што я у вас, ни будуть заканабоивацца*).

7) Лексико-тематическая микрогруппа «Стыд». Стыд является отрицательным эмоциональным состоянием, которое выражается в осознании несоответствия собственных помыслов, поступков и внешности не только ожиданиям окружающих, но и собственным представлениям о подобающем поведении и внешнем облике. «Стыд выполняет в обществе регулятивную функцию. Это важнейшая эмоция, определяющая поведение человека, ограничивающая или предотвращающая нарушение им социальных нравственных норм» [Изард, 1999, с. 272].

В чирских говорах номинация лексемы «стыд» выражена существительными *страм* ‘стыд, позор, бесчестие, срам’ (*Страму на фсю станицу наделали*), *страмóта* ‘стыд, позор’ (*Ой, страмата-т какая*). Отмечен глагол, называющий действия, направленные на объект, поведение которого не соответствует принятым в обществе нормам нравственности и морали: *страмоти́ть* ‘стыдить’ (*Её за такие дяла застрамотить нада*).

8) Лексико-тематическая микрогруппа «Обида». «Обида характеризуется, прежде всего, тяжелым, то есть неприятным, осадком в душе от поступков людей, от которых мы ожидали совсем другого поведения» [Бреслав, 2016].

Исследователи рассматривают обиду как признак эгоцентризма личности, уязвленность, установку самооправдания, демонстративность, отвержение себя значимым другим. Проявление такого эмоционального состояния не вызывает одобрение в обществе, поэтому, как правило, скрывается диалектоносителями. В

чирских говорах зафиксировано одно слово – *серча́ть* ‘чувствовать обиду, обижаться’ (*Па-дружески тебе скажу, не сирчай*).

9) Лексико-тематическая микрогруппа «Чувства». При рассмотрении данной микрогруппы необходимо отметить, что чувства и эмоции – взаимосвязанные, но различающиеся явления эмоциональной сферы личности. Эмоциями считают более простое, непосредственное переживание в данный момент, связанное с удовлетворением или неудовлетворением потребностей. Проявляясь как реакции на предметы окружающей обстановки, эмоции связаны с первоначальными впечатлениями. Первое впечатление от чего-либо носит чисто эмоциональный характер, является непосредственной реакцией (страх, гнев, радость) на какие-то внешние его особенности. Чувство – это более сложное, чем эмоции, постоянное, устоявшееся отношение личности к тому, что она познает и делает, к объекту своих потребностей. Чувства характеризуются устойчивостью и длительностью, измеряемой месяцами и годами жизни их субъекта. Чувства свойственны только человеку, они социально обусловлены и представляют собой высший продукт культурно-эмоционального развития человека [Ильин, 2018].

В чирской группе говоров используются следующие слова и выражения: *болéзный* ‘милый, родной, дорогой желанный’ (*И куда ш ты тяперь, балезный, пайдёш*), *жа́лечка* ‘любимая, милая, дорогая, возлюбленная (чаще в обращении)’ (*Иди сюда, мая жаличка*), *жа́лкий* ‘милый, дорогой, любимый’ (*И-и, сваха мая жалкая!*), *жа́лочка* ‘любимая, милая, дорогая, возлюбленная’ (*Ни раз, ни два мимо жалочки прошёл*), *жаль* ‘милый, родной, дорогой, желанный’ (*Жаль мая, пайдем дамой*), *жа́люшка* ‘милый, родной, дорогой, желанный’ (*Жалюшка – так дитей называют*), *изгора́ть* ‘испытывать сильное чувство’ (*Изгарал он сильна ат любви*), *обмира́ть* ‘испытывать сильные чувства, сильно любить’ (*Дочь па атицу абмираить, ни за што адна ни астаница*).

10) Лексико-тематическая микрогруппа «Упрямство». Немаловажной составляющей характера человека является упрямство, настойчивость. Материал чирских говоров показывает, что упрямство тесно связано с таким определяющим

концептом в сознании донского казачества, как «воля». «Ценность «воля» как обретение социальной независимости, освобождение от крепостной неволи, а также от каких-либо обязательств перед государством имело абсолютную значимость на первых этапах формирования казачества» [Морозова, 2015, с. 113]. В данной микрогруппе отмечаются такие лексические единицы: *натурный* ‘упрямый, своевольный, своенравный, норовистый, настырный’ (*Он такой натурный, фсяда стаить на сваём*), *адатничать* ‘проявлять упрямство, быть упрямым, своевольным’ (*Ни адатничай, а паслухай лучшы, што тибѣ скажуть*), *переть на свой хахряк* ‘проявлять своевольный характер’ (*Не чава на свой хахряк пиреть*), *упыристый*, как бык ‘упрямый’ (*Ты упыристый, как бык, тибя ш ни пириспоришь*).

Наблюдения над лексикой чирских говоров показали, что эмоциональность выражается не только лексическими, но и словообразовательными, синтаксическими, средствами, включая фразеологию. Было выделено две группы лексических единиц с корнем *-жаль-* и с семой *дух* (душа):

– *жалѣть* ‘любить, заботиться о ком-л’ (*Я яво дюжа жалела*), *жалѣчка* ‘любимая, дорогая’ (*Да ты моя жалѣчка такая!*), *жалюшка* ‘то же, что жалѣчка’ (*Жалюшка мая приехала*), *жалитъся* ‘жаловаться’ (*Она вечно на жистъ жалитъся*), *жалкий* ‘дорогой, сердечный’ (*Он сильно жалкий мне стал*), *жалковать* ‘печалиться, горевать’ (*Чтоб её сердце не жалковало, не горевало*), *жалкунюшка* ‘милая, любимая’ (*Мая жана жалкунюшка у мене*), *жалостник* ‘отзывчивый, сострадательный человек’ (*Всем всё раздаст, жалостник дюже*), *жаланница* ‘отзывчивая, сострадательная’ (*Жаланница, развяла сабак*), *жалъ* ‘сочувствие’ (*У дочери никакой жали нет к бабке*);

– *душа дыбарем* ‘испытывать чувство сильного волнения, страха’ (*Он зашѣл, а у мене душа дыбарем*), *душа зашлась* ‘испытывать чувство сильного волнения; переживание’ (*Мне как сказали пра этот случай, так душа и зашлась*), *душа рассыпается* ‘чувство сильного волнения, растерянности’ (*Учительша спросит, бывалоч, а у мене душа так и рассыпаицца*), *душа с телом расстаётся* ‘выражение сильного эмоционального потрясения’ (*Зимой на лядянке катались с*

горки, а её так закрутить, ажнык душа с телом расстаёцца), душу травить ‘переживать, напоминать о чём-то упущенном’ (*Хватить душу травить*), *дать духу* ‘испугаться’ (*Ночью сёдня так духу дала*), *дух млеет* ‘кто-либо боится, страшится’ (*Пошёл коня путать, а у самого дух млеет*).

В чирских говорах языковые единицы, называющие и описывающие различные проявления эмоций, занимают значительный пласт лексики. Наиболее подробно и детально вербализуются такие эмоции, как гнев, страх и тревога, что, возможно, обусловлено военным укладом жизни в казачьих поселениях, требующим нахождения в постоянном эмоциональном напряжении. Микрогруппа «обида» представлена одной лексической единицей, что подтверждает отрицательное отношение в народном сознании к такому роду эмоций.

6. Лексико-тематическая группа «Социальная характеристика человека»

В чирских говорах эту группу образуют лексические единицы, характеризующие родственные отношения, семейное положение, возраст, отношения между людьми, социальное положение, трудовую деятельность.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Номинации лиц по половому признаку». Для обозначения мужчины в чирских говорах используется в одном из своих значений лексема *человёк* (*Хадила баба и чилавек с ней, мёт прилагали*). *Человёк* в чирских говорах употребляется еще в значении ‘сожитель’ (*Муш у ниё помир, а ана приняла чилавека, и ани радили эту девачку*).

Общеизвестное слово *мужык* активно используется при номинации лица мужского пола, однако среди коренного пожилого населения продолжает использоваться с отрицательной коннотацией (– *Эй, мужык?* –*Какой я тебе мужык?*). Причем информанты не всегда могли объяснить, почему *мужыком* лучше не называть; ссылались на традицию (*Ни помню, штоба мужыком называли, в аснавном па очиству или па клички, а мужыком называли, если хатели аскарбить*). Это замечание свидетельствует, что в диалектной картине мира донских казаков продолжает оставаться восприятие себя как замкнутого сословия. «Донские казаки всегда считали себя особой общностью людей,

отличающейся от других этнических групп. Высокое этническое самосознание всегда было характерно для них» [Морозова, 2016, с. 85].

Оппозиция «свой» – «чужой» проявляется в номинации *каца́п* ‘русский человек не казак’ (*Щас все пиримишались, казаков уш и нет, а раньшы у нас на весь хутор толька две сямьи кацапов жыли*).

Стилистическими вариантами общего названия *му́жик* в чирских говорах являются: *му́жлан* ‘грубый мужчина крупного телосложения’ (*Мужлан здаровый, арёть всяда, как анна с ним живёт, ня знаю*), *му́жичо́нок*, ‘мужчина худого телосложения и маленького роста’ (*Приехали калонку чинить, бригадир у них мужычонок, малинький прям*), *му́жичок* ‘молодой мужчина’ (*Этат мужычок, он савсем маладой, а на старой жанился*).

Для обозначения лиц мужского пола молодого возраста встречается также лексема *парнишо́нок* (*Парнишонок зашол маладой савсем, интиресна, какова он года*).

При дружеском обращении к мужчине встретила лексема *парни́ша* (*А ты, парниша, я гляжу, щаста па нашый улочки ходишь*).

Для обозначения женщин в чирских говорах зафиксированы лексемы, имеющие эмоционально-экспрессивную оценку: *бабе́нка* ‘молодая женщина худого телосложения, невысокого роста’ (*А я табе гаварю, что ни эта баба, там бабенка таргуить, малинькая, худаватая*), *бабе́нь* ‘молодая женщина крупного телосложения’ (*Ана разажралась – такая бабень стала*).

Отдельно в данной микрогруппе можно представить синонимический ряд слов, называющих беременных женщин: *навзнося́х* (*Ана навзнях, скоро радить*), *забрюха́теть* (*У мне мама в пият лет забрюхатила и радила Лютку*), *запуза́теть*, *затяже́леть* (*Запузатить или затижалеть гаварять, када баба дитя ждёт*).

В составе представленной тематической микрогруппы отмечены только имена существительные.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Прозвищная номинация». В современных исследованиях в области языкознания активно изучаются такие

языковые средства, как антропонимы – официальные и неофициальные, выделяющие личность в социуме, определяющие ее как индивидуальную языковую личность. Официальных идентификаторов в настоящее время три: имя, отчество и фамилия. К неофициальным идентификаторам относят прозвища, псевдонимы, никнеймы и др. Данные именованья, особенно прозвища, характеризуют личность с разных сторон в неформальной, бытовой коммуникации. Прозвища активно номинируют личность, так как они, в отличие от официальных антропонимов, мотивированы, связаны с образными и эмоциональными оценками, часто непосредственно характеризуют человека, используются как в личном общении, так и в разговоре о третьем лице.

Прозвищная номинация – процесс называния прозвищем, важный компонент онимического пространства, диалектной картины мира, содержащий сведения о быте, культуре, взаимоотношениях жителей сельской местности – носителей говора. Прозвища в чирских говорах по-разному представляют именуемые лица, отображают их признаки, характерные черты, род деятельности, родство с кем-либо, пропущенные через субъективное восприятие носителями говора.

Потребность давать прозвище вытекала из того, что идентификация и даже простая функция управления, организации и самоорганизации казачьего общества требовала скорости и мобильности. Здесь вступает в силу закон экономии языковых средств. Проще, быстрее назвать человека по прозвищу, например *Лесёша* вместо *Елисей Петрович*.

В чирских говорах одним из компонентов структуры именованья человека являются отфамильные прозвища. Большая часть отфамильных прозвищ в них представляет собой одно слово – неразвёрнутый способ номинации: *Бурбѝн* (Бурбинов), *Дибѝч* (Дибичов), *Липѝт* (Липатов), *Мурзѝй* (Мурзаев), *Жамѝрѝ* (Жемарѝв), *Шалпѝк* (Шалпаков), *Журбѝн* (Журбинов), *Исѝй* (Исаев), *Афинагѝн* (Финагенов), *Батрѝк* (Батраков). Образованные по этой модели отфамильные прозвища являются необходимыми в силу отсутствия отрицательной семы в лексическом значении.

От мужских прозвищ часто образуются женские прозвища с помощью суффикса -их-: *Бурбині́ха, Дибичі́ха, Липа́тиха, Мурза́иха, Жамарі́ха, Шалпачі́ха.*

При развёрнутом способе номинация осуществляется составной единицей, тождественной по форме словосочетанию, например: *Бабка Жамарі́ха (Ана живёть адна, дед помир, яво Жамарём дражнили, так и иё стали кликать), Бабка Тузиха (Здесь бабка Тузиха жила, тоже на деду кличат, он Тузик был).*

Отфамильные прозвища могут возникать и по модели отчества, например: *Савелі́ч (Савельев), Федо́тыч (Федотов), Еремéич (Еремеев).* Подобные прозвища даются обычно лицам пожилого возраста и служат показателем уважительного отношения к ним.

В чирских говорах прозвища, связанные с фамилией, обычно даются мужчине и потом распространяются на членов всей семьи, например казака по фамилии *Липа́тов*, называли *Липа́т*, его жену *Липа́тиха*, всю семью *Липа́ты́*, а детей *Липа́чата*. Данный факт может служить подтверждением того, что в казачьих семьях главой всегда был отец, казак-воин. Более того, отфамильные прозвища передаются и на дом, в котором жила семья, особенно если в дом заселяются неместные жители. Так, при общении с хуторянами, выяснилось, что многие не знают фамилии приезжих, а если сказать, например, что они живут в доме *Шалпакóв*, то сразу становится ясно, о ком пойдёт речь. Это указывает на то, что прозвища прочно укореняются и активно используются в речи.

Прозвищная номинация по персониму в донских говорах позволяет выделить антропонимы, по форме представляющие трансформированные личные имена. Можно выделить простые антропонимы, состоящие из одного слова, и развёрнутые. Большая часть простых антропонимов обладает положительной окраской, что связано с наличием у анализируемых единиц уменьшительно-ласкательных суффиксов. Положительный оттенок значения присущ деминутивам – именам «с уменьшительно-ласкательным оттенком значения в данном контексте, созданное с помощью деминутивного суффикса» [Подольская, 1988, с. 54]. Разница между деминутивом и прозвищем кроется в широте

использования: прозвище является индивидуализирующим именованием определенного человека, закреплённым за ним; деминутив реализуется как именование разных людей с одинаковыми персонимами. Как правило, деминутивы образуются от полных личных имен или гипокористик.

В донских говорах встречаются деминутивы общеупотребительные с суффиксами -к-: *Танька, Светка*; -ок-/-ёк-: *Ленок, Женёк, Санёк*; -ушк-/-юшк, -яшк-: *Лизушка, Олюшка, Дуняшка*; и региональные с суффиксами -атк-: *Мишáтка* (Миша); -утк-: *Вяру́тка* (Вера); -ятк-: *Васятка* (Вася), *Ванятка* (Ваня); -он(я)-, -ян(я)-: *Христоня, Филяня*).

Прозвища, образованные от деминутивных имён, в чирских говорах могут носить и отрицательный характер, несмотря на уменьшительно-ласкательный суффикс производящего имени с соответствующей коннотацией, например: *Зюечка* (*Да, ана с детства глупинькая была, иё так все Зюичкой и завут*) – подчёркивается отрицательная характеристика интеллектуальных способностей при именовании взрослого человека.

Личные имена участвуют и в развёрнутом способе прозвищной номинации. В двукомпонентных прозвищах первый компонент является персонимом в полном или трансформированном виде, второй компонент является характеризующим, отражающим яркие черты прозываемого человека. Вторым компонентом составного именованья может отражать такие особенности прозываемого, как: место жительства: *Таня Якутянка, Галя Северянка* (*Да, ани с Севера приехали, так мы иё и завём*); внешний вид: *Вера Косая* (*Ана тады гдей-та работала и чёй-то в глаз папала, щас уже никто не помнит, а так все и завут Вера Касая*); род деятельности: *Люба Повариха* (*Люба Павариха у нас на стану работала*); речь: *Валя Алалушка* (*алалушка ‘болтливая, разговорчивая’*), (*Энту Алалушку слухать нечива*). Составные антропонимы, отражающие индивидуальные особенности определённого человека, чаще всего имеют негативную коннотацию, что позволяет их отнести к прозвищам. Показателем статуса прозвища является его использование (наличие объяснительных, мотивирующих компонентов).

Анализ прозвищ позволяет отметить особенности восприятия этого идентификатора в казачьей среде. Многие исследователи отмечают, что если вы не знаете уличной клички казака, то вам трудно его отыскать в хуторе или станице. Прозвища, зафиксированные на обследуемой территории, ярко эмоциональны и экспрессивны и обладают эмоционально-оценочной функцией. Однако отфамильные прозвища редко являются элементами негативного характера, поскольку способствуют регламентации коммуникации и организации отношений в социальной среде. Напротив, личные имена, служащие базой для образования вторичных имён: гипокористик, деминутивов и прозвищ, в большей степени отражают эмоционально-экспрессивную составляющую и характер мотивированности. Обилие прозвищных номинант свидетельствует об их востребованности. В диалектной картине мира важно не просто кратко назвать человека, выразить субъективную мысль о нём, а подметить яркую черту, не повториться с существующими номинантами.

Прозвища как вид антропонима отличаются полифункциональностью, выполняя в речи следующие функции: номинативную, идентифицирующую, дифференцирующую, характеризующую, дейктическую, эмоционально-оценочную, экспрессивную, социальную [Филатова, 2017].

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Номинация по признаку кровного родства». В широком смысле под родством понимается «связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях» [Ожегов, с. 593]. Соответственно, в основе отношений родства лежат происхождение от общего предка (кровное родство) и брачные семейные отношения (свойство).

Стоит отметить, что появление лексики родства в донском казачьем диалекте приходится на поздний период развития этого субэтноса, когда начался переход казаков к оседлому образу жизни, обзаведение семьей и домашним хозяйством. Многие лексические единицы чирских говоров, характеризующие родственные отношения, относятся к общенародным языковым единицам русского языка, однако имеются и собственные диалектные слова.

В чирских говорах для номинации родственников используются собирательные существительные *рѳдствие* (*Мы из хутора пириехали, и родствие все наше тоже*), *родствѳ* (*Радство фсѳ придет к нам*).

Для обозначения кровных родственников используется субстантивная плюральная форма от прилагательного *рѳдный* (*А иде ж тваи родныи та живут?*). Для обозначения одного человека, находящегося в кровном родстве, прилагательное сочетается с термином родства, например: *рѳдный брат*, *рѳдная сестра*.

Номинация родителей представлена рядом ласковых обращений, использующихся детьми по отношению к отцу и матери: *батюня* (*Батюня ты мой хороший!*), *батяня* (*Батяни скажу, няхай паглядить*), *батяшка* (*Батяшка пашол рыбалить*), *батюнюшка* (*Батюнюшка наше был паставалам*), *мамушка* (*Мамушка нас васьмярых радѳла*), *мамунюшка* (*Мамушка наша всю жизньню прамучилась*).

При номинации более старшего поколения преобладают также ласковые обращения: *дедуня* (*Дидуня, пайдем рыбалить?*), *дедунюшка* (*Дидунюшка, я приехала*), *бабання* (*Я седня у бабани астанусь начивать*), *бабуня* (*Бабуня, я седня у тебе астанусь*), *бабунюшка* (*Бабунюшка мая жывая*), *бабусинка* (*Бабусинка наша 105 лет пражыла*). Имеется нейтральное название, не использующееся как вокатив, когда об описываемом объекте говорится во множественном числе, – дед и бабка вместе: *дедѳ* (*Внукав к дядам атправила*).

Для общей номинации детей в чирских говорах используются лексические варианты *ребетѳнок* (*Рибитѳнку-та тваму сколькя лет?*), *дитѳнок* (*Дитѳнок смышлѳный*). Обращение к дочери и сыну выражено вокативами: *дѳча* (*Доча, ни хади туда*), *сына* (*Сына, ты када паедишь?*).

Детей, одновременно рожденных от одной матери, называют *близнята*, *двойнята* (*Двайнята у ниѳ радѳлись*), *двойняши* (*А если дваиняшы у тибя радѳца*), *двойнѳвые* (*Мы с сястрой были дваинѳвыи*), *тройнята* (*Если троя радѳлись, гаварять траинята*).

Семья и рожденные в ней дети почитались в казачестве особым образом, именно поэтому с осуждением относились к женщинам, родившим детей вне брака. В некоторых случаях незамужняя девушка подбрасывала в благополучную или бездетную семью. В чирских говорах зафиксированы наименования *найда́* (*Иё найдой звали, ацца не была*), *найда́к* (*Дет Митрий был найдак, радители иво и паткинули*). Иногда бедные семьи отдавали своих детей более состоятельным родственникам. В чирских говорах зафиксировано устойчивое сочетание *отдать в де́тищи* (*Я у дядюшки воспитывалась, как миня в детишы атдали*).

В казачьих семьях царила строгая иерархия, в том числе между старшими и младшими детьми. Отмечены лексические единицы, называющие старших брата и сестру: *братуня, братка, старшуха*.

В чирских говорах зафиксирован семантический ряд для номинации сестры: *сеструшка, сеструня, сеструнюшка, сеструха*.

Что касается других кровных родственников, то их диалектных номинаций в чирских говорах не отмечено.

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Характеристика человека по некровным родственным отношениям». В чирских говорах довольно широко представлены разнообразные названия некровных родственников.

Отдельно можно выделить номинацию мужа и жены. При обращении жены к мужу используется лексема *оте́ц* (*Пашли атец, уже позна*), если пожилая семейная пара, то встречается обращение *дед* (*Дет мой помир, так я ни с кем и не схадилась*). При обращении мужа к жене используются лексические единицы: *ба́ба* (*Жанилси, и вот с бабай сваей уже 20 лет*), *жена-баба* (*Мая жана-баба как расхадилась, как стала шуметь*), а также отмечено слово *женёнка* (*Это твая штоль жанёнка?*).

Зафиксирована лексема, называющая замужнюю девушку: *отда́тая* ‘выданная замуж девушка’ (*Я уже была отдатая, с радителями ни жыла*).

Если муж после свадьбы приходит жить в дом жены, то такую ситуацию описывает фразеологизм *приня́ть в зятья* (*Иё, наверна, никто ни брал замуи, и тада ани приняли в зятья*).

Часто при назывании супругов используется ласковая субстантивная форма от прилагательного *рóдненький* (*Роднинький та твой ноня пагнал стиречь?*), *рóдненькая* (*А я гляжу, твая роднинькая идет*).

В отношении свекра, свекрови, тещи и тестя используются общенародные единицы *отец и мать*.

Отмечена лексическая единица, выражающая отношения между невестками: *сношённицы* (*Эта плямянница сястры, а эта снашенницына*).

Наличие брачных уз у человека носителями говора обычно воспринимается положительно, это подчеркивается в чирских говорах лексемой *определённый* ‘имеющий семью’ (*Дети у миня фсе определёныи*). Причем в современных говорах уже не имеет отрицательной оценки незаконный брак. Так, лексема *сойтись*, употребляемая для обозначения семейных отношений, когда мужчина и женщина живут вместе в незарегистрированном браке, не имеет отрицательной коннотации (*Вы бы уж саились и жыли вмести*).

В чирских говорах зафиксированы лексические единицы с отрицательной оценкой женщин, никогда не состоящих в браке: *перестарка*, (*Зацем ана табе нужна перестарка, ие никто ни бярет*), *бобыліха* (*Так фсю жызню и бабылихай прабыла, никто ни взял*).

Отмечены также единичные лексемы, характеризующие разные формы внебрачных отношений: лексические варианты *бахарь*, *хэхаль* ‘мужчина по отношению к женщине, находящийся с ней во внебрачной связи’ (*Бахарь, наверна, иё на машыни приехал*), *беглячка* ‘женщина, ушедшая от мужа’ (*Биглячка – та, каторая ушла ат мужа*), *двужэнец* ‘мужчина, живущий на стороне с другой женщиной’ (*Харашо тибе с двуженцам жыть?*).

Особый интерес в микрогруппе «некровные родственные отношения» представляет лексика, называющая крестных отца и мать. Чаще всего у казаков крестными становились родственники, так как они не откажутся от крестника, будут всегда заботиться о нем, воспитывать, обучать. «Отказаться от роли крестного было невозможно, это считалось большой обидой для родителей» [Волков, 1998, с. 18]. Однако на обследуемой нами территории крестным может

стать любой человек. В чирских говорах крестного отца называют *крестовый отец* (*А вот кто был маим крестовым аццом, ни помню*), а крестную мать – *крестовая мать* (*Крестовая мать надарила эту адыялу*).

Лексика чирской группы донских говоров содержит в себе необходимое количество слов и выражений, отражающих и определенным образом характеризующих все стороны семейных отношений в казачьем социуме. Лексико-тематическая группа «Семья» занимает в сознании диалектоносителей обследуемой территории одно из центральных мест.

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Поведение человека и взаимоотношения с окружающими».

В чирских говорах при характеристике межличностных отношений используются лексические и фразеологические единицы, называющие форму общественного бытия: *гамузом* ‘всем вместе’ (*Кукурузник сел на поли, и мы гамузам набегли яво сматреть*); степень близости отношений между отдельными людьми: *одна чашка-ложка* ‘о людях одного круга общения’ (*Ани там фсе адна чашка-лошка*); дружеские отношения: *друзьяк* ‘друг’ (*Сашка мой друзьяк*).

Есть лексические единицы, характеризующие недостойную дружбу или порочные связи: *ватáжиться* ‘водить недостойную дружбу’ (*Ни ваташси с ним, он тебе ни пара*), *волово́диться* ‘устанавливать тесные отношения, связи’ (*Дефка маладая, а с мужыком валаводицца*).

Отмечены в чирских говорах лексические единицы, характеризующие недоброжелательные отношения, неприятные ситуации Ср.: *пóedom ест* ‘унижает, придирается по любому поводу’ (*Учитильша поидом исть детей*), *водит за нóздри* ‘подчинять своей воле’ (*Он их там за ноздри знаишь как водить*).

В исследуемых говорах имеется ряд прилагательных, характеризующих человека как неуживчивого, скандального, жестокого: *базгáльный* ‘скандальный’ (*Он такой базгальный, фсе время шумить, ругаицца*), *бзыклі́вый* ‘вспыльчивый, неуравновешенный’ (*Бзыкливая – эт психливая*), *взгáльный* ‘несдержанный, сумасбродный, взбалмошный’ (*Санья в детстве такой взгальный был*), *дуроло́мный* ‘грубый, драчливый, несдержанный’ (*Он дураломный такой, ат няво*

нада падальшы дяржацца), *звиглівы* ‘скандальный, крикливый’ (*Иш ты какой, звигливый*), *сгальны* ‘вспыльчивый, скандальный, несдержанный’ (*Такова сгальнава сроду ни вядала*).

В анализируемых говорах отрицательно характеризуется заносчивость и высокомерие: *выкудышыивацца* ‘быть высокого мнения о себе, воображать’ (*Как стала студенткой, выкудышавацца*), *расшарова́риться* ‘возомнить о себе, стать высокомерным, заносчивым’ (*Он расшароварилси, представлять ис сибя, я ни я, а толку нету*), *расширкопёритьца* ‘начать похваляться, кичиться, щеголять, выставлять себя напоказ’ (*И чаво ты расшыркапёрился, тожа кум каралю*), *гордывый* ‘гордый, горделивый, высокомерный’ (*Этат ходит гардивый, сроду первый ни паздарофкацца*), *зада́чистый* ‘хвастливый, много о себе мнящий’ (*Задачистый паринь, задаёцца*).

В рассматриваемой микрогруппе неодобрительные лексико-фразеологические номинации превалируют над словами с положительной оценкой, в некоторых случаях значительно, хотя это обуславливается ситуацией коммуникации, социальной ролью коммуникантов.

б) Лексико-тематическая микрогруппа «Характеристика человека по отношению к труду». Труд всегда был основой жизнедеятельности человека. Нередко именно отношением к работе оценивались достоинства людей, их нравственные качества. В этой микрогруппе наблюдаются оппозиционные отношения: «труд» – «лень», «желание трудиться» – «нежелание трудиться».

Для характеристики трудолюбивого человека в чирских говорах зафиксировано небольшое количество лексем: *беру́чий* ‘работящий’ (*Он хорошый, бяручий, рабочий*), *досу́жий* ‘трудолюбивый, усердный в работе’ (*Ленка такая дасужая, за фсё бирёцца*). Отмечена лексема, характеризующая лицо женского пола по умению работать – *додэ́льница* ‘умелая хозяйка, мастерица’ (*Снаха у нас такая дадэ́льница, фсё умеить*).

Важно отметить, что ценность «труд» не является в сознании жителей Дона первоначимой. Данный факт обусловлен как универсальным отношением человека к труду, проявляющимся в оценке труда как деятельности, требующей

большого напряжения, усилий и приносящей усталость и изнеможение, так и исторически сложившимся в казачьей среде отношением к труду как второстепенной деятельности, не являющейся основным источником жизнеобеспечения.

Об отношении к труду как второстепенной ценности в чирских говорах свидетельствуют единицы, отражающие нежелание работать: *побайдаковать* ‘некоторое время отлынивать от дела, бездельничать’ (*Пабайдаковать некагда, фсё работаим*), *поогинаться* ‘походить, побродить без дела’ (*Паагиналси? Ни надаела?*), *дражнить собак* ‘слоняться без дела, отлынивать от работы’ (*Целый день ходит сабак дражнить, ни чё ни делать*), *хоть вáру подлей* ‘кто-либо ленив, избегает труда, предпочитает проводить время в праздности’ (*Бабка* (в значении личного местоимения «я») *целый день ляжыть и ничё ни делать*).

Среди слов и устойчивых выражений, отражающих безделье и лень, можно выделить те, которые номинируют человека как а) ленивого: *алдóнь* ‘лентяй’ (*Алдонь он ужасный. Везь день тиливизир смотрит*), *балыхрísник* ‘бездельник’ (*Сасет мой такой балыхрísник, гарадьба фся завалилась*), *отлы́га* ‘бездельник, лентяй’ (*Делать ничё ни хочить, вот и атлыга*); б) плохого хозяина: *рахма́нка* ‘бесхозяйственная, беспечная, ленивая женщина’ (*Старуху гонишь, чтоб самому сюда влезть, к этой рахманке, в мужья!*), *безрукáвник* ‘плохой хозяин’ (*Весь забор пакарёжынный, здесь какой-та безрукавник жывёт*), *вид казака, ум как у дурака* ‘плохой хозяин’ (*Вит казака, а ум как у дурака – так а плахом хазяине гаварять*).

Анализируемый материал показывает, что все лексем, обозначающие ленивого человека в чирских говорах, имеют ярко выраженную негативную окраску. Отметим также резкое преобладание существительных в группе лексем, выражающих негативную характеристику, и примерно равное число прилагательных и существительных в группе положительных характеристик: как известно, существительные «более категоричны в выражении оценки, в особенности отрицательной» [Березович, 2007, с. 11].

7) Лексико-тематическая микрогруппа «Характеристика человека по благосостоянию». Диалектные единицы, характеризующие уровень материального благосостояния, степень достатка и соответствующий образ жизни человека, представлены оппозиционным отношением «богатство» – «бедность».

В представлении казачества (как, впрочем, и всего русского народа) бедность однозначно оценивается отрицательно. Вероятно, такое положение связано с проявлением двух основных тенденций мировосприятия народа. Во-первых, бедность, нищета, голод – это не всегда результат объективных – общественно-экономических – процессов в обществе; нередко бедствовал тот, кто не хотел трудиться, ленился, выполнял свою работу безответственно [Брысина, 2016, с. 122]. Здесь можно отметить такие слова и устойчивые выражения: *гультепá* ‘бедняки, беднота’ (*Ф калхози адна гультепá, чаво от них ждаты*), *бобыльный* ‘бедный, бездомный, одинокий’ (*Он при маих памятях бабыльный был, а щас чириз губу ни переплюнуть*), *есть чужое горе с хлебом* ‘о крайней бедности, безденежье’ (*Бывалача была, што и щужую горю ели с хлебом*), *запирать ворота бороной* ‘жить в бедности’ (*В тритцатаи годы фсе варота бараной запирали*).

Разняться своей оценочностью лексические единицы, характеризующие большой достаток, обеспеченный образ жизни. Среди таких единиц можно выделить те, которые характеризуют а) богатого человека: *домохвát* ‘богач’ (*Куликоф у нас дамахват*), *богáтель* ‘богатый человек, богач’ (*Типерь у нас новыи багатели завялись*), *знáтный* ‘богатый, зажиточный’ (*Эти люди знатныи, денех у них многа*), *прип ráвный* ‘зжиточный, состоятельный’ (*Ани приправныи, пакупали лошаты за пидисят*), *не докинуть палкой до кого-либо* ‘Кто-либо богат, недоступен, заносчив’ (*Да нашыва придсидатиля палкай ни дакинишь*), *запирать ворота пирогами* ‘жить богато, зажиточно’ (*Ну, типерь запирать варота пирагами будишь*); б) забоготевшего: *забогатéть* ‘стать богатым, разбогатеть’ (*Щас люди фсе забагатели*).

Человек, внезапно разбогатевший, нередко ведет себя заносчиво, в народе это вызывает осуждение. Для характеристики таких проявлений в чирских говорах бытует фразеологизм *быть в щетине, стать в пуху*.

Анализируемый языковой материал демонстрирует неоднозначность в оценке бедности и богатства.

Итак, в составе лексики чирских говоров отражаются закономерности, свойственные всем народным говорам, например преобладание лексических единиц с отрицательной оценкой над лексемами с положительной оценкой. Люди, в поведении, поступках которых проявляются отрицательные качества, наказываются неодобрительным отношением общества и получают соответствующие наименования. Соответствие нравственной норме не требует дополнительной оценки, так как норма, в принципе, одна, отклонений же от нормы может быть множество.

Анализ лексических единиц, характеризующих человека по интеллектуальным способностям, речи, эмоциям, особенностям поведения, внешним характеристикам, выявил наиболее предосудительные человеческие черты и привычки: глупость, раздражительность, высокомерие, угодничество, ложь, лень, нечистоплотность.

Выделяя отрицательные стороны лица, диалектоносители стремятся выявить идеальные качества, присущие человеку.

2.2.2. Лексико-тематическая макрогруппа «Бытовая сфера» в чирской группе донских говоров

Своеобразной особенностью лексики, характеризующей бытовую сферу, является ее тесная связь с повседневной жизнью народа, ее бытом.

В толковых словарях русского языка существуют следующие определения понятия «быт»: «Общий уклад жизни, присущий какой-нибудь социальной группе; повседневная жизнь» [Ушаков, 2000, с. 49]; «Условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды» [Кузнецов, 1998, с.

107]; «Общий уклад жизни; совокупность обычаев и нравов, присущих какому-либо народу, определенной социальной группе» [Евгеньева, 1999, т.1, с. 130].

Наиболее полно определение быта сформулировано Ю.М. Лотманом: «Быт – это обычное протекание жизни в её реально-практических формах; быт – это вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение» [Лотман, 1994, с. 10].

Таким образом, есть широкое понимание быта, в которое входят формы поведения, нравы, образ жизни, особенности материального мира, окружающие человека в повседневной жизни, и узкое понимание, трактующее быт как формальную, наиболее устойчивую часть обыденной жизни человека и общества. Повседневность, которая является основополагающим компонентом при определении быта, является обобщающим понятием, включающим в себя «не только объективные условия ежедневного существования и устойчивые стереотипные образцы поведения и решения проблем, но и субъективные переживания, мнения, оценки и способы мировосприятия, характерные для обыденной жизни» [Капкан, 2016, с. 13–14].

Опираясь на данные определения, можно сказать, что быт – это уклад повседневной жизни определенной социальной группы людей, объединенной общей территорией, обычаями, нравами.

Понятие «бытовая сфера» в нашем исследовании определяется как существующая в действительности повседневная жизнь с установившимися правилами, обычаями, привычками.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что исследуемая нами бытовая сфера в чирских говорах связана с жизненным укладом населения, устройством жилища человека, домашними предметами, одеждой, обувью, пищей, трудовой деятельностью людей.

Описывая лексические единицы, отражающие повседневный уклад жизни диалектоносителей обследуемой территории, важно определить понятие «бытовая лексика», так как повседневная жизнь является областью ее распространения.

В «Словаре лингвистических терминов» бытовая лексика – «это лексика, включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие явления и предметы быта, то есть общего уклада жизни, обычаев, нравов, окружающей нас обстановки и т.д.» [Ахманова, 1969, с. 43].

По мнению Г.Н. Лукиной, бытовая лексика – это тот лексический пласт, который отражает материальную культуру. В составе такой лексики можно выделить несколько групп: названия обуви, одежды, головных уборов, драгоценных камней, украшений, пищи, сосудов и тканей. Также к этой лексике могут примыкать и некоторые другие группы со смежными значениями [Лукина, 1965, 246]. Похожей точки зрения придерживается Н.В. Ерленбаева, включая в понятие «бытовая лексика» лексемы языка, служащие обозначением предметов, связанных с бытом, домашней жизнью и домашним хозяйством. «Поскольку быт человека весьма разносторонен, то, естественно, и бытовая лексика в разных языках многообразна и многочисленна» [Ерленбаева, 2005, с. 6].

В современных исследованиях под термином «бытовая лексика» понимается совокупность слов и словосочетаний, служащих названиями предметов и явлений, относящихся к быту, к домашнему обиходу, к хозяйственной деятельности (в работах К.А. Молодых, В.А. Моисеевой, Л.И. Максимовой, О.В. Борхвальд, Л.Г.Самотик, Г.В.Судакова и др.).

Изучением лексических единиц, номинирующих реалии бытовой сферы, и их классификацией занимались такие исследователи, как Н.В. Судаков («Лексикология старорусского языка. Предметно-бытовая лексика», «Русская бытовая лексика XVI–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах»), Г.Н. Лукина («Предметно-бытовая лексика древнерусского языка XI–XIV вв. (состав, организация, проблемы семантических отношений)»), К.П. Смолина («Лексика имущественной сферы в русском языке XI–XVII вв.»). В современной лингвистике появляется много диссертационных исследований, в которых рассматриваются различные стороны бытовой лексики: О.Н. Гауч «Особенности организации лексических групп предметно-бытовой лексики», Н.В. Ерленбаева

«Бытовая лексика алтайского языка», Л.А. Власова «Лексика кухонной утвари и посуды в орловских говорах».

Аспекты изучения бытовой сферы в казачьих говорах затрагивались в исследованиях М.С. Крапивиной «Лексико-семантическое поле “рыболовство” в донских казачьих говорах», В.М. Грязновой «Лексико-тематическая группа “наименование одежды, головных уборов и обуви в говорах казаков-некрасовцев Ставропольского края”», М.В. Калининой «Лексико-семантическое поле “одежда” в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты», Е.С. Рудыкиной «Способы номинации элементов мужского костюма в донских говорах», М.А. Карпун «Донские диалектные устойчивые единицы с фитонимическим компонентом, характеризующие бытовые ситуации».

Ориентируясь на представленные выше понятия, классификации и исследования, в лексико-тематической макрогруппе «Бытовая сфера» мы выделяем следующие лексико-тематические группы и входящие в них микрогруппы, отражающие разные стороны повседневной жизни диалектоносителей.

1. Лексико-тематическая группа «Устройство усадьбы»

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Общее название усадьбы и названия ее частей». Усадьба у казаков – это земельные угодья и хозяйственные постройки, которые окружают дом. В чирских говорах для общего названия усадьбы широкое распространение получило слово *помѣстье*, которое уже не воспринимается местными жителями как диалектное и употребляется не только в устной речи, но и в письменной, например в объявлениях (*Продается поместья с домом, летней кухней, баней, цараем и сеником*).

С точки зрения наличия или отсутствия хозяйственных построек и помещений для скота усадьба делится на две части. Первая часть усадьбы располагается перед домом и имеет синонимичные наименования: *перѣдний двор* ‘часть двора перед домом’ (*Как вайдѣшь ф калитку, то сразу на перѣдним дваре ляжить лесница*), *чѣстый двор* ‘двор перед домом, часть усадьбы без скотного

двора' (*На щистый двор никада скатину ни выпускали*). На этой части усадьбы в основном располагаются палисадник, цветочные клумбы, декоративные растения, фруктовые деревья.

Вторая часть усадьбы располагается за домом и может называться *задний двор* 'часть казачьей усадьбы, на которой располагаются хозяйственные постройки, огороженные места для скота' (*На задним дваре давай мишки с крупной сложым*) или *чёрный двор* 'часть казачьей усадьбы, огороженные места для скота' (*Загани курицу на щёрный двор*). Эта часть усадьбы обязательно должна быть отгорожена от передней части двора, так как в основном это место предназначено для содержания домашних животных.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия построек для человека». У донских казаков отмечается многообразие жилых помещений и их наименований, что объясняется особенностями освоения Дона и формирования казачества как сословно-этнической группы с участием разных этносов и выходцев из различных регионов России. В данной тематической микрогруппе можно выделить общее название жилища и название частей жилого помещения.

В группе чирских говоров для общего названия жилища используется лексема *курень* 'дом' (*У внука курень вон в той улачки. В этом курине жила бабка, ее Верблюжьихай звали*). Имеются также названия, которые обозначают частные виды жилых помещений в зависимости от их формы: *кру́глый дом* 'дом квадратной формы с четырёхскатной крышей', *фигель* 'дом прямоугольной формы с квадратной крышей' (*Раньшы все пацци дама были круглыи, а посля переселки фигели стали делать*); размера: отмечены варианты *хатёнка*, *хátка* 'небольшой прямоугольный дом с двускатной крышей, с одной комнатой' (*Я не забулдыга, дом большой у миня, ни хатёнка какая. Дом пака строили вон в той хатешки жили*); планировки: *пятистёнок* 'дом, разделённый капитальной стеной на две части' (*Када мы на хутари жили, у нас дом пятистенок был*), *дом с низáми* 'полутораэтажный дом с низами' (*Пастороили дом хароший с низами*); внешней отделки: *шалёванный дом* 'дом, обитый доской' (*Шалёванный –*

значить *абитай* досками, *щас* таких уже и нет), *саманный дом* ‘дом из самана’ (Дом *саманный*, а обложен *кирпицом*).

Были зафиксированы названия *плетнёвая хата* ‘дом из обмазанного глиной плетня’ и *землянка* ‘небольшой дом из самана и глины’. Эти лексические единицы использовались диалектоносителями в рассказах о том, в каких домах жили раньше, на сегодняшний день эти слова в тех значениях, в которых они использовались ранее, являются историзмами. Приведем примеры из речи респондентов: «*Бабушка мне рассказывала, када ее замуш атдали, то ани сделали со стариком* (так она называла мужа, когда они уже были в пожилом возрасте) *зимлянку и жыли. Кто ложку даст, кто чашку. Сцитались крайни бедными, кто в зимлянках жыл. Плитнёвыи хаты пляли из плятня, патом их абмазывали и жыли в них. В наша время плятнёвых хат пацци не была, а куханки летнии плятневыйи были*».

В чирских говорах для наименования летнего жилого помещения используется слово *летнушка* ‘летняя кухня’. У местного населения есть даже особый обычай – *переход из хаты в летнюю кухню* с приходом теплой погоды и *переход из летней кухни в хату* с наступлением холодов. *Летнушка* обычно располагается за домом и представляет небольшое строение, состоящее из одной просторной комнаты.

При номинации летней кухни также отмечаются экспрессивно-оценочные лексемы. *Кухонка* ‘небольшая летняя кухня’ (*Спляла я бригадиру кухонку, а он прописал мне на даске пачета*). В данном иллюстративном примере говорится о строении из плетней. По свидетельству местных жителей, плетневые дома на обследуемой территории приблизительно с середины XX в. уже не строились, однако летние строения из плетня еще сохраняются. *Кухнёнка* ‘небольшая летняя кухня в плохом содержании’ (*Кухненка фся пакасилась*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Хозяйственные постройки».

В представленной микрогруппе можно выделить постройки для животных и для хозяйственных нужд человека.

Животные могут находиться как в открытых сооружениях, так и в закрытых строениях. Открытое сооружение для содержания скота называется *баз* ‘открытое огороженное место для скота’ (*Бас – это места бис крыши, где находяцца животныи*). Общее понятие *баз* разделяется на более частные – видовые: *выгульный баз* ‘место, где находится молодняк крупнорогатого скота’ (*Маладняк на выган ни ганяли, все лета были на выгульнам базу*), *бычий баз* ‘огороженное место для быков’ (*Пабяги, на бычим базу сабяри навозу*), *козий баз* ‘огороженное место для коз’ (*Када у миня спина забалела, мне пасаветавали хадить летам на козий бас и ляжать там, я месяц хадила, и все прашло*), *ко́нский баз* ‘огороженное место для лошадей’ (*Конский бас мы разгарадили, раньшы у нас там конь стаял*), *коровий баз* ‘огороженное место для коров’ (*Мать на каровым базу управляцца*), *овечий баз* ‘огороженное место для овец’ (*Авечий баз пачаму-та ретка был бис крыши*), *птичий баз* ‘огороженное место для птицы’ (*Ана пашла на птичий бас яйца снимать*), *скотиний баз* ‘огороженное место для скота’ (*На скатиным базу слажы абъедья*).

Приведенные выше примеры с конкретными видовыми значениями иллюстрируют сложное диалектное различие в членении именуемого объекта.

К крытым постройкам относятся: *заку́т*, ‘сарай для овец и коз’ (*Казла в закут загани*), *коту́х* ‘сарай для животных’ (*Все катухи, какие есть, бабка сама в молодости строила*), *ку́рник* ‘сарай для кур’ (*Раньшы курники на палавину в зимле были вырыты, чтобы курам была тьяло*), *свину́х* ‘хлев для свиней’ (*В свинухе атгарадила места для малиньких парсяят*).

Слова *коту́х*, *ку́рник*, *свину́х* часто используются с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *катушо́к* (*Катушки у нас за дваром стаяли, у балачки*), *свинушо́к* (*У саседий на маей усадьби стаяли свинушки, ани патом их сламали и маю землю себе пригарадили, а сільсавет встал на их сторану*), *курничик* (*Сасет склал курничик ис киртича*).

К хозяйственным постройкам, не предназначенным для животных, относятся следующие: *анба́р* ‘строение для зерна, амбар’ (*Када раскулачивали, нас дюжа ни тронули, забрали касилку, две пары быков и анбар, а большы и*

братъ была нечева. А саседи бедна жыли, а их саслали на Крячкин). В настоящее время такие строения имеются только в фермерских хозяйствах, в частных владениях уже не встречаются. *Сеннік* ‘постройка для хранения сена и соломы; сеновал’ (*Дош находить, нада скарея сену в синик перетаскать*), *дровнік* ‘сарай для хранения дров’ (*Па аднаму видру будишь таскать дрова в дровник, за месяц все притаскаишь*), *угольник* ‘сарай для хранения угля’ (*Из машыны ставяць жылубок и сразу в угальник ссыпають угаль*).

В ходе сбора материала было замечено, что все хозяйственные строения, за исключением *угольника*, располагаются в задней части двора. *Угольник* строится в передней части двора близко к ограде и представляет собой небольшое строение с квадратным выходящим в сторону улицы отверстием, в которое сыпается уголь по специальному желобу.

На территории двора особое место занимает *горн* ‘небольшая печь во дворе для приготовления пищи животным’ (*Я и сейчас летам на гарну гатовлю*).

Горном называют маленькую глиняную печь, которую возводят в летнее время года во дворе для приготовления пищи. Встречаются горны на открытом пространстве, а есть – под навесом. В прошлом на горну хозяйки готовили еду для всей семьи, иногда рядом располагались столы и лавки, где семья могла принимать еду. В современных условиях уже нет необходимости готовить на улице, однако местные жители считают целесообразным для животных готовить еду на открытом воздухе, так как, во-первых, это экономит ресурсы (электричество, газ), во-вторых, это избавляет от лишних запахов в жилом помещении.

Одним из важных строений на усадьбе казаков являлся *ледник*. Сейчас такая постройка уже не встречается, но многие местные жители упоминают о ней. При строительстве *ледника* вырывался котлован глубиной около 3–4 метров, стены обкладывали камнями, которые добывали на берегу Дона. Зимой ледник засыпали колотым льдом и снегом, сверху укрывали соломой. В леднике хранили молочные, мясные, рыбные продукты.

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия оград и засовов». Исторические предпосылки указывали на то, что дом казака должен быть всегда защищенным от внешних вторжений оградой, забором, которые препятствовали свободному входу и выходу.

В настоящее время на обследуемых территориях ограда считается значимой частью усадьбы. Дом и все остальные постройки находятся внутри ограды; дом никогда не располагается на границы участка.

Для общей номинации ограды выделяются лексемы: *горóжа* (*Частакол бы на гарожу новый купить*), *огорóжа* (*Перекинь палку за агарожу*), *городьба* (*Гаратьба уже фся пакасилась*). Для названия плетёной изгороди существует отдельная лексема *плетёнь* (*Я эти плятни пляла сама*). В ходе экспедиций *плетни* в качестве изгороди встречались крайне редко, однако во дворах часто отмечались небольшие плетневые изгороди или в качестве декоративного элемента, или в качестве заборчиков для клумб и цветников.

Для названия засовов используются слова: *залóжка* ‘задвижка, засов, чаще в виде большой деревянной палки’ (*Закройся на залошку*), *шпунтик* ‘маленькая задвижка, засов для запираения помещения в дневное время’ (*Приделай мне шпунтик, чтобы я днем на ниво закрывалась. Я скоро приду, сильна ни закрывайся, на шпунтик тока*). Данные лексические единицы используются только при назывании засовов, расположенных внутри дома.

Для запираения ворот или калиток используется *колéчко* ‘обруч из проволоки, который соединяет ворота с рядом стоящим столбом’ (*Будишь ухадить – накинь калечку*).

Итак, в исследуемых говорах разнообразны по своей структуре и содержанию тематические микрогруппы, отражающие наименования построек и их частей. Анализируемые нами лексемы, относящиеся к названиям жилых и хозяйственных построек, разделяются, в первую очередь, по функциональному признаку – «жилое» – «нежилое». Одновременно названия помещений и их составляющих дифференцируются по месту расположения и назначению

помещения. Таким образом, семантический признак «жилое» – «хозяйственное» является основным фактором для выделения данной тематической группы.

2. Лексико-тематическая группа «Устройство жилища»

В эту группу включены лексические единицы, называющие части жилых построек, способы устройства жилища, домашний интерьер, мебель.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия частей жилого помещения». Здесь можно выделить лексемы, называющие внешние части жилища и части, расположенные внутри дома. С понятием «дом» у донских казаков связано семейное благополучие и богатство. Внешние части жилого помещения могли свидетельствовать о благосостоянии хозяев. Одним из показателей зажиточности у казаков считалось наличие арки. *Арка* ‘крытое крыльцо, расположенное над выходом на улицу’ (*Кады новый курень поставили, приделали арку, вот за эту арку нас и раскулачили, жили мы очень бедна*). «Многие дома имели два выхода: на улицу – с украшенным по мере возможности крыльцом (*аркой*), и в хозяйственный двор» [Коломейцева, 2015, с. 74]. В современных чирских говорах лексема *арка* является историзмом, так как данный строительный объект как украшение выхода на улицу уже не используется.

Для наименования крытой пристройки к дому небольшого размера используется слово *жулюнчик* (*Жулюнчик – эта каридорицик небольшой или парошки, которые пат крышей*). Иногда *жулюнчиком* местные жители называют выход из дома в хозяйственный двор (*У них с той стараны кухня летняя, ани жулюнчик приделали и из хаты сразу в кухню ходють, а на парошкам люди, када придуть, заходять*). В приведенном иллюстративном примере слово *люди* означает посторонних людей, гостей.

В конце XX в. на исследуемых территориях многие жилые помещения были увеличены путем утепленной пристройки, которая называется *придел* (*Эти комнаты – старый дом, а иде кухня щас – эта придел, мы патом яво пристраивали*) или *боковушка* ‘боковая пристроенная комната’ (*Бакавушку пристроили, и бабка там у нас жыла*).

Диалектные наименования внутренних частей дома в современных чирских говорах используются только для тех домов, которые имеют старое строение и печное отопление. Центральное место в таком доме занимает печь, комната, в которой стоит печь, называется *теплушкой* (*В тяплушки давай фторой стол наставим*). В ходе диалектологических экспедиций было сделано такое наблюдение: в *теплушке* напротив печи, в верхнем левом или правом углу (в зависимости от расположения печи) находится встроенная полка для икон – *божничка*. Что примечательно, место для икон в домах старой постройки находится только в комнате-кухне – *теплушке*. Приведем примеры объяснений данного факта диалектоносителями: «*В тяплушки иконы, чтобы памалиться перед тем как исть. Бажничка обязательна далжна быть в тяплушки, в горницы жа спали, паэтому защем там иконы*».

Соседняя с кухней комната, куда выходит задняя стена печи, называется *гóрницей*. Это самая большая по размерам комната; зал. Небольшая комната, отгороженная перегородкой от зала, которая служит спальней, называется *комнаткой*. Также зафиксировано, что *комнаткой* называется дальнейшее холодное помещение, кладовая (*Вот у сына ф хати халоднай калидор, а в нем отгарожана комнатка*).

Для подвального помещения дома в говорах функционирует лексема *низы*. (*В низах у нас была пещка, там атец валинки валял*). Для наименования чердачного помещения используется лексема *пóдловка* (*На подлавки раньшы сушыли рыбу*).

Отмечаются также лексические единицы, называющие отдельные составляющие жилого помещения: *балóнка* ‘подоконник’ (*Паставь бакалик на балонку*), *кружóк* ‘стекло в каждой части оконной рамы’ (*Ребятишки стрельнули из пряци и кружок выбили*), *боровóк* ‘горизонтальная часть дымохода, расположенная на чердаке’ (*Буравок в следующий раз пачишишу*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Мебель». Мебель у казаков была простой и ограничивалась небольшим числом предметов. Пожилые местные жители рассказывают: *Стол, лафки, пастаф и кровать, вот фся и мебель. Нас*

*дтей была 8 чилавек, спали фсе павалкай. В чирских говорах зафиксировано три слова, называющие предметы мебели: *постáв* ‘шкаф для посуды’ (В *пастави* *вазьми сахарницу*), *полíчка* ‘полка для кухонной утвари, прикрепленная к стене жилого помещения’ (Это *раньшы паличка* была у бабусинки), *зы́бка* ‘детская колыбель подвешенная к потолку’ (Давай *зыбку* сделаем, в ней жса удобней табе будить дитя качать).*

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Текстильные предметы домашнего быта». В эту микрогруппу включены слова, называющие различные текстильные элементы:

– предметы предназначенные для убранства постели: *подзóрник* ‘отделанная кружевами занавеска, идущая от кровати до пола’ (*Падзорник* *пришивалси к простыни*), *ка́ньё* ‘тканевое покрывало’ (*Накинь ка́ньём* *кровать*), *пóлсть* ‘плотный материал из шерсти, покрывало’ (*Щас на прастынях* *спяць, а раньшы мы на палстях* *спали*), *полстéнка* ‘небольшой кусок ткани, изготовленной из шерсти’ (*Полстéнка* – *эта малинькая, иё магли падстилать на лафку или на пал, када спали*);

– предмет для завешивания окон: *завéска* ‘штора, занавеска’ (*Завески* *раньшы из марли* *шыли*);

– текстильные украшения: *ханбóрочка* ‘небольшая завеса над иконами, служащая украшением’ (*Из тюли* *шыли ханборачки на бажничку*).

Особое отношение местных жителей проявляется к убранству постели. Приведем рассказ информанта (92 года): «*Кровать* *утрам абязательна* *заправляли* *и ни падхадил* *к ней да вечера. Кровать* *как нивесту* *убирали,* *абязательна* *были белыи* *пастели. Сначала* *клали* *матрасы,* *патом* *взбивали* *пирину,* *сверху* *простыни,* *падзорник,* *ка́ньё,* *на кровать* *настанавливали* *падушки. Кто* *пабагачи* *был,* *у таво* *были* *накитки* *кружавчатый* *на кровать* *и падушки. Я* *сваих* *рибятшык* *фсяда* *ругала,* *если* *ани* *руками* *иё* *трогали*».

Необходимо отметить, что раньше *падзорник* как элемент убранства постели выполнял сразу две функции: украшал постель и прикрывал пространство между кроватью и полом, так как кровати были высокими, а

пространство под кроватью использовали для хранения коробов с шерстью, пухом, в зимнее время под кроватью хранили *кабаки* ‘тыквы’.

3. Лексико-тематическая группа «Предметы домашнего обихода»

В состав данной группы входят наименования посуды, рабочих инструментов и приспособлений для выполнения работ в домашнем хозяйстве.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Посуда» включает в свой состав номинации кухонных и столовых приборов, приспособлений для хранения и переноски вещей и продуктов питания.

В основу наименований ёмкостей для хранения, переноски и приготовления чего-либо легли такие признаки, как: размер, форма, материал изготовления и функционально-бытовое назначение. Ср.: *бадья* ‘большое ведро цилиндрической формы’ (*В бадью давай помои сливать*), *выварка* ‘большой бак для кипячения белья’ (*Налей в выварку вады*), *ведрушка* ‘ведро’, *ведрушонка* ‘ведерко, небольшое ведро’ (*Ведрушка – эта бальшая, а видрушонка – малинькаи*), *махотка* ‘небольшой глиняный горшок для молочных продуктов’ (*Сасетка мне махотку атдала*), *кадушка* ‘деревянная бочка’ (*Кадушку давай в низы спустим*), *доёнка* ‘специальное ведро для дойки коров’ (*Вымыла даёнку, няхай сохнить, а то скоро каровы придуть*), *цебарка* ‘большое металлическое ведро, расширяющееся кверху, чаще используется для поения коров’ (*Две цыбарки набяри каровам вады и хватить*), *казан* ‘большой котел для приготовления пищи’ (*Уху раньшы ф казанах варили*), *кафеник* ‘небольшой бидон для переноски и хранения жидкости в объёме 2 – 5 литров’ (*Дет Петя фсяда за малаком с кафеникам хадил*).

Для номинации столовых посуды и приборов зафиксированы лексемы: *блюдечко* ‘блюдце’ (*Эти блюдички надали на день раждение*), *бокалик* ‘стакан с ручкой’ (*Налей мне вады в бакалик*), *корёц* ‘ковш для воды или половник’ (*Ни клади грязный карец на стол*), если речь идет о небольших ковше или половнике, то используется слово *корчик* (*Вазьми малинький корчик*), *толкушка* ‘деревянный пест для измельчения варёного картофеля’ (*Ни знаишь, иде талкушка, буду картошку мять*).

Отдельно выделяется лексическая единица, называющая часть кухонной утвари – *обечайка* ‘обод решета, бочки’ (*Вон там на забори висять абичайки, их на кадушку надивають, чтоп ана ни разъяжжасась*).

В данной микрогруппе преобладают наименования посуды для переноски и хранения продуктов и являются незначительными по количеству лексических единиц названия посуды для принятия пищи. Такое количественное соотношение, на наш взгляд, свидетельствует об экстралингвистических факторах – выявлении наиболее часто используемых предметов кухонной утвари; важности заготовки и хранения продуктов питания; приготовлении наиболее простых блюд, не требующих сложной сервировки.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Приспособления для выполнения работ в домашнем хозяйстве». Она включает названия инструментов: *бобка* ‘разводной ключ’ (*Падай бобку*), *лопаточка* ‘педаль, приводящая в движение ручную прялку’ (*На лапатачку наступашшь и калисо у самапряхи крутица*), *хомутовка* ‘игла хомутная’ (*Малинькай иголкай ни зашьёшь, вазьми хамутовку*); предметов, предназначенных для деятельности человека: *бадик* ‘палка, старческий или пастуший посох’ (*Ни знишь, куда я бадик свой паставила*), *крамьсли* ‘коромысло’ (*Нашла бабушкины крамысли в сараи*), *самопряха* ‘приспособление для ручного прядения шерсти, приводимое в движение педалью; прялка’ (*У сястры взяла самапряху прясть пух*); предметов, для использования в животноводческой деятельности: *балабон* ‘колокольчик на шее пасущихся лошадей, коров’ (*Эта балабон, иво карови вешали*), *налыгач* ‘веревка, надеваемая на рога коровы или быка и являющаяся поводом’ (*Налыгач висит на забори*), *чёски* ‘приспособление, предназначенное для счесывания, вычесывания, расчесывания пуха, шерсти у коз и овец’ (*Нада найти чёски и наказать внукам, как ими часать пух*); предметов для использования в земледелии: *моты́ка* ‘мотыга’ (*Матыкай надо побуровить посля дажа*), *грабáлка* ‘совковая лопата’ (*Грабалка чижолая, ни магу ей снех чистить*).

Представленная тематическая группа малокомпонентная, включает две микрогруппы. Многие предметы домашнего обихода вышли из употребления, а вместе с ними исчезают и диалектные лексические единицы, называющие их.

4. Лексико-тематическая группа «Питание»

Одним из самых важных компонентов материальной культуры донского казачества, как и любого этноса, является пища.

Представленная группа в чирских говорах является довольно многокомпонентной, включающей в себя 5 микрогрупп.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименование растительных продуктов питания». Здесь отражены названия корнеплодов, круп, бобовых, овощей. Например: *карто́вочка* ‘картошечка’ (*Картовачка када есть, с голаду ни намрешь*), *пышанó* ‘пшено’ (*Пышано всяда пирибирали, на тарелачку сыпали на чуть и пальчиком атбирали чернинькии зернышки*), *крупичка* ‘о любой крупе для приготовления супа’ (*Крупички трошки сыпани в борш*), *квасóль* ‘фасоль’ (*Квасоль нада вышулкнуть*), *горчи́ца* ‘перец горький’ (*Стрючки гарчицы нада сушить, зимой дабавляють на кусочку в ити*), *болга́рка* ‘перец сладкий’ (*Три видра балгарки нарвала*), *огуря́та* ‘огурцы, (чаще мелкого сорта)’ (*Агурят пабяги нарви*), *си́ненькие* ‘баклажаны’ (*Каралацкии жуки с картошки на сининькии пиришли*).

По воспоминаниям местных жителей, блюда из картофеля и фасоли готовились редко, популярными они становятся с середины XX века (*Раньша-та и картошку ни знали, ретка у каво была*).

Также сюда входят названия фруктов, ягод и бахчевых культур, которые представлены достаточно большим количеством лексических единиц: *груши́на* ‘одно грушевое дерево или плод этого дерева’ (*Давай стол над грушыну паставим, там тинек. Приняси мне грушыну закусить*), *баргамóт* ‘сорт груши бергамот’ (*В том дваре столькя груш: и баргамот, и мидовая, и лисная красавица*), *вьи́шня* ‘вишня’ (*Кампот из вышни*), *ди́чка* ‘дикая яблоня или груша’ (*Спилить нада, эта дичка*), *ду́ля* ‘сорт груши, дерево этого сорта’ (*Щас каких толькя нету деревьев, а раньшы одна дуля*), *жерде́ла* ‘абрикос’ (*Щас ретка када*

абрикосы жарделыми называют), тјотина ‘плоды тутового дерева’ (Тјотина растет и белая, и черная), дьнка ‘дыня’ (Щас таких слатких дынак нет, как раньшы), дынчонка, дынёнка ‘дыня небольшого размера’ (Дыненку давя сарвала, а ана зилена), кабак ‘тыква’ (Приехали бы ка мне, и свяклы бы взяли, и кабак, и капустину срезали), арбузёнок ‘маленький арбуз’ (Арбузёнки казам забири), бзніка ‘растение паслен черный и его ягода’ (Бзники сарви на пирашки), жавіка ‘ежевика’ (Жавики давай табе отсыплю трошки), мясо ‘мякоть фруктов, овощей’ (У этих памидор мяса розавая).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Хлебобулочные изделия и другие изделия из муки». Хлеб для казаков, как и для всего русского населения, продолжает оставаться одним из главных продуктов питания. Это подтверждается количественным содержанием лексических единиц в этой микрогруппе. Для номинации хлеба используются такие слова: *пирог* ‘белый хлеб’ (*Пирок – эта белый хлел*), *круглик* ‘круглый хлеб’ (*В магазин хлел привязли: и нареску, и круглики*), *калба́шка* ‘небольшой круглый хлеб’ (*Хлел раньшы круглый пякли, калбашкой называлси*), *бурсак* ‘маленькая булочка из хлебного теста’ (*Бурсаков напикла и фсех пачти паела*), *закуска* ‘тонкие полоски теста, жаренные в растительном масле, хворост’ (*Тетка каждый день пачти закуски жарила*), *пампу́шка* ‘маленькая сдобная булочка’, *пышата* ‘маленькие пышки на кислом молоке’ (*Пышки ни удобна жарить, а я пышата фсяда делаю*), *каныш* ‘пирог с начинкой из взбитых яиц и каймака’ (*Иди исть, тетка каныш принисла*). *Пышкой* в чирских говорах называется изделие из теста на кислом молоке, жаренное на слегка смазанной маслом или жиром сковороде (*Пышки бывало делали на хмялини, а бывало и биз няё, но обязательно на кислам малаке или прастаквашы*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия молочных продуктов». При номинации молока используются составные лексические единицы. Важным признаком выступает время удоя: *утреинее молоко* ‘молоко утреннего удоя’ (*Утриинюю малако фсю прадала*), *обёдеинее молоко* ‘молоко, надоенное в обед’ (*Раньшы, када калхозы были, в абет бегали даить кароф, называли абедиинная малако*), *вечёреинее молоко* ‘молоко вечернего удоя’ (*Вечерешняя малако уже*

сселась), нóнешнее молоко ‘молоко сегодняшнего удоя’ (Ты, наверна, набряхала, што малоко нонишние), вчерáшнее молоко ‘молоко вчерашнего удоя’ (Вчерашнива малака ни асталась).

Отмечаются лексемы, называющие молоко по способу приготовления: кíслое молоко ‘заквашенное, квашеное молоко’ (Тетка делает очень вкусную кислую малако, ана иё долга топить), откиднóе молоко ‘отжатое, отделённое от сыворотки кислое молоко’ (Аткидная малако можна развадить с вадой, палуцица ирян), несня́тое молоко ‘молоко со сливками’ (Ниснятая малако вкусная), зажа́ренное молоко ‘топлёное молоко с толстой зарумяненной пенкой, каймаком’ (Зажариная малако получилась), прéсное молоко ‘свежее, незаквашенное, некислое молоко’ (Как падаю, так фсю пресную малако и прадаю, ни остаёца, чтоб тапить).

Лексема *портóшное молоко* в современных чирских говорах является синонимом *откидного молока*, и информантами употребляется очень редко. Во многих источниках, в которых описан быт донских казаков, отмечается, что название *портошное молоко* мотивировано способом его приготовления – кислое молоко помещали в полотняный мешок, сделанный из старых шаровар (портков), однако такой способ местным жителям не известен. В исследуемой местности молоко помещают в мешок, сшитый из марли, свернутой в несколько слоёв.

Самыми популярными молочными продуктами на обследуемой территории являются *иря́н* ‘напиток из разведенного водой кислого молока’ (Малако сильна кислая, няхай на ирян астаница) и *кайма́к* ‘густые подрумяненные пенки, снятые с топленого молока’ (Каймацком трошки мама пышки мазала, вволю яво ни ели, сямья большая была).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Блюда и напитки». При номинации первых блюд используются лексические единицы: *за́тирки* ‘жидкое кушанье из комочков затертой муки с луком, сваренных в воде или молоке’ (Варить некада была, а затирки варить быстра), *шти* ‘жидкое блюдо с картофелем, капустой, томатом и пережаренными овощами’ (Шти свякрофь варила фсяда посныи), *щерба* ‘уха’ (Мы на рыби вырасли, варить некада была). Любое жидкое блюдо

без навару называют *будан* ‘жидкое блюдо’ (*Будан варили так: вада закипити, крупички трошки сыпануть, каймачком или чем там подбелять и хлябаим, вот фся и ида*). В некоторых контекстах синонимом лексемы *будан* является слово *баландá* ‘плохая жидкая еда’ (*Ни суп, а баланда*).

Среди номинаций вторых блюд используется одно диалектное слово *мятка* ‘картофельное пюре’ (*Мятку абязатильна и на фсе праздники и паминки делаим*).

На третье обычно подают: *звар* ‘компот из сушеных фруктов’ (*Звар варили ис сушоных фруктоф, а кампот ис свежих*), *ирян* ‘разведенное водой кислое молоко’ (*Ирян в жару милая дела пить*), *кислую лапу* ‘лапша, сваренная с сухофруктами’ и *кисель*. Словом *кисель* называется сладкое блюдо, приготовленное из сухофруктов и муки: сначала отваривают сухофрукты, потом добавляют муку, размешивают до однородной консистенции и доводят до кипения (*Ни люблю, када ф кисиле камушки ат абрикос или вышни пападаюца*).

Зафиксированы единичные наименования приправы и воды: *гардал* ‘острая приправа из горчичного порошка’ (*Гардал дядя фсяда сам делала, никаму ни давирял*), *истóчная вода* ‘родниковая, ключевая вода’ (*У них источная вада, прям ва дваре радник*).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Способ приготовления пищи и ее употребление»: *варíть* ‘готовить первые и вторые блюда’ (*Я нака варила, нака стирала, поэтому ни успела*), *побелíть* ‘приправить кушанье чем-либо для улучшения вкуса’ (*Нада трошки сахарком побелить*), *запáривать* ‘запекать в печи, духовке’ (*Запарь мелкаю рыбеику*), *истопíть молоко* ‘выдержать молоко в печи до образования румяной пенки’ (*Истоплю малако, тада уже ляжу спать*), *засипéть* ‘начать шуметь (о шуме воды в чайнике перед закипанием)’ (*Чайник засипел, выключи*), *исть* ‘есть’, *подъёдывать* ‘есть после основного приема пищи’ (*Ты ни будишь большы падъёдывать?*).

Отдельно отмечают единичные лексемы, не вошедшие в представленные тематические микрогруппы, однако характеризующие разные стороны питания:

– остатки еды: *выжарки* ‘остатки от вытопленного свиного сала’ (*Выжырки бис шкуры очинь фкусны*), *маку́ха* ‘выжимки из семян подсолнечника, жмых’

(Раньше все дети любили макуху есть, у нас была мельница, там маслу били и семечек, а потом макуха аставалась), шмутки 'остатки фруктов от компота или ненужные обрезки мяса' (Шмутки астались послы кампота);

– качество еды: *едовый 'годный в пищу' (Эта картошка ядавая), бурелый 'недозревший' (Памидоры бурелыи папарви, ани потом даспеють), махан 'несвежее мясо' (Выкинь махан кабилям).*

Лексика питания занимает значительное место в чирских говорах, характеризуясь при этом не только многочисленностью, но и большим формально-содержательным разнообразием, развитой дифференциацией наименований. При рассмотрении тематической группы «Питание» особый интерес представляет иллюстративный материал. Комментарии местных жителей свидетельствуют об отмеченных ранее особенностях пищевой культуры донских казаков. В старину казачья кухня не была такой изысканной, как сейчас. Умение готовить считалось не главным для казачки, так как на ее плечах лежало все хозяйство *(Раньше так гаварили: была б карова да курачка, сделать и дурачка. Рецепт асоба никаких ни была. Мясу, рыбу варили, хляба, пышки пякли, салили в кадушках рыбу, каймак сабирали, падсаливали яво)*. Однако еда у казаков всегда была добротной. Особое место отводилось рыбным блюдам. На обследуемых территориях встречается большое количество рецептов приготовления рыбных блюд, однако в основном для их характеристики используется общерусская лексика.

5. Лексико-тематическая группа «Одежда»

Одежда является неотъемлемой частью материальной культуры народа, служит показателем социального статуса человека, его этнической и территориальной принадлежности. Своеобразный вид донской одежды складывался веками. Приходили беглые на Дон в своей русской одежде, а здесь носили то, что давало войско. Костюм низовых казаков представлял смесь русских, украинских, польских, татарских, калмыцких, черкесских элементов. Диалектная лексика, номинирующая и характеризующая одежду донских казаков, основательно исследована в диссертации М.В. Калининой «Лексико-

семантическое поле «одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты» [Калинина, 2008].

В рамках нашего исследования выделено 5 лексико-тематических микрогрупп, представляющих одежду как неотъемлемый фрагмент культуры народа.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования верхней мужской и женской одежды». В конце XVII – к началу XVIII в. сложился традиционный тип верхней мужской казачьей одежды, обязательным элементом которой был зипун из овечьей или верблюжьей шерсти или из грубого самодельного сукна, защищающий от дождя и непогоды, и кафтан, который могли надевать поверх зипуна. Он имел широкие рукава и спускался ниже колен. В современных чирских говорах лексические единицы *зипу́н*, *кафтáн* используются для обозначения любой верхней мужской одежды (куртка, пальто) (*Накинь зипун, а то там холодна. Кафтанишка на нем затерханный*).

Для обозначения женской верхней одежды из плюша отмечена лексема *плю́шка* ‘полупальто из плюша’ (*После свадьбы сшыла себе плюшку, ана да сих пор у мини висить*). Отмечена устаревшая лексическая единица *донская шуба* ‘длинная, свободного покроя, широкая женская казачья шуба, расклешенная книзу, без пуговиц, с большим запахом’ (*У мамушки была такая бальшая шуба, ие данской звали, мы, дети пад ней спали*). Такой вид одежды уже не встречается на обследуемой территории, однако хорошо известен пожилым жителям. В старину полами донской шубы в мороз укутывали детей.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Головные уборы» отражает наиболее яркие и выразительные детали, тесно связанные с традициями, укладом жизни донских казаков. Мужскими головными уборами служили фуражки и папахи, они символизировали принадлежность мужчины к казачеству. «У донцов словом папаха называлась высокая меховая (с косматым верхом) шапка, а фуражкой именовался мужской головной убор, обычно с твердым околышем и широким дном и обязательно с козырьком» [Морозова, с. 110]. В современных чирских говорах словом *хурáжка* могут называться такие летние головные уборы,

как кепи, бейсболки и картузы (*Сын у миня всяда летам хадил в хурашки*). Семантика слова *папах* сохранилась, и в настоящее время используется для характеристики традиционного казачьего костюма, а не для наименования повседневной одежды (*Щас та в папахх никто уже ни ходит, на тиливизару в них инагда пають казачьи песни*).

Среди номинации женских головных уборов зафиксированы лексические единицы, называющие разные виды платков: *шалёвый платок* ‘большой шерстяной платок с цветным ярким узором’ (*Была у миня два шалёвых платка, атдала внучки для танцыв*), *полушалька* ‘тонкий платок небольшого размера’ (*Зять мне тада привес две полушальки*), *косинка* ‘тонкий платок треугольной формы’ (*Платок парвалси, а я яво пирирезала и палучилась касинка*). Платок являлся обязательной частью женской одежды. О разнообразии видов платков и объясняющих это экстралингвистических причинах отражено в работе М.В. Калининой «Разнообразие видов платков на Дону можно объяснить экстралингвистическими причинами – подавляющее большинство казачек в станицах покрывали голову платками. Женщинам не положено ходить в храм с непокрытой головой (расповязанными). Показать распокрытой считалось знаком невежества, дикости. Носили платки, главным образом, в непогоду и сильные морозы, а также надевали во время сельскохозяйственных работ. В остальное время носили головные уборы в форме шапочек» [Калинина, 2008].

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Части одежды». В чирских говорах отмечены названия деталей одежды: *ошлаг* ‘нижняя часть рукава’ (*Ошлага намыль, ани самаи грязныи фсяда*), *пряжка* ‘ремень’ (*Штаны пряжкой падпаясь, ни упадут*), *выкат* ‘вырез в верхней части женского платья’ (*У этой плати бальной выкат*). Некоторые лексемы омонимичны соматизмам или же мотивированы ими: *горб* ‘часть одежды на спине’ (*Весь горб разарвалси у рубахи*), *грудина* ‘часть одежды на груди’ (*Вытачки на грудини у платьи*).

Отмечаются лексемы, ранее называющие элементы мужской одежды, сейчас используются как для номинации мужской, так и женской одежды: *портки* ‘любые штаны’ (*Щас фсе ф партках ходють, и быбы, и мужыки*), *тряух* ‘шапка’

(Ты ни вядала, иде мой тряух, ф катором я фсяда управляюсь?), башлык 'капюшон' (Зимнюю куртку нада с башлыком фсяда брать).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Одежда для рук» представлена только 3 диалектными лексемами: *варюжки* 'варежки' (В варюжках ни удобна работа), *варюжата* 'варежки небольшого размера' (Варюжата-та на дитя адень), *галички* 'рукавицы' (Галички рабочии патирыла).

5) лексико-тематическая микрогруппа «Одежда для ног» включает лексические единицы, называющие обувь, носки. Ср.: *камашики* 'валенки или войлочная обувь с короткими голенищами' (Па хати ф камашыках хажу, холодна), *валенёшки* 'обрезанные валенки' (Нада ис этих валинак валинёшки сделать, абрезать и фсё), *чирикí* 'летняя обувь' (Щирики – эта летняя абуфка на нашыму); носки: *карпятки* 'короткие носки, чулки' (Бабушка раньшы наски карпятками называла).

6) Лексико-тематическая микрогруппа «Ткань, фурнитура, украшения». В представленную микрогруппу входит общее наименование ткани: *матэря* 'ткань, материал, материя' (Крестовая мать надарила адиялу и матерю, я из ниё патом навлачки пашыла); фурнитуры: *мутузик* (мутузок) 'шнурок' (Иде маи мутузики, щулки падвязать?), *балабон* 'кисть на конце пояса или шнурка', *гайтан* 'шнурок для нательного креста' (Нада спилить эту ветку, а то я давя зацапились за гайтан, чуть крестик ни патирыла); украшений: *монисты* (Щас бусы называют, а раньше мы манистами называли).

Отличительной особенностью традиционного казачьего костюма, как мужского, так и женского, является его принадлежность к разным племенам и народам. Особенно это касалось одежды низовых казаков, которая «поражала своей необычностью не только европейских, но и русских путешественников, так как представляла собой причудливую смесь русских, малороссийских, польских, татарских, калмыцких, турецких, черкесских элементов» [Масалова, 2010, с. 199].

Однако в настоящее время элементы традиционной казачьей одежды в повседневном быте встречаются крайне редко, напротив, активно используются в качестве сценических и исторических костюмов.

6. Лексико-тематическая группа «Хозяйственная деятельность»

В данную группу мы включаем лексику, соотносимую с домашней и сельскохозяйственной деятельностью, промыслом и ремеслом. Также сюда вошла лексика, относящаяся к животноводческой и птицеводческой сферам, так как домашние животные и птицы являются неотъемлемой частью повседневной жизни человека.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Бытовая деятельность». Эта микрогруппа включает лексические единицы, называющие действия, совершаемые человеком в повседневной жизни: *ба́нить* ‘мыть что-либо, стирать’ (*Пабань рубаху*), *ба́ниться* ‘мыться’ (*Вечером пабанюсь и спать ляжу*), *ва́жить* ‘взвешивать’ (*Угаль ни важут, а видром насыпають*), *валáндать* ‘небрежно стирать’ (*Ты наски дюжа ни стирай, паваландай и кинь на плитень*), *заколба́ть* ‘зашить быстро, кое-как’ (*У пояса закалбай и ишо трошки в юпки праходишь*), *застеба́ть* ‘зашить нскоро’ (*Ни приглядайси дюжа, так застябни и фсе*), *застебну́ть* ‘застегнуть одежду с помощью пуговиц или крючков’ (*Застябни на фсе пугавачки*), *мази́кать* ‘заглаживать смесью глины и песка, делать более гладким поверхность после мазки’ (*Ездил к дочки дом мазикать*), *затапля́ть* ‘затапливать, разводить огонь в печи’ (*Пара уже и печку затаплять*), *зачаканивать* ‘заделывать щели чаканом’ (*Раньшы дирички фсе с улицы зачаканивали*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Животноводство и птицеводство». Здесь отмечается лексическое разграничение животных и птиц по различным признакам. По принадлежности к определённой породе: *донча́к* ‘конь донской породы’ (*У деда конь был данчак*), *утя́тник* ‘собака любой охотничьей породы’ (*Утятник – эта сабака с каторай на ахоту ходють*); по половому признаку: *крол* ‘кролик-самец’, *кроли́ха* ‘самка кролика’ (*Купил папа крола и двух кралих*); по возрастному признаку: *баи́ма́к* ‘теленка до года’, *двухле́ток* ‘конь или телок по третьему году’, *козёнок* ‘детеныш козы, козленок’ (*Зимой казенка мать фсяда ф хату занасила*), *кошо́нок* ‘котенок’ (*Кашонок прибудилси*), *курёнок* или его семантический вариант *курчонок* ‘подросший цыпленок’ (*Этот кот цыплят*

тягал и куренка унисеть), кролёнок ‘детеныш крольчихи’ (Пазави внучку, няхай кралёнка падержыць); по признаку возможности / невозможности давать потомство: крѣх ‘некастрированный самец свиньи’ (Крѣха будишь резать), валух ‘кастрированный самец’ (У мне две свиньи и валух).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Земледелие» включает лексические единицы, называющие места, отведенные для различного рода земледельческих работ: паханина ‘вспаханный участок земли, пашня’ (Ни талащи паханину), бакча ‘бахча’ (Сын на бакчу ездил за арбузами), замище ‘заливной луг’, аливада ‘место, занятое садом или огородом за усадьбой или у реки’ (Раньшы на аливадах такие кабаки росли, руками ни абхватишь), кулига ‘небольшой участок поля, луга, огорода’ (Мне зять трактаришкой вспал эту кулигу), кулижка ‘небольшой участок поля, луга, огорода’ (Эта раньшы на многу сажали, а щас кулишку пассажу картошки и хватить); способ обработки земли: волочить ‘разрыхлять, обрабатывать вспаханную землю’ (Завалачить нада сѣдня, штоб зимля сильна ни заветрила), буровить ‘переворачивать, ворошить’ (Побурофь трошки сену).

Отдельно стоит отметить, что в настоящее время в чирских говорах в речи пожилых жителей часто фиксируются лексемы *алева́да*, *за́мище*. Однако данные реалии уже утратили свое существование, в связи с изменением ландшафтных условий – строительство Цимлянского водохранилища.

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Злаковые культуры, корма». Среди диалектных слов, которые вошли в состав данной микрогруппы, выделяются названия злаков: *озі́мки* ‘озимые посевы, озимые хлеба’, *оза́дки* ‘отходы злаковых культур после молотьбы и веяния’; названия кормов: *перебѣ́вка* ‘смешанное с соломой сено’, *перетру́шка* ‘смесь сена и соломы, корм’, *мякі́на* ‘мелкая солома’ (Салому пиритаскали в синик, а мякину асталась, няха́й, патом сабирѣм на патстилку), *объѣ́дья* ‘остатки недоеденного сена, соломы’ (Абъѣдья пади выкинь из яслей).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Культурные растения». Здесь отмечены названия цветов и комнатных растений.

Дополнительный уют интерьеру казачьего жилища придавало большое количество комнатных растений: *липка* ‘герань’, *неумолкайка* ‘пеларгония’ *альяндра* ‘олеандры’, *доктор* ‘алоэ’ (*У нас-та ни была цвитоф многа, адин дахтар, наверна, был, а у тетки Катирини фся хата была ф цвитах: липки, аляндры, неумалкайки*).

Среди наименований цветов отмечены: царская корона ‘садовый цветок лилия’ (*Царская карона рассажываица лукавицами*), *кустистая заря* ‘садовый цветок мирабилис’ (*Я фсяда сею кустистаю зарю, мой атец иё сильна любил*).

б) Лексико-тематическая микрогруппа «Промысел». Диалектная лексика, связанная с охотой на диких животных и птиц, в чирских говорах не представлена. Отмечаются только лексические единицы рыбного промысла.

Здесь фиксируются общие наименования рыбалки и рыбаков: *рыбáльство* ‘рыбная ловля’ (*Зять рыбальством занимаица*), *рыбáрь*, ‘рыбак’ (*Гляжу, рыбарь сидить на биригу*); названия рыбы и ее частей: *белясь* ‘жерех’, *брусик* ‘пескарь’, *чикамас* ‘окунь’, *вьюн* ‘рыба угорь’ (*Биясь, брусик, чикамас, вьюн – вот такии рыбы у нас водяца*); наименования снастей: *закидушка* ‘донная удочка для ловли сазана, карпа, судака и другой крупной рыбы’ (*На закидушку пайду рыбалить*), *накидка* ‘рыболовная снасть в виде большого сачка’, *брéдень* ‘большой невод’ (*Дядя с ацом фсяда хадили рыбалить с нажитками или бреднем*). Данная микрогруппа детально разработана в кандидатской диссертации М.С. Крапивиной «Лексико-семантическое поле «Рыболовство в донских казачьих говорах» [Крапивина, 2012].

Таким образом, лексико-тематическая макрогруппа «Бытовая сфера» является важной для понимания культуры быта донских казаков в настоящее время. Выделение лексико-тематических групп и микрогрупп способствует рассмотрению быта людей на обследуемой территории с разных сторон (устройство усадьбы, устройство жилища, одежда, питание, ведение домашнего хозяйства, промысел).

Анализируемые тематические группы, относящиеся к бытовой сфере чирской группы донских говоров, включают в свой состав лексику, которая

обозначает жизненно важные понятия, представляет собой часть коммуникативного фонда говора, служащего средством повседневного обиходно-бытового общения его носителей. В бытовой лексике чирских говоров преобладают конкретные, детализирующие наименования, что связано в большей степени с объективной действительностью, с тем миром вещей и явлений, в котором живут диалектоносители.

В целом нужно отметить, что зафиксированная нами лексика на обследуемой территории указывает на традиционные формы организации жилья и ведения домашнего хозяйства, исторически сложившегося на территории нижнего Дона казачьего сословия.

Структурное своеобразие изучаемой данной тематической группы состоит в наличии многочисленных лексико-тематических микрогрупп, между которыми существуют разнообразные взаимопереходы и взаимоперекрещивания. В связи с этим тематическая классификация данных наименований имеет многоступенчатый, иерархический характер.

2.2.3. Лексико-тематическая макрогруппа «Традиционная культура» в чирской группе донских говоров

Традиционная культура исторически сохраняет непреходящие ценности (идеи и смыслы), выполняющие функции ценностной ориентации этноса, определяющие его духовную уникальность, обеспечивающие консолидацию общества, помогающие восстановлению культурной преемственности и национально-культурной идентификации – необходимой составляющей мировоззренческого потенциала [Егле, 2014].

Э.С. Маркарян подчёркивает, что особенности культуры любого социально-территориального образования, представляют собой сочетание «общих» традиций, которые поддерживают стабильность человеческих коллективов безотносительно к их локальной специфике, и «локальных», фиксирующих специфический жизненный опыт человеческих объединений и

отражающих индивидуальные черты их исторических судеб и особых условий существования» [цит. по: Егле, 2014, с. 44].

В данную макрогруппу вошли лексические единицы, которые отражают базовые ценности донских казаков, связанные с обрядами, традициями, религией, а также военной, песенной, танцевальной и игровой культурой.

1. Лексико-тематическая группа «Религиозная лексика»

Основой духовной жизни казаков является православие. В чирских говорах присутствуют языковые единицы, которые можно отнести к религиозной лексике.

Стоит отметить, что границы религиозной лексики учеными определяются по-разному. С.В. Булавина, О.Н. Емельянова предлагают разделять церковную и религиозную лексику. С.В. Булавина отмечает, что религиозная лексика не соотносится с материальной стороной жизни церкви, в этом ее главное отличие от церковной лексики [Булавина, 2003]. А.М. Четырина утверждает, что «церковная лексика является частью религиозной лексики как более широкого семантического объединения» [Четырина, 2010, с. 107]. Сопоставляя дефиниции понятий «религия» и «церковь», можно говорить о том, что понятие «религиозная лексика» является семантически более емким, поскольку объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия всех религий мира (современных и древних, традиционных и нетрадиционных); понятие «церковная лексика» объединяет совокупность лексем, обозначающих понятия какого-либо одного религиозного направления (по определению словаря Ожегова и Шведовой) или одного из христианских направлений (по определению словаря Ушакова)» [цит. по: Якимов, 2011, с. 75].

В нашем исследовании мы придерживаемся мнения, что религиозная лексика является семантически более емким понятием и включает в себя церковную лексику.

В религиозной лексике донских казачьих говоров можно выделить следующие микрогруппы группы.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования церковных праздников»: *годóвый праздник* ‘дванадесятый праздник, один из двенадцати праздников, который бывает раз в году’ (*Гадавыи празники самыи сильныи*), *Иван Постный* ‘последний день празднования церковного праздника’, *Иванов день* или *Иван Травный* ‘церковный праздник – Рождество Иоанна Предтечи’ (*На Иванаф день тада атдахнем*), *Ильин день* ‘день памяти пророка Ильи’ (*На Ильин день ни ф коим случаи нильзя купаца*), *Мировой день* ‘прощеное воскресенье’ (*Миравой день – эта пращена васькрасенья, фсе мираца*), *Ивдокия* ‘церковный праздник – день памяти преподобной мученицы Евдокии’ (*Ивдакия – ни сирдитый празник, посли абеда можна работать*), *Игóрий* ‘церковный праздник – день памяти святого Георгия’ (*Пад Игория нада рассаду сеять*).

В чирских говорах как и во всём донском диалекте названия церковных праздников «совпадают с русскими общенародными названиями, но в ряде номинаций имеют и свою специфику, которая проявляется в наличии своеобразных вариантов геортонимов, оригинальности интерпретаций внутренней формы наименований и уникальности ассоциативных связей, лежащих в их основе» [Брысина, 2021, с. 240]. Все названные выше праздники имеют свои разрешительные и запретительные предписания: *годóвые праздники* – в эти дни нельзя выполнять тяжёлую работу; *Иван Постный* – в этот день не едят что-либо, имеющее круглую форму (арбуз, капуста, тыква и т.д.), не пользуются острыми предметами; *Иван Травник* – в этот день собирают лекарственные травы; *Ильин день* – нельзя посещать водоёмы и купаться в них; *Ивдокия* – с этого дня можно сеять рассаду в доме; *Игорий* – с этого дня можно сеять рассаду на улице.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования религиозных обрядов». Обширный ряд представляют лексические единицы, относящиеся к обряду крещения. Выделяются синонимы: *перекрестить*, *перекстить*, *покстить* ‘совершить обряд крещения’ (*Ты сваих дитей перекстила?*); *перекститься*, *перемолиться* ‘перекрестить себя, делая правой рукой знак креста’ (*Перекстись посли молитвы*). Отмечаются также слова: *погружать* ‘совершать обряд крещения без священника’ (*Раньшы ни визде были папы, дитей биз них*

пагружали), *погружэнье* ‘обряд крещения без священника’ (В хуторах, где церкви ни была, дома пагружали детей), *богословлять* ‘крестить кого-либо, произнося слова молитвы’ (Мама всида богославляит миня, када я в маршрутку сажусь), *питиньё* ‘род наказания, налагаемого церковью на нарушившего религиозные нормы; епитимья’ (Батюшка мох и питиньё налажит), *жарить яичницу* ‘готовить яичницу на вольном огне в качестве обрядового блюда во время празднования Троицы’ (Абизатильна на Троицу жарили яшницу), *завивать березу* ‘действие, которое совершали с деревом или кустом в народный праздник семик, на Троицу или в один из дней мая, июня’ (Гаварили раньшы, пашили бирёзу завивать), *расстилать шубу* ‘класть на пол шубу, на которую сажают первых христославцев, пришедших в дом, в знак ожидания богатства, достатка’ (Ни помню зачем, но знаю, что инагда шубу христаслафшыкам стилили).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования религиозных предметов»: *пичужка* или *пичужечка* ‘кулинарное изделие в виде птички, которое традиционно пекли ко дню сорока мучеников’ (Пичужык пикли на бажествинные празники), *пáска* ‘кулич’ (И больших и малиньких пасак напикла), *олэй* ‘церковное масло’ (алеи в цырковнам киоски прадаёца), *божничка* ‘полка для иконы’ (Палажы свечи на бажничку), *поминáльник* ‘книжка, в которой записаны имена родственников для поминовения во время молитвы’, *венчáльные свечи* ‘свечи, которые держат молодые во время обряда венчания’ (Винчальныи свечи всю жизнь биригли, патом или в гроб клали, или атдавали детям или внукам).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования лиц, относящихся к церкви, участвующих в религиозных обрядах»: *крестóвый отец* / *крестóвая мать* ‘мужчина / женщина, участвующие в таинстве крещения, принимающие ребенка из купели, крестный отец / крестная мать’ (Мать кристовая падарила эту адиялу. Кристовый атец фсяда мне жалел), *погружэнный* ‘окрещенный обрядом погружения’ (Брат был погружоный), *христослáвщик* ‘тот, кто славит Христа, ходит по дворам с церковными песнопениями в рождественский

сочельник' (*Нада канфет купить да денех наминать, а то завтра как панабягутъ христаславишки*).

Представленная лексико-тематическая группа позволяет отметить следующее. Репрезентация религиозной сферы в чирских говорах так же, как и в литературном языке, возможна с двух позиций: с позиций семантики, когда слово отражает идеи и символы христианства, например: *окрещáть* 'делать святым, освящать', *окстíться* 'перекреститься', *перемолíться* 'перекрестить себя, делая правой рукой знак креста', и с формальных позиций, когда об отношении к теме церкви и веры свидетельствует лексический состав, например: *погружáть* 'совершать обряд крещения без священника'.

2. Лексико-тематическая группа «Мифологическая и демоническая лексика»

Несмотря на то, что духовный мир казачества неразрывен с православной культурой, лексический состав донских говоров показывает, что казаки верили и в существование демонических персонажей, различные приметы и суеверия. К исследованию мифологической и демонической лексики в донских говорах обращались Н. А. Архипенко, Н. А. Власкина, М. В. Калинина, Б. Н. Проценко и др. В чирской группе донского диалекта такая лексика тоже присутствует и составляет 3 лексико-тематические микрогруппы.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Демонология». В этой микрогруппе достаточно широко представлена лексема «черт»: *анчйбал, анчйбил, анчутка, анчйхрист, бесюка, бесяка, сатайл, шут, нечйстый, лукавый, рогáтый*.

«Слово черт в народной речи старались употреблять как можно реже, так как считалось, что оно может навредить человеку. По этой причине его обычно заменяли различными прозвищами, связанными с чертами внешнего облика и характера этого демонического персонажа (*нечйстый, рогáтый*). Согласно народным верованиям, черт, как и ангел-хранитель, дается человеку при рождении и всегда, в течение всей человеческой жизни, присутствует за левым плечом человека (тогда как ангел-хранитель находится за правым). По народным

поверьям, черт всегда нашептывает человеку в левое ухо, подталкивая его к греховным делам» [Калинина, 2015, с. 84].

Следует отметить, что все единицы, в состав которых входят слова *черт*, *бес*, *дьявол*, характеризуют человека, его состояние, поступки, а также связаны с предметами, окружающими людей.

В исследуемых говорах встречаются также названия других существ народной демонологии: *похозяйственник* ‘добрый или злой дух, оберегающий скот или приносящий ему вред’ (*Пахазяйствиник, наверна, тут камисарить*), *дояк* ‘существо, которое на заре доит коров’ (*Если у каровы малако прападала, гаварили, что даяк прихадил*). Для называния духа, обитающего в доме, существуют формальные варианты: *домова́я*, *домови́к*, *домови́ха*. Эти слова служат для номинации как доброго, так и злого духа, домового.

Для называния людей, состоящих в договоре или родстве с нечистой силой, в донских говорах используются слова: *дед* ‘много знающий, владеющий тайным знанием и умеющий его использовать старик’ (*Там дет жыл, он падкалдовывал*). *Дедом* также называли, знающего все законы свадебного обряда старого человека, которого необходимо было приглашать на свадьбу и всячески угождать ему, чтобы он не наслал проклятье на молодых’ (*На свадьбу в некатарых хутарах приглашали деда, штоп никто порчу ни навёл*). Встречается слово *знаха́рь* ‘человек, хорошо знающий все правила какого-либо обряда, владеющий особыми тайными знаниями для его осуществления’ (*Дет жил ф саседним хутари, был знахарим, иво на свадьбы приглашали*), *ведьма́ч* ‘колдун’ (*Ведьмач – эта мужык, каторый уметь калдавать*), *ворожэ́йка* или *ворожѝлка* ‘гадалка’ (*Ведьмачей очень мала была, а ворожейками почти фсе*).

Из рассказов местных жителей следует, что раньше (речь идет о конце XIX – середине XX века) ворожить умели почти все женщины, однако не все могли проводить определенные ритуалы, обладать особыми тайными знаниями.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Мифология». Здесь отмечены лексические единицы, называющие целителей: *зна́харка* ‘женщина, занимающаяся лечением без специального образования’ (*Дите кричить и*

кричить, панисла к знахарки), знáтница ‘лекарка-самоучка, знахарка’ (К знатницы за травами хадили), бабка-шептúха (Бабка-шаптуха – шаптала грыжу у малиньких дитей).

К области мифологической лексики относятся и некоторые слова, обозначающие функции мифологических персонажей и обслуживающие исключительно область верований: *побáбчить ‘полечить заговором, оказать действие на кого-, что-либо заговором’ (Пабабчила и фсё прашло), пóртить ‘наводить на кого-либо порчу’ (Она портить уметь), заговорíть (Снаха балеить, хажу к ней заговаривать), зашептáть ‘полечить заговорами’, пошептáть ‘заговорить боль, полечить заговором (о знахарке)’ (Палиц нарываить, нада пашыптать), знахарíть ‘заниматься знахарством, лечить без специально образования’ (Люди как-та траву сабирають, лечуть, а я знахарить ни умею).*

Отмечаются слова литературного языка, которые в особом культурном контексте приобретают мифологический смысл: *знать ‘владеть тайными знаниями; уметь колдовать, ворожить; быть знахарем, колдуном’ (Мать у ниё могла знать и дочки пиридала), отня́ть ‘отнимать молоко путем заговора’ (Бабка эта малако можыть атнимать, ни гавари с ней), отливáть ‘совершать заклинание, заговор для исцеления’ (Атливать испух надо через 9 парогаф).*

Небольшую группу составляют диалектные слова, называющие магические предметы: *óдолень-травá ‘любое растение со снатворным действием’ (Ня знаю, как называица на научнаму, иё захарки использавали, штоб уснуть), шу́тов палец ‘длинный камень-голыш, обладающий, по народному поверью, целебными свойствами’, прису́ха ‘средства (заговоры, травы, пития), которыми привораживают человека’ (Ана, наверна, сделала присуху и дала иму).*

3. Лексико-тематическая группа «Обрядовая лексика»

Обрядовая лексика в чирских казачьих говорах связана с основными событиями жизни человека: рождение, вступление в брак, смерть, исцеление, проводы казака на службу.

Большой пласт лексики чирских говоров в рамках данной макрогруппы относится к свадебному обрядовому комплексу. Свадебный казачий обряд описывался разными исследователями: Н. А. Архипенко, Б. Н. Проценко, М. А. Рыбловой, В. И. Супруном и др. При выделении тематических объединений в представленной макрогруппе, мы обращаемся к опыту создания многоступенчатой классификации свадебной диалектной лексики, разработанной Е. А. Богдановой [Богданова, 2019].

Диалектные языковые единицы могут называть участников свадебного обряда, этапы проведения свадьбы, свадебные атрибуты.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования участников свадебного обряда». Здесь отмечаются лексические единицы, называющие лиц, вступающих в брак: *охóтник* ‘условное наименование жениха во время сватовства’, *пропíтая девка* ‘засватанная девка’, *спрáвленная девка* ‘невеста, имеющая приданое’ (*Нодя у нас была тада справленная дефка*); приближенных жениха и невесты: *посáдный* или *посадно́й отец* ‘мужчина, исполняющий роль отца жениха или невесты на свадьбе’ (*У мене дядя Петя был пасадным аццом*), *посáдная мать* ‘женщина, исполняющая роль матери жениха или невесты на свадьбе’, *поджени́шник* ‘друг жениха, сопровождающий его во время сватовства и всей свадебной церемонии’, *подневéстка* ‘подруга невесты, которая находится с ней рядом в день свадьбы’.

Важную роль в проведении свадьбы играют распорядители на свадьбе и их помощники, в основе номинации которых лежат корневые морфемы -друж-, -сват-, -сваш-. Ср.: *дру́жка, дру́жко, дружóк, поддру́жий, поддру́жье, подру́жие, подру́жия, подру́жья, подру́жка* ‘распорядители на свадьбе со стороны невесты / жениха’; *подру́жа* ‘подруга невесты на свадьбе’; *полдру́жный* ‘помощник дружка на свадьбе’; *полудру́ж, полудру́жий, полудру́жок, полудру́жье* ‘помощник распорядителя на свадьбе; *сват* ‘распорядитель на свадьбе со стороны невесты; участник свадьбы со стороны жениха, который провожает молодых в церковь, идет первым и несет икону’; *сваха* ‘распорядительница на свадьбе со стороны жениха или невесты’, *подсваха* ‘помощница свахи на свадьбе’, *подсва́шка*

‘подруга невесты, которая находится с ней’, *полсв́а́шка* ‘помощница свашки на свадьбе’.

Отмечаются лексические единицы, номинирующие гостей свадьбы с частными обрядовыми функциями: *поезжа́не* ‘участники свадебного поезда’, *пово́зник* ‘кучер, везущий жениха и невесту в свадебном поезде’, *позыва́тый / позыва́тая* ‘участник, участница свадьбы ‘тот или та, кого посылают приглашать гостей на свадьбу, зывальщик’.

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия этапов свадебного обряда». В свадебном обряде донского казачьего субэтноса, как и других регионов России, отмечается трехчастная композиция со следующими основными этапами.

– мероприятия досвадебного периода: *приходить с калачом* ‘предлагать кого-либо в мужья, сватать’, *перевернуть стакан* ‘отказать сватающемуся парню’, *поднести чайник* ‘дать согласие сватающемуся парню’, *пир* ‘гулянье за две недели до свадьбы, обычно без спиртного’, *св́атушки* ‘предложение брака, сватовство’, *рукоб́итье* ‘обсуждение родственниками жениха и невесты предстоящей свадьбы’, *играть пятницу* ‘участвовать в застолье, завершающем помолвку, в пирушке после сватовства’.

– мероприятия свадебного дня: *делать поклон на четыре стороны* ‘во время венчания прощаться с вольной девичьей жизнью’, *передавать жениха с невестой из рук в руки* ‘во избежание сглаза после выкупа символически несколько раз переводить жениха и невесту от дружка к свашке и назад’, *осыпать* (хмелем, пшеницей и др.) ‘во время свадьбы перед входом в дом жениха бросать на новобрачных хмель (пшеницу, др.) как пожелание благополучной жизни’, *раздавать каравай* ‘на свадьбе преподносить гостям кусочки свадебного пирога, получая взамен подарки для новобрачных’, *завивать овин* ‘свадебный обряд, заключающийся в том, что невеста бьет стаканы, которые ей кидают’, *пить красную* ‘пить вино в конце свадьбы, после того как разбивают горшок, оберегаемый в течение всего праздника свахой, и рассыпают сложенные в нем деньги, которые невеста должна собрать’.

– послесвадебные мероприятия: *доедать кабаргу* ‘на третий день свадьбы, заканчивая гуляние, собираться только близким родственникам’, *отрубать хвост* ‘спустя месяц после свадьбы устраивать пир в доме молодоженов в знак закрепления семейного союза’.

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Наименования предметов, связанных с действиями свадебного обряда»: *сад* ‘украшенная конфетами, лентами и т. п. ветка дерева, которую в первый день свадьбы необходимо пронести нетронутой в дом жениха, чтобы в доме молодых был достаток’, *заклад* ‘задаток, аванс при сговоре-сватовстве невесты’, *давать ярочку* ‘дарить на свадьбу овечку как символ будущего материального благополучия’, *постель* ‘имущество, даваемое невесте родителями при вступлении ее в брак’, *подушки-сеструшки* ‘шесть подушек, входящих в состав приданного невесты’, *посаженная скатерть* ‘скатерть, которой накрыт стол, за которым сидят молодые’.

Следующие три лексико-тематические микрогруппы, составляющие обрядовую лексику, связаны с рождением детей, похоронно-поминальными реалиями и военной миссией казачества, являются немногочисленными по составу входящих в них лексических единиц и редко используемые в речи информантов.

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Рождение детей»: *родины* ‘празднование рождения ребенка’ (*Завтра будить некада, пайду радины празнавать*), *заваривать (подымать) кашу* ‘праздновать день рождения ребенка, кому исполнился год’ (*Када гот испалнялси дитю, называли заваривать кашу*).

5) Лексико-тематическая микрогруппа «Похоронно-поминальные обряды»: *раздавать платки* ‘давать собравшимся на похоронах носовые платки или небольшие полотенца в память об умершем’ (*Абизатильна пасля пахарон нада раздать платки*), *домовина* ‘гроб’ (*Прабабушки дамавину делал иё внук*), *девятины* ‘девятый день после кончины человека, а также поминания усопшего’ (*На дивятины приглашают толька радных*), *поминальщик* ‘человек, который приходит на поминки, поминает умершего’ (*Паминальщикова многа пришло*), *поминашный* ‘относящийся к поминанию, к поминкам’ (*Паминальный*

абет будим дома делать), по́минный вторник, по́минный день, по́минки / по́мины ‘день, когда угощают в память умершего’ (*Я хадила на помины*).

б) Лексико-тематическая микрогруппа «Военные обряды». В современных говорах, лексические единицы данной микрогруппы встречаются крайне редко. Отмечены составные наименования: *стременная рюмка (стонка)* ‘рюмка спиртного, которую подносила казаку жена или любимая девушка перед расставанием, когда он, уходя на службу, садился на коня и ставил ногу в стремя’, *слезовой дуб (курган)* ‘место, откуда провожали новобранцев-казаков на службу или на войну’.

4. Лексико-тематическая группа «Песенная, танцевальная, игровая культура»

В эту группу вошли лексические единицы, характеризующие песенное и танцевальное творчество и игры донских казаков. Культура и традиции донского казачества основательно изучены разными учеными. Однако в современных говорах диалектные лексические единицы, отражающие сферу культуры, встречаются крайне редко. В основном они функционируют в местных творческих коллективах и в текстах местных газетах.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Песенное творчество».

«Казаки всегда славились своим мастерством исполнять песни. Песня стала со временем визитной карточкой казака. Она помогала пережить долгую разлуку с домом и семьёй, вселяла бодрость и уверенность в казака, готовящегося к смертельной схватке с врагом, восхваляла храбрость и мужество казака-воина, давала возможность погрузиться наедине со своими мыслями и переживаниями» [Брысина, 2021, с. 275].

В настоящее время песенное творчество занимает значительное место в казачьей культуре, но его особенности передаются средствами литературного языка. Диалектных лексических единиц, характеризующих песенное творчество, отмечено мало. Эквивалентом литературного варианта «петь» является диалектный вариант *играть песню* (*Щас ретка пають, висной услыхала, вдалике играли песни, ажнык удивилась*). Отмечены лексические единицы,

характеризующие манеру исполнения песни: *дишканить* ‘петь громко высоким голосом’ (*Када дишканять, танюсинька пають*), *зпеснячивать* ‘начинать петь, запевать песню’ (*Ну, давай, ты записнячивай*), *вилючая песня* ‘песня с перепадами голоса, с многочисленными вариациями’ (*Видишь, какии наши песни вилючи*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Танцевальное творчество». Здесь отмечено 3 лексические единицы: *бѣдная* ‘название танца’ (*Песня называлась Бедная и таниц так называлси*), *пóличка* ‘название танца’ (*Поличку на кругу танцывали*), *танцури́ха* ‘название женщины, которая умела хорошо танцевать’ (*Я танцуриха была, лучши мене никто в хутари ни танцывал*).

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Игры». Игры – исторически сложившееся общественное явление, самостоятельный вид деятельности, являющийся неотъемлемой частью развития личности. В чирских говорах отмечены лексические единицы, называющие игры: *айдáнчики* ‘детская игра в кости’ (*В айданчики и рибятишки и бальшии играли*), *коршу́н* ‘подвижная игра, в которой ведущий, называемый коршуном, ловит игроков – цыплят; пойманные получают задание’ (*Дети любили играть в коршуна*), *гоня́лки* ‘подвижная игра, в которой водящий должен догнать остальных участников; догонялки’ (*Целый день в ганялки праиграють*), *подда́вочки* ‘детская коллективная игра в лапту’ (*Паддавки назывались, када и в лапту играли*), *подку́чки* ‘игра на Пасху, когда прячут яйца в кучках песка, пыли, земли и отгадывают, в какой из них больше яиц’ (*Абычна на берих хадили и там играли*), *пожму́рки* ‘детская игра, в которой водящий ищет спрятавшихся участников игры и, обнаружив кого-либо, называет имя игрока, обычно дотрагиваясь рукой до условного места’ (*Ф пажмурки играли с завязанными глазами*), *ката́ть яй́чки* ‘игра на Пасху, когда по столу катили яйцо и оно должно как можно больше выбить яиц’ (*Кучки раскладали и адной яичкай били, кто скока выбил, тот стока и забирал*).

Итак, как показывает анализ лексико-тематических групп, представленной макрогруппы, из обрядов жизненного цикла наиболее детально разработан свадебный, в меньшей степени – родильный, военный обряды. Лексико-

тематические микрогруппы каждой лексико-тематической группы находятся между собой в иерархических отношениях. В ряде микрогрупп наблюдаются отношения вариативности (акцентные варианты: *зна́харь* – *знаха́рь*; фонетические: *посадний*, *посадный*, *посадной*; *полудруж* / *полудружий* / *полудружок*, *полудружье*); синонимии: *сатаил* – *анчибил*, *перекститься* – *перемолиться*, *богомолье* – *рукобитье*); полисемии (*светилка*. 1. Свидетельница невесты. 2. Девочка, несущая фату за невестой. 3 крестная невесты; *сатаил* 1. Злой дух, дьявол, сатана. 2. Перен. О человеке, вызывающем раздражение, осуждение окружающих своим поведением). Синонимичными в говорах могут быть не только однословные наименования, но и синтаксически связанные конструкции: (*Иванов день* / *Иван травный*).

Было выявлено, что лексические единицы данной макрогруппы входят в состав других лексико-тематических групп, таких как: «Человек» (*богохул*, *отрывок от нечистого духа черти душу переели*), «Растительный мир» (*адамова голова*, *богородица*, *богородицкая травка*, *сатанинский гриб*).

2.2.4. Лексико-тематическая макрогруппа «Природа» в чирской группе донских говоров

Одним из фундаментальных фрагментов языковой картины мира диалектоносителей является лексика природы. «Человек, как существо биосоциальное, живет сразу в двух мирах – природном и культурном, причем влияние каждого из миров на человека определяется и условиями его проживания, и индивидуальными особенностями, и этническими ценностями (первоначально производными от жизненной среды, но в современных условиях урбанизации теряющими связь с непосредственным природным окружением» [Файзуллин, 2017, с. 10].

Диалектная лексика природы отдельных регионов нашла свое отражение в исследованиях В. А. Иванова, Л. Г. Гынгазовой, С. И. Иванищева, Н. И.

Налетовой, М. В. Богачевой и др. Разные аспекты природы на материале донских говоров представлена в фундаментальных исследованиях Е. В. Брысиной, Р. И. Кудряшовой, В. И. Супруна, в работах М. В. Флягиной («Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров», [Флягина, 2004]), Е. В. Кузнецовой («Мотивационный потенциал диалектного слова (на материале метеорологической лексики донских говоров», [Кузнецова, 2005]), О. А. Суторминой («Зооморфизмы в языковой картине мира донского казачества», [Сутормина, 2014]), Е. В. Сердюковой («Названия растений как топоосновы в русских донских говорах» [Сутормина, 2021]).

Представления человека об окружающем его природном мире формируют глубинную основу системы его ценностей. Пространство природного мира можно разделить на два основных круга: не освоенного человеком и освоенного человеком. Такая дифференциация в чирских говорах наблюдается в пределах тематических групп: «Растительный мир» (дикорастущие растения – культурные растения), «Животный мир» (дикие животные – домашние животные), «Земля, земельные угодья» (непригодная для обработки земля – обработанная земля: пашня, огороды, покосы), а также «Метеорологические явления», не подвластные человеческому влиянию.

Итак, в данной тематической макрогруппе представлен только не освоенный человеком круг природы.

1. Лексико-тематическая группа «Животный мир»

Природа донского края изначально была благоприятна для распространения в этих местах огромного количества животных, птиц, рыбы. Современные условия крайне изменились, однако лексический состав говоров отражает разные стороны животного мира дикой природы, обследуемых территорий.

Рассмотрим лексико-тематические микрогруппы, репрезентирующие животный мир, и иллюстрирующие их лексические единицы.

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия животных» включает семантические варианты, называющие волка: *бирю́к, во́лок* (*Бирюков раньшы*

страть сколько была, а щас не. Адин рас волок забех к нам на бас, схватил карову, но атец с дядий выбижсали и атбили).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия птиц»: *скопёц, скóпчик* ‘хищная птица семейства соколиных – кобчик’ (*Гляди-гляди, скопцик лятить*), *пистельга* ‘пустельга’ (*Пистильга – эта как скопчик, охотица на мышей*). Отмечаются лексические единицы называющие птиц по половому признаку: *журавель* ‘самец журавля’, *журавлиха* ‘самка журавля’, *жаворонка* ‘самка жаворонка’.

3) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия пресмыкающихся»: *желтопуз* ‘змея полоз’ (*Жылтанузы злыи и быстрыи, могут на дерево залесть, патом на кароф, а то и на людей сигать, а ишо ани шышки на хвасте надувають и лупять ими*).

4) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия насекомых»: *баук* ‘паук’ (*Как атадвинула пинёк, а там здаравенный черный баук*), *бзык* ‘овод’ (*Бзыки есля нападут на кароф, то ани бусарными сразу*), *мокрушка* ‘мокрица’ (*Мокрушками личебными, ими мазали лишаи*), *турлук* ‘медведка’ (*Внуцок приехал, стал агарод капать, капаить, лавить турлукоф и выпускаить, жалка гаварить, а ани жа тпяеть фсе паидять*), *аэрапланчик* ‘стрекоза’ (*Аирапланчики в канцэ лета прилитають*).

В рамках данной тематической группы выделяются звукоподражательные глаголы: *гамкать, мявкать, турчать, брунчать*

2. Лексико-тематическая группа «Растительный мир»

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Название растений». Среди номинаций растений отмечаются лексические единицы, называющие лекарственные растения: *душица* ‘душистая трава буквица лекарственная’ (*Душыцу от фсяво пьют*), *чабурок* ‘чабрец’ (*Бабушка на краю хутара жывет, у ние чабурок прям ва дваре растеть*); полевые растения: *баранчики* ‘стелющееся растение якорцы земляные’ (*Баранчики если нацапляются, ни вычистишь патом*), *калачики* ‘растение просвирник низкий и его семена’ (*Калачики раньшы мы детьми ели*), *бескоренка* ‘мох исландский, используется для окрашивания

пасхальных яиц' (*Я в этом году бескоренкой яйцы красила*), полынь 'попынь' (*Куст палына фсяда аставляю ва дваре, он лечебный*), полынок 'попынь австрийская' (*Палынок очень харашо пахнуть*); сорные растение: *арепей* 'репей' (*Арипы нацыплялись*), *брица* 'сорное растение - метлица обыкновенная' (*Брицу в рот брать ни лзя, заглатнуца можна*), *плетучка* 'сорное растение выюнок полевой' (*Плетучка можыть и молодое дерево задушыть*); ядовитые растения: *бесила* 'о ядовитых растениях белене, дурмане' (*Бесила – красивые цвиты, но сразу от них можна умереть*); части растений: *будылка*, *будылыжка* 'стебель растения без листьев' (*Я листушки абдираю карови, а будылыжки ни даю, чтоб ана рот сабе ни карябала*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Названия деревьев, кустарников и их семян»: *карагич* 'вяз мелколиственный' (*Карагичи растут в Бабровой балки*), *кленина* 'одно кленовое дерево' (*Сруби мне эту клинину, а то разрастеца и сламаить забор*), *кислица* 'кустарник барбарис' (*Пайдем за каровами, нарвем кислицы, ядим листья, ани как щавель*), *желудок* 'желудь' (*В галодный год ели жалудки*), *китушки* 'соцветие в виде кисти мелких цветков' (*Детьми были, рвали китушки и играли с ними*).

Лексика рассмотренной тематической группы представляет самый большой пласт макрогруппе «Природа» и активно используется диалектоносителями обследуемых территорий.

3. Лексико-тематическая группа «Метеорологические явления»

1) Лексико-тематическая микрогруппа «Погодно-климатические явления»: *ведренный* 'ясный, солнечный день', *бесснежица* 'отсутствие снега зимой' (*Уже какой год беснежыца стаить*), *жарень* 'сильная жара' (*Такая жарень давить, всех сорок градусоф*), *закурить* 'начать мести (о метели, вьюге)' (*В марти ишо магеть закурить*), *заосенять* 'похолодать (о приближении осени)' (*Как заасиняить, сасетка уижаить в горот*), *нахмарить* 'стать хмурым пасмурным (о небе)' (*На улицы нахмарила, наверна дош пайдеть*).

2) Лексико-тематическая микрогруппа «Название небесных тел»: *жарничка* ‘небесное тело звездочка’ (*Бабушка звезды жарничками называла*), *звездо* ‘небесное тело - звезда’ (*Звездо яркая какая*).

Лексико-тематическая макрогруппа «Природа» в чирской группе донских говоров является немногочисленной по составу микрогрупп и количеству лексических единиц. Основной пласт лексики составляют номинации травянистых растений. Богатый животный мир территории Дикого Поля, описанный в ранних источниках, уже не находит своего отражения в настоящее время. Современная территория Нижнего Дона претерпела глубокие изменения в связи с крупномасштабным строительством промышленных и жилых сооружений, каналов, прудов, дамб и дорог. В результате сильного изменения рельефа происходит заболачивание и последующее засоление территории. После строительства Цимлянского водохранилища часть поверхности поймы превращена в сельхозугодья, что привело к сокращению реалий дикой природы.

Выводы по главе 2

1. Оценка лексико-тематических макрогрупп, степень устойчивости входящих в них лексем в системе чирских говоров, сохранение до настоящего времени знаний о бытовой сфере, традиционной культуре, природном мире донского субэтноса свидетельствуют о достаточно актуальном значении чирских говоров в системе языковой культуры жителей обследованных территорий.

2. Анализ лексики отдельных тематических групп и микрогрупп в плане отражения диалектной картины мира определил воззрения носителей чирских говоров на окружающую действительность и на себя как природную и социальную субстанцию.

3. Среди диалектных единиц, номинирующих предметы быта, к числу активных относятся слова, называющие хозяйственную утварь, инструменты, используемые при выполнении домашних работ, некоторой одежды. Данные

номинации связаны с первичным жизнеобеспечением человека. Неактивные лексемы, номинировавшие предметы, материалы, орудия труда, не используемые в настоящее время в обиходе.

4. Среди лексем, номинирующих реалии традиционной культуры, особое место занимают лексические единицы, содержащие символические компоненты семантики. Это слова, связанные с традиционной народной культурой, номинирующие сопровождение значимых в жизни событий (свадьба, похороны, рождение и крещение детей).

5. В языковом сознании жителей обследуемых территорий имеют место лексические единицы, реализующие семантику сакрального, транслирующие народные представления о демонической и мифологической сторонах.

ГЛАВА 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЧИРСКОЙ ГРУППЫ ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ДИАЛЕКТА

3.1. Методы социолингвистического исследования лексической системы чирской группы донских говоров

Социолингвистический подход к вопросу о территориальных диалектах является актуальным, так как исследования такого порядка позволяют выявить глубинные взаимозависимости между социальной структурой общества и языковыми особенностями, демонстрируемыми носителями региональных диалектов.

В ходе проведения социолингвистических исследований лексики чирских говоров учитываются социальные характеристики информантов (пол, возраст, уровень образования, вид профессиональной деятельности) и социальные условия конкретного речевого акта. «В самом начале социолингвистического исследования встает проблема выбора тех конкретных индивидов, на языковом поведении которых предполагается строить гипотезы и проверять их» [Крысин, 2001, с. 191]. Для изучения диалектного языка выбор информантов и проведение полевых записей в условиях, которые обеспечивают непринужденное общение, являются необходимыми условиями.

Одной из социальных характеристик является пол диалектоносителей. В отечественной лингвистике признается, что «говор лучше сохраняется у сельских малограмотных женщин старшего поколения, не связанных с современными формами ведения хозяйства. Речь остальных представителей сельского населения более подвержена воздействию других языковых подсистем, прежде всего литературного языка, а также просторечия и профессиональных жаргонов» [Гольдин, 1997, 16].

Не менее важным при выборе информантов является возрастной фактор. При сборе диалектного материала в большинстве случаев интервьюируются люди пожилого возраста, поскольку многие из них малограмотны. Но, как показывают наблюдения ряда исследователей (Р.И. Кудряшова, Л.И. Баранникова, В.Е. Гольдин), представители среднего возраста также могут быть диалектоносителями. Так, речь молодежи на обследуемой территории приближается к литературной под воздействием образования и средств массовой информации, но в бытовой сфере молодежь может использовать лексические единицы чирской группы донского диалекта. Семья, где есть представители старшего поколения, остается местом функционирования диалекта. На это обращает внимание Л.П. Крысин: «...Функции более или менее чистого диалекта постоянно уменьшаются, и сейчас наиболее типичными сферами его использования являются семья и разного рода ситуации неофициального, непринужденного общения односельчан друг с другом» [Крысин, 2003, 49]. Следуя этой точке зрения, мы отбирали информантов из коренных жителей обследуемых территорий.

Еще один фактор, учитывающийся нами в ходе исследования, – уровень образования. Тенденции глобализации и урбанизации в развитии современного общества приводят к последовательному стиранию диалектных различий. В XX в. господствовало мнение об исключительно мощном и нивелирующем влиянии литературного языка на говоры, о замене их литературной речью (работы Н. П. Гринковой, В. М. Жирмунского, Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, О. В. Загоровской). Однако на эту проблему имеются и иные взгляды, отражающие сложность языковой ситуации. Так, Т.С. Коготкова считает, что существуют психолингвистические факторы, сдерживающие наступление литературного языка на говоры [Коготкова, 1979].

Р.И. Кудряшова отмечает, что при характеристике современных процессов перестройки систем территориальных говоров, условий и направлений их развития обычно выделяют две стороны причинно-следственных связей – «внутреннюю, собственно языковую, определяющую имманентное или

спонтанное развитие самой системы говоров, и внешнюю, экстралингвистическую или социальную, в той или иной мере воздействующую на характер происходящих изменений» [Кудряшова, 1998, с. 17].

Р. И. Аванесов в контексте воздействия литературного языка на народные говоры выделил два основных типа диалектной речи: «...язык той части населения, на которую оказал заметное влияние общенациональный язык, и язык сельской интеллигенции, который приближается к нормам литературного языка» [Аванесов, 1949, с. 27].

Таким образом, при исследовании лексической системы чирских говоров происходит обращение, в том числе, и к экстралингвистической среде, в которой они существуют, поскольку изучение воздействия социальных факторов на язык имеет первостепенное значение для диалектологии, так как территориальное варьирование единого национального языка одновременно предполагает его социальное расслоение. В настоящий период, когда в качестве универсальной по охвату сфер человеческой деятельности (быт, культура, наука и т. Д.) и социально престижной формы общения употребляется литературный язык, диалекты, естественно, становятся языком “простолюдов”, т.е. приобретают социальную маркированность. В этом смысле «изучение территориальных диалектов не может не быть социолингвистическим» [Бондалетов, 1984, с. 66].

При сборе социолингвистической информации в работе мы прибегали к таким методам, как наблюдение, включённое наблюдение, устное интервью, анкетирование, а также к методу анализа письменных источников при анализе текстов местных газет «Заря», «Нижнечирские вести».

Метод наблюдения эффективен при изучении явлений, которые происходят на наших глазах. Этот метод реализовывался во время записи живой речи носителей чирской группы донских говоров, с опорой на заранее составленную программу-вопросник, которая дается в приложении (см. Приложение А).

Одна из разновидностей наблюдения – включенное наблюдение (самонаблюдение). «Этот способ изучения поведения людей заключается в том, что исследователь становится членом наблюдаемой им группы» [Запорожец,

2014, с. 21]. В диалектологических исследованиях использовать его могут люди, которые сами в какой-то степени являются носителями говора.

Тот факт, что автор работы – «пассивный» носитель чирской группы донских говоров, позволил выявить в ряде случаев диалектные лексико-семантические варианты у лексем литературного языка, а также записать лексические единицы, используемые в семейном общении. Метод самонаблюдения также использовался жителями обследуемых станиц и хуторов, имеющими высшее и среднее специальное образование, которые предоставили словники диалектизмов, составленные ими по памяти. Однако данный метод имеет отдельные недостатки: такой собиратель не фиксирует некоторые слова и выражения, поскольку привык к ним до такой степени, что не замечает их диалектного происхождения; подобные записи не содержат контекстов, дающих важную информацию о бытовании слова.

Как при внешнем, так и при включенном наблюдении фиксация речевого материала может осуществляться вручную и инструментально. Представленный в диссертационной работе материал собирался вручную.

Важным при сборе информации для диссертационного исследования был метод устного интервью. «Основная функция метода интервью – получить материал, характеризующий спонтанное речевое поведение людей» [Крысин, 2001, с. 204]. В зависимости от того, какие задачи ставит себе исследователь, интервью может быть неформальным, то есть имеет форму относительно свободной беседы интервьюера с информантом на заданную тему (сохранение одной и той же темы в беседах с разными информантами важно, поскольку это позволяет сравнивать речь разных людей), или же формальным, состоящим из заранее подготовленных и логически связанных друг с другом вопросов, провоцирующих отвечающего на употребление тех или иных языковых единиц.

В рамках устного интервью был использован метод прямой постановки вопроса, правила и приемы которого выработаны диалектологами в результате многолетней практики и изучения теории социологических и лингвистических опросов (см.: Конрад, 1959; Грушин, 1967; Сенина, 1988; Неверов, 2005).

В ходе настоящего исследования использовались формальное и неформальное интервью в сочетании с методом наблюдения, в том числе включенного.

Неформальное интервью в значительной степени сводилось к многочисленным беседам с информантами. Результаты бесед с жителями обследуемой территории показали, что в последние годы возрастает интерес местного населения к традициям и культуре казачества – работают музейные выставки, проводятся фестивали, публикуются заметки о казаках в муниципальных газетах, возрождается местная форма правления – казачий круг (не является официальной формой правления, но имеет важное значение у местного населения), проходят выборы станичных и хуторских атаманов.

Метод прямой постановки вопроса рассматривается нами как формальное интервью, так как имеет заранее разработанные вопросы. Указанный метод успешно применялся при сборе лексического материала, в частности, когда речь шла о названии различных предметов бытовой сферы при непосредственном ознакомлении с этими реалиями. Также, в ходе фиксации диалектной речи, ставилась цель составить представление о лексическом уровне чирской группы донских говоров в целом и о тематическом разнообразии этой группы говоров в частности. Если же ограничиваться лишь фиксацией спонтанной речи, то велика вероятность, с одной стороны, получения случайных, не типичных для системы фактов, а с другой – пропуска существенных фрагментов данной системы.

Таким образом, с помощью целенаправленного опроса были обнаружены отдельные языковые факты, описаны их отношения друг с другом, прослежена динамика в пределах лексической системы чирской группы.

Для более точных статистических данных в ходе социолингвистического исследования чирских говоров основным стал метод анкетирования, признаваемый исследователями «едва ли не самым надежным» [Аврорин, 1975, с. 248]. Социолингвистические анкеты можно разделить на два типа: одни нацелены на объективное исследование функционирования языка в обществе, другие – на изучение речевого узуса, оценку носителями языка конкурирующих языковых

вариантов [Запорожец, 2014, с. 22]. За основу в настоящей работе были взяты анкеты первого типа, с помощью которых выяснили степень знания и использования лексики чирской группы донских говоров представителями разных возрастных и социальных групп.

Анкетирование проводилось в соответствии с требованиями, выработанными для этого метода в социалингвистике. Анкеты заполнялись информантами письменно. Время заполнения не ограничивалось. Анкета, предлагаемая информантам, состояла из двух частей: социологическая часть и лингвистическая часть.

Социологическая часть включала перечень лингвистически значимых социальных признаков. Учитывая всё многообразие возможных социальных характеристик, мы выделяем в качестве наиболее значимых в рамках нашего исследования следующие: пол, возраст, уровень образования, профессию, место рождения, длительность проживания на обследуемой территории, тем самым стремясь представить подлинную картину функционирования диалектного слова в данном коммуникативном пространстве.

Информанты, участвующие в анкетировании, были распределены по пяти возрастным группам: 1) 7 – 15 лет (100 человек); 2) 16 – 25 лет (100 человек); 3) 26 – 40 лет (100 человек); 4) 41 – 60 лет (100 человек); 5) старше 60 лет (100 человек).

На основании профессионально-образовательного фактора информанты делятся на три группы: 1) лица, имеющие высшее образование; 2) лица, получившие среднее или среднее специальное образование; 3) лица, чье образование ниже среднего.

В лингвистической части информантам предлагалось оценить своё знание и употребление представленных диалектных единиц, выбирая варианты ответов: 1) активно использую в своей речи; 2) знаю, но не использую в своей речи; 3) никогда не слышал и не использовал в своей речи. Анкета включает 100 диалектных слов и устойчивых выражений, относящихся к чирской группе донского казачьего говора. Выборка лексического материала для анкеты была

составлена в соответствии с тематическими группами, которые были сгруппированы в ходе сбора диалектного материала и представлены во второй главе диссертации.

Необходимо отметить, что в анкету включены только те лексемы, которые неоднократно фиксировались в ходе диалектологических экспедиций и обнаружены в речи двух и более информантов. Такой подход позволяет подвергнуть социолингвистическому анализу функционально значимые для речи местных жителей лексические единицы.

Отметим, что специфика рассматриваемого материала привела к необходимости использования синтетического метода, когда респонденты не только опознают диалектную лексическую единицу как знакомую или незнакомую, но и записывают, как часто используют ее в речи. Следовательно, результаты проведенного анкетирования должны решить также вопрос о степени активности диалектной лексики в отдельных лексико-тематических группах.

Сопоставляя ответы информантов в социологической части анкеты с ответами в ее лингвистической части, мы установили определенную зависимость принадлежности диалектного слова к пассивному или активному запасу местного жителя от социальных признаков, характеризующих его. Можно констатировать, что социальные параметры речи выступают движущими силами, вырабатывающими речевые навыки человека. «Они определяют его речевое поведение и тем самым отличают от речи других лиц, которые являются носителями иных социальных признаков» [Ерофеева, 1993, с. 83]. Однако результаты анкетирования не всегда представляют подлинную картину уровня употребления диалектизма в речи. Информант, понимая «непрестижность» с точки зрения литературного языка всего, что связано с диалектом, намеренно «скрывает» использование такого слова в своей речи. Кроме того, группы информантов выделяются всякий раз по какому-то одному социальному признаку, в то время как уровень знания и употребления диалектизма должен определяться совокупностью факторов. В связи с этим трудно проследить действие каждого фактора в отдельности. Именно поэтому для подтверждения

объективности полученных данных мы использовали параллельно и другие социалингвистические методы, описанные выше: наблюдение, включенное наблюдение, устное интервью.

Таким образом, собранные анкеты позволяют с достаточной степенью определенности выявить уровень знания и употребления диалектной лексической единицы; установить зависимость этих характеристик от социальных и лингвистических показателей; проанализировать степень активности диалектных лексических единиц в речи местных жителей; определить, в какой сфере диалектная лексика наиболее употребительна.

3.2. Социалингвистическая интерпретация результатов исследования лексической системы чирской группы донских говоров

Социалингвистическое исследование, проведенное на территории станицы Нижний Чир, хуторов Верхнечирский, Суворовский, Пещёрский, Ближнемельничный, Ближнеподгорский, Ёлкин Волгоградской области, дало нам возможность выявить особенности функционирования диалектной лексики в современных условиях в конкретном социокультурном пространстве.

Анкетирование как основной социалингвистический метод в диссертационной работе позволил выявить степень активности диалектной лексики на территории распространения чирских говоров.

Обработка полученного материала проводилась в два этапа. На 1-м этапе было установлено соотношение демографических параметров и степени владения говором чирской группы донского диалекта. На 2-м этапе показана частота употребления лексики чирской группы донского диалекта.

При установлении соотношения демографических параметров учитывались возраст, пол, образование. Так как анкетирование проводилось только среди коренных жителей, которых выявляли в ходе предварительных бесед, отдельно нами не рассматривается такой параметр, как происхождение респондента.

Соотношение демографических параметров респондентов, относящихся к области биографии респондента, во многом определяющих их языковую компетентность и языковое поведение – пол, возраст, образование, с лингвистическими параметрами (знание и употребление диалектной лексики) представлено в табл. 3.

Табл. 3.

Соотношение демографических и лингвистических параметров

Варианты ответов	Возраст, %					Пол, %		Профессионально-образовательные группы, %		
	7-15	16-25	26-40	41-60	Старше 60	М	Ж	Высшее образование	Среднее специальное образование	Среднее и неоконченное среднее образование
Знаю и активно использую в речи	10	5	15	22	52	44	6	3	36	58
Знаю, но редко использую в речи	12	8	25	30	25	43	6	18	38	43
Слышал (а), но не знаю и не использую в речи	48	27	28	31	27	37	40	34	47	28
Никогда не слышал (а)	34	47	35	25	22	15	30	59	52	19

При рассмотрении гендерного и возрастного факторов было отмечено, что из 100 представителей старшей возрастной группы 45 человек – женщины и 27 человек – мужчины, отметили в анкете все лексические единицы как знакомые и

часто используемые; 18 респондентов (5 – мужской пол и 13 – женский пол) отметили, что лексические единицы знакомы, но в своей речи они их не используют; 19 человек в этой возрастной группе отметили все единицы как неизвестные для них. Количественные подсчеты подтверждают вывод о том, что хранителями диалекта в старшей возрастной группе являются, прежде всего, женщины. Это обусловлено социально-историческим контекстом: в начале и середине XX в. в сельской местности образование получала в основном мужская часть населения, в то время как женщины оставались необразованными, чуждыми всех нововведений и оставались хранительницами традиционной культуры, в том числе языка.

Однако гендерный аспект теряет свою значимость в группе представителей среднего возраста. Этому способствуют высокая социальная активность женщин средней возрастной группы, возросший уровень образованности. Тем не менее и мужчины, и женщины средней возрастной группы обладают достаточно высокой степенью диалектной компетенции. Так, в данной возрастной группе 68 человек отметили 65% лексических единиц как знакомые, но редко используемые в собственной речи (из них 36 женщины и 32 мужчины); 10 человек отметили, что используют эти слова в речи; 22 – отметили как неизвестные для них слова.

Фактор образования по анкетным данным проявляется следующим образом.

Информанты в возрасте от 30 до 40 лет знание диалектного языка демонстрировали относительно в равных пропорциях в зависимости от образования. Представители высшего образования отметили как известные 18 диалектных единиц, представители среднего образования – 20 диалектных единиц. Лица, не имеющие образования, в опросе не участвовали, так как не были выявлены.

При оценке уровня знания и употребления в речи лексики чирской группы выявлено, что варианты ответов «знаю и активно использую в речи», «знаю, но редко использую в речи» преобладают среди респондентов женского пола старше 60 лет, имеющих среднее специальное образование или несколько классов школьного образования.

Вариант ответа «слышал (а), но не использую в своей речи» встречается относительно в равном соотношении у мужчин (37 ответов) и женщин (40 ответов), преобладает в возрастной группе 41 – 60 лет у лиц, имеющих среднее специальное образование (47 ответов).

Вариант ответа «никогда не слышал» чаще фиксировался у респондентов возрастных групп 7 – 15 лет, 16 – 25 лет, относительно в равном соотношении у мужчин и женщин, имеющих высшее и среднее специальное образование.

Таким образом, количественные данные представленной таблицы помогли определить, что наибольшую лингвистическую значимость при выявлении знания и использования в речи диалектных единиц чирской группы имеют такие факторы, как возраст и образование. Меньшее значение получает гендерный фактор.

Данные проведенного анкетирования с учетом таких социально значимых факторов, как возраст и образование, позволили предположить степень сохранности говора чирской группы донского диалекта в языковом сознании информантов и на этом основании выделить следующие группы:

1) жители, не знающие и не использующие диалектную лексику чирской группы в своей речевой практике (46% опрошенных). Представители этой группы не знают лексические единицы, предложенные в анкете, или слышали, но не знают значений слов;

2) жители, знающие исследуемую диалектную лексику, но не использующие или редко использующие ее в своей речи (22% опрошенных). Такие ответы иногда сопровождались комментариями – «бабушка так разговаривала», «раньше так говорили» и т.д. Большую часть данной группы составили жители от 40 до 60 лет. Респонденты данной группы имеют высшее (9%) и среднее специальное (13%) образование;

3) жители, знающие и активно использующие лексику чирской группы донских говоров (40% опрошенных). Это пожилые люди старше 60 лет, имеющие высшее образование (12%), среднее специальное образование (18%), среднее образование (14%), незаконченное школьное образование (32%).

Приведенные процентные соотношения параметров знания и использования диалектной лексики в чирских говорах с учетом возраста и образования респондентов представлены в диаграммах на рис. 2 и 3.

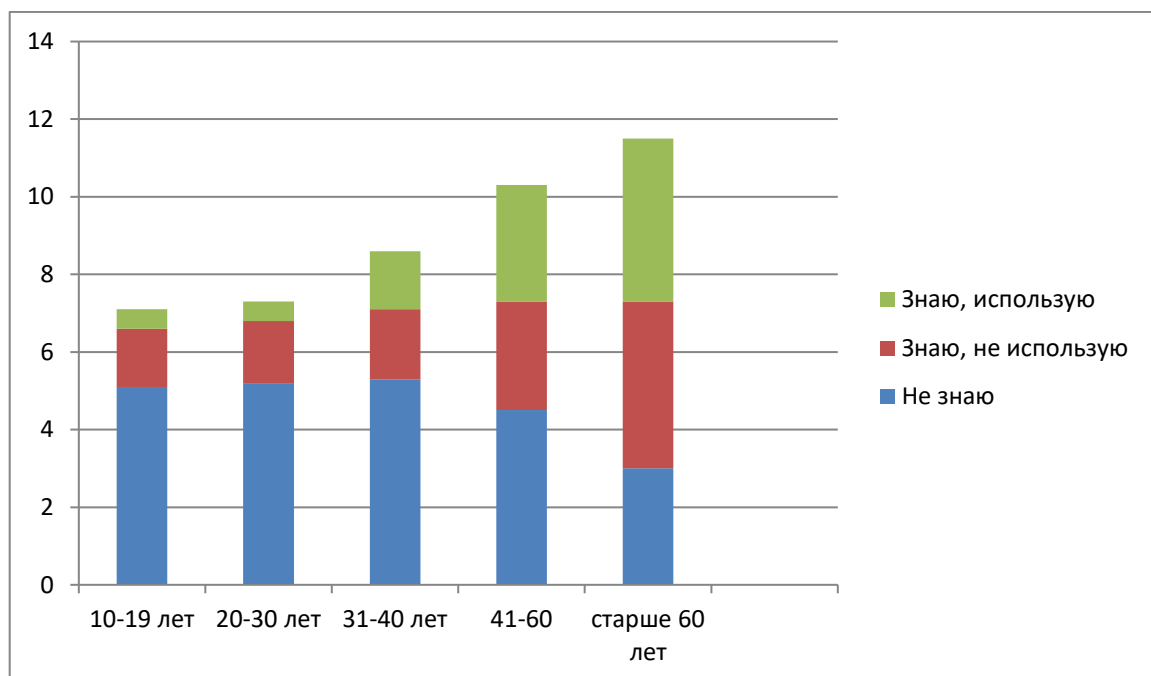

Рис. 2. Соотношение параметров знания и использования с учетом возраста

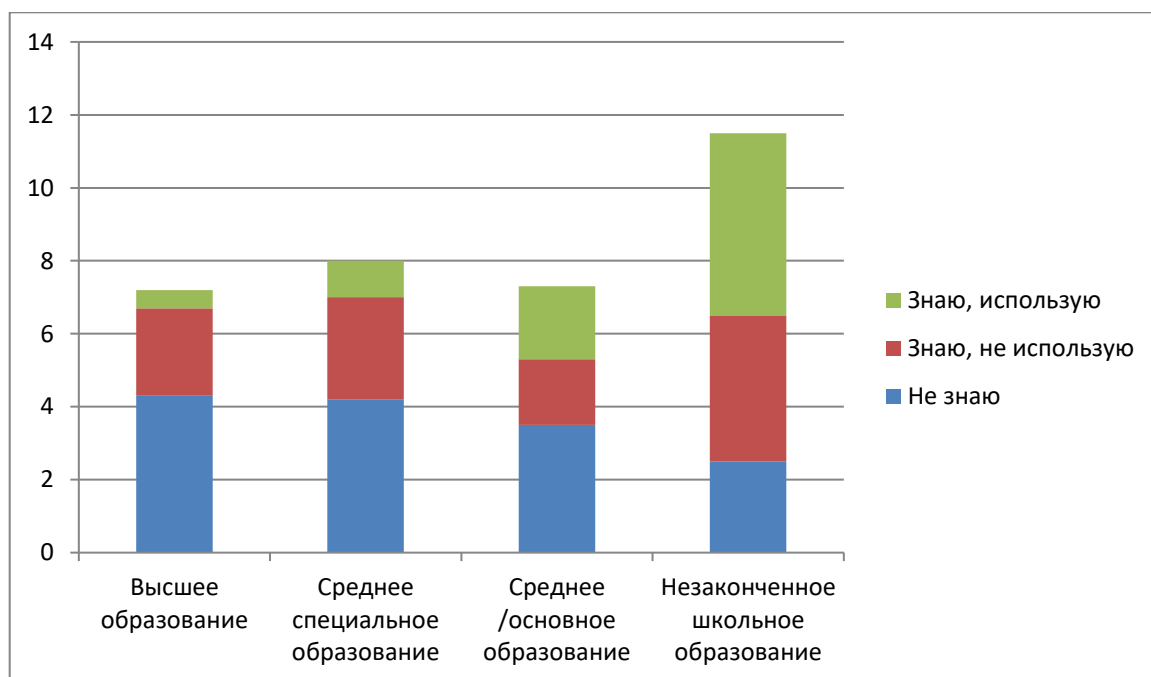

Рис. 3. Соотношение параметров знания и использования с учетом образования

Таким образом, диалектные единицы чаще фиксируются местными жителями как неизвестные или малоизвестные. Однако достаточно большое количество диалектных единиц обозначаются как знакомые респондентам, тем самым подтверждая гипотезу о сохранности диалектных единиц, но выходе их из активного употребления.

Статистические данные в рамках проведенного социолингвистического исследования позволяют рассмотреть лексику чирской группы донских говоров с точки зрения ее активного и пассивного употребления и выделить три группы.

1. Лексические единицы, отмеченные в речи местных жителей, имеют неустойчивый характер функционирования и не вступают в активное употребление, то есть это диалектная лексика пассивного употребления.

Под лексикой пассивного употребления в работе понимается «часть словарного состава языка, состоящая из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений или лексических единиц, известных только части носителей языка, используемых только в отдельных функциональных разновидностях языка...» [Ярцева, 1991, с. 369]. Ср.: *арба* ‘длинная высокая повозка с решетчатыми бортами’ (3)¹, *алевада / алевад* ‘место, занятое садом или огородом за усадьбой или у реки’ (12), *донце* ‘приспособление для прядения, доска с гнездом для гребня’ (3), *дышлина* ‘часть упряжки лошади, дышло’ (3), *дышловка* ‘телега с дышлом для пары лошадей’ (4), *запалки* ‘спички’ (7), *заналыга́ть* ‘надеть повод – налыгач – на рога быка или коровы’ (10), *пятистенный дом / пятистенок* ‘дом, разделенный капитальной стеной на две части’ (8) и др.

Такие диалектизмы отмечены в речи потомственных казаков, чаще в воспоминаниях о прошлой жизни. Данные диалектные лексические единицы выходят из употребления по причине изменения объективной действительности, так как уходят из повседневного обихода жителей обследуемой территории предметы и явления прежнего быта. Приведенные примеры можно отнести к

---

¹ Здесь и далее цифра в скобках обозначает число информантов, которые используют указанное слово в речь.

одному из типов устаревшей лексики – историзмам. Однако устаревание слов – это длительный процесс. Б.Ю. Норман выделяет одну из причин выхода из употребления тех или иных слов – «изменение ментальной системы социума, дезактуализацию каких-то понятий» [Норман, 2016, с.22]. В данном случае в языке появляются нотиолизмы – слова, уходящие из лексикона по причине утраты носителем языка соответствующих понятий, при том что сами реалии как элементы объективной действительности сохраняются [Норман, 2016, с. 27]. Такие единицы встречаются и в говорах. В чирской группе донского диалекта можно выделить следующие нотиолизмы: *амуниця* ‘одежда’ (4), *найда* ‘приемный ребенок’ (9), *жалюн* ‘ухажер’ (12), *аманат* ‘обманщик, мошенник, жулик’ (14), *аманатка* ‘нечестная женщина, обманщица’ (18).

Анализ диалектного материала показывает, что в представленной группе пассивной лексики наблюдаются общезыковые процессы устаревания слов.

2. Лексические единицы, которые употребляются некоторыми диалектоносителями (лица старше 60 лет), – лексика ограниченного употребления.

Лексические единицы, составляющие вторую группу, употребляются лишь некоторыми диалектоносителями (лица старше 60 лет). Ср.: *аэропланчик* ‘насекомое стрекоза’ (16), *донец* ‘конь донской породы, дончак’ (14), *дуплё* ‘дупло’ (9), *дыря* ‘дыра’ (26), *жовка* ‘нажеванный хлеб, который дают сосать грудным детям’ (19), *жевлак* ‘шишка на теле или под кожей’ (32), *замёт* ‘запуск невода в водоем’ (12), *бабичий* ‘женский’ (31), *духмяный* ‘издающий сильный, приятный запах’ (26), *дощатчатый* ‘сделанный из досок, дощатый’ (16), *жалеть* ‘любить, заботиться о ком-л.’ (48), *жилять* ‘жалить’ (32), *забрунчать* 1) ‘зажужжать (о насекомых)’ (14); 2) ‘заиграть, зазвучать’ (21), *зажежёнить* (*зажежёниться*) ‘загустеть, затвердеть, подсохнуть (о почве, грязи)’ (36), *замстило* ‘не сохраниться в памяти, забыться’ (43), *запеснячивать* ‘начинать петь, запевать песню’ (39), *досель* (*доселе*) ‘до этого места’ (41), *дунь-полети* ‘о чистоте и порядке’ (28), *дыбки* (*на дыбки, в дыбки*) ‘на задние ноги, на дыбы’ (53) и др.

По нашим наблюдениям, такие диалектные единицы активно употребляются пожилыми жителями первого поколения и являются, по видимому, принадлежностью идиолекта. Пожилые жители старше 60 лет редко отмечают эти слова как диалектные, по их мнению – это «обычные слова», «так все говорят». Напротив, информанты других возрастных групп, особенно дети и молодежь, считают такие диалектные единицы непрестижными и «старыми».

3. Лексические единицы, которые употребляются носителями всех представленных в данной работе социальных категорий, – это диалектная лексика активного употребления. К лексике активного употребления относятся «слова, которые говорящие на данном языке не только понимают, но и употребляют» [Ярцева, 1991, с. 369]. Ср.: *доня* ‘дочь’ (35), *доктор* ‘комнатное растение, алоэ’ (97), *дроблёнка* ‘дроблёное зерно’ (98), *жалечка* (*жалюшка, жаль*) ласк. ‘любимая, милая, дорогая, возлюбленная’ (96), *саманный дом* ‘тип жилого строения: дом из самана’ (51), *долдеть* ‘упрямо твердить, настойчиво повторять’ (47), *донетрить* ‘понять, додуматься’ (42), *дражнить* 1) ‘дразнить, умышленно раздражать чем-л.’ (56); 2) ‘давать прозвища’ (61), *дудолить* ‘сосать грудь, вымя, соску’ (83), *жалеться* ‘ласкаться’ (93), *забогатеть* ‘стать богатым, разбогатеть’ (91), *законошиться* ‘начать хлопотать, суесться, засуесться’ (84), *заныкать* ‘засунуть, поместить куда-л.; спрятать’ (100), *должей* ‘дольше, более долго’ (67), *дюжей* ‘сильнее’ (91), *на дурняка* ‘не считаясь с препятствиями, обстоятельствами, не ограничивая себя’ (72), *ентот*. 1) указ. мест. ‘указывает на отдаленный предмет; тот’ (64); 2) указ. мест. ‘указывает на близлежащий предмет; этот’ (59), *ажнак* (*ажнык*) ‘даже; так что’ (100) и др. В этой группе большую часть составляют диалектные единицы, характеризующие человека и его повседневную жизнь. Здесь широко представлены семантические ряды и лексико-словообразовательные варианты, что, на наш взгляд, обуславливает активность употребления данных единиц.

Отнесение диалектного слова в чирской группе к одному из выделенных типов, во-первых, говорит о принадлежности такой единицы к активному или

пассивному словарю речи жителей обследуемых территорий; во-вторых, указывает на укоренение диалектной единицы в разговорной речи информантов.

Рассмотренная диалектная лексика пассивного, ограниченного и активного употребления подтверждает одну из особенностей современного состояния народных говоров, которая заключается в единовременном сочетании изменчивости и устойчивости диалектной лексики. Несмотря на разрушение традиционного уклада жизни в сельской местности, определенная часть диалектной лексики остается коммуникативно значимой.

Итак, социолингвистическая интерпретация результатов исследования лексической системы чирской группы донских говоров позволила установить соотношение демографических параметров со степенью владения говором чирской группы.

3.3. Функционирование чирской группы донских говоров в XXI веке: основные тенденции

Процессы, происходящие в чирской группе донских говоров на современном этапе их развития, присущи по большей мере тем интеграционным изменениям, которые происходят в языке диалекта в целом. «Наблюдающиеся в частных диалектных системах трансформации, происходящие под влиянием литературного языка, просторечия, интеграции с другими языками и диалектами, свидетельствуют о сближении диалектов, нивелировании различительных черт и выработке общих особенностей, свойственных языку региона в целом» [Архипова, 2016, с. 11]. Это относится и к чирским говорам донского диалекта.

В исследуемых говорах наблюдается зависимость функционирования диалектной лексической системы от совокупности взаимодействующих экстралингвистических факторов. К внеязыковым факторам, влияющим на существование чирской группы донских говоров, относятся социальные, историко-культурные условия формирования казачьего субэтноса.

Одним из внешних факторов, который способствует сохранению диалектных лексем на территории бывшего Второго Донского округа, можно назвать социально-психологический. Известно, что при формировании речевых навыков человека наиболее важным оказывается языковое окружение, в нашем случае – это диалектная среда. Преодоление местных особенностей в речи, даже если эта речь полностью подчинена самоконтролю, – процесс очень сложный и длительный. «Главной преградой в этом отношении является автоматизм, устойчивый и последовательный, присущий всякой родной речи» [Коготкова, 1979, с. 152].

Роль родного языка на обследуемой территории часто выполняет чирской говор. Понимая экспрессивную и номинативную важность единиц диалектного происхождения, местные жители вводят их в свою речь. Однако необходимо заметить, что такое «языковое» поведение характерно для речи жителей, сохранивших особое отношение к казачьему происхождению и родному говору. В этой связи значимыми являются диалектные слова, которые отражают разные сферы жизни народа, аккумулируют в себе установки и мировоззренческие ценности казачьей культуры. К примеру, в речи многих местных жителей активно функционируют диалектные лексемы, характеризующие человека и его повседневную жизнь. Ср.: человек (*учёный* ‘умеющий читать, писать, грамотный’, *косонды́лый* ‘хромой’, *прожóристый* ‘прожорливый’); предметы повседневного обихода (*корéц* ‘половник’, *лапту́шка* ‘деревянная палка для размешивания готовящейся для домашних животных пищи (обычно каши)’, *кафё́ник* ‘небольшой бидон, ёмкостью до 5 литров’, *ла́нна* ‘лампа’); сельскохозяйственная деятельность (*ба́кча* ‘поле, на котором выращиваются арбузы или дыни; бахча’, *волочи́ть* ‘разрыхлять вспаханную землю, бороновать’); животные (*утя́тник* ‘собака охотничьей породы, используемая на охоте на дичь’, *телу́шка* ‘тёлка по третьему году’, *бирючиха* ‘самка волка, волчица’); растения (*кружóвник* ‘крыжовник’, *тёрен* ‘колючий кустарник или дерево рода сливы, а также его плоды’); ландшафт (*мо́ре* ‘Цимлянское водохранилище’, *бугри́на* ‘высокий бугор, возвышенность’); обычаи и обряды (*перевстрéвaть свадьбу* ‘останавливать

свадебный кортеж, чтобы получить выкуп за проезд’, *пóртить* ‘наводить на кого-либо порчу’, *шептáть* ‘лечить или наводить порчу с помощью заговоров’) и др.

В то же время в речи диалектоносителей реже встречаются лексические единицы, называющие ушедшие из обихода реалии или характеризующие ремесленную и промысловую деятельность местного населения. Ср.: *будáрка* ‘небольшая двухвёсельная лодка’; *венгёрка* ‘часть печи, наружный выступ, расположенный над устьем русской печи’; *веретёнка* ‘простое приспособление для прядения, веретено’; *кизёк* ‘сухой спрессованный навоз, используемый в качестве топлива’; *косá* ‘острый, слегка закруглённый нож для окончательного снятия волоса со шкуры’; *катерíнка* ‘приспособление для взбивания шерсти’; *постова́л* ‘валяльщик валенок, войлока из шерсти’ и др.

Таким образом, одна из тенденций функционирования современных чирских говоров заключается в том, что наибольшей устойчивостью обладают эмоционально-оценочная лексика, характеризующая человека, предметная лексика, называющая реалии повседневной действительности. Напротив, утрачиваются диалектные названия старых, вышедших из употребления предметов.

Пестрота диалектных слов, зафиксированных в речи жителей обследуемой территории, и многообразие характеристик, применяемых к этим лексемам, обусловлены различными функциями, свойственными этим единицам. Многие исследователи говорили о специфике, которой обладает диалектное слово сравнительно со словом литературного языка (В.Д. Лютикова, В. А. Салимовский, Ф. Л. Скитова и др.). Такие его качества, как меткость, семантическая ёмкость, выразительность, образность живого народного слова, «являются постоянно действующей силой, обуславливающей продвижение диалектного слова в лексику литературного языка во все эпохи» [Салимовский, 2002, с. 64].

Функциональная специфика слов диалектного происхождения в коммуникативном пространстве является следствием особого предметно-понятийного и эмоционально-экспрессивного содержания таких единиц. Они активно выполняют номинативную и экспрессивную функции. «Обе эти функции реализуют намерение говорящего: 1) создать необходимую для акта общения

номинацию; 2) получить экспрессивное средство, сама форма которого обладает особой выразительностью» [Земская, 1981, с. 85].

Выполняя номинативную функцию, диалектные слова чирской группы донских говоров служат наименованиями реалий из разных сфер жизни человека. Ср.: бытовая сфера (*каньиш* ‘открытый пирог с начинкой из каймака и яиц’, *иря́н* ‘напиток из разведенного водой кислого молока’, *бирючо́к* ‘самодельная игрушка юла’); культурная сфера (*Казáнская* ‘церковный праздник в честь Казанской иконы Богородицы’, *Его́рий* ‘церковный праздник – день памяти святого Георгия’); сакральная сфера (*шүтов палец* ‘длинный камень-голыш, обладающий, по народному поверью, целебными свойствами’, *погруже́нье* ‘обряд крещения без священника’). Широко используются лексические единицы чирских говоров для номинации человека: *аманáтка* ‘нечестная женщина, обманщица’, *секелю́шка* ‘непостоянная в выполнении какого-либо действия женщина’, *чистопло́тница* ‘женщина, содержащая дом и хозяйство в чистоте и порядке’. Лексические единицы чирских говоров обогащают также речь наиболее экономными средствами номинации при обозначении актуального в обиходе явления, не имеющего однословного эквивалента в общелитературном языке: *закогорóдиться* ‘слишком долго пробыть на гулянье, долго и шумно веселиться в компании’, *зачака́нивать* ‘заделывать щели чаканом’, *поддехте́ривать* ‘соглашаться с мнением кого-либо неоднократно’).

Поскольку структуре устной речи описательные обороты не свойственны, то «устная речь стремится выразить значение со всеми его оттенками в одном ярком слове» [Матвеева, 1986, с. 70]. Диалектное слово, обладая семантической ёмкостью, успешно выполняет такую функцию. В качестве примеров могут выступить следующие диалектизмы чирской группы: *базы́* ‘часть казачьей усадьбы, на которой находится скот’; *бадья́* ‘объемная посуда, чаще всего для пищевых отходов’; *карпя́тки* ‘обрезанные сапоги или валенки’; *прико́лка* ‘английская булавка’; *зады́* ‘задняя часть двора или усадьбы’; *завёртка* ‘сверток с конфетами, печеньями, даваемый после поминального обеда поминающим’;

жмёня (варианты *жмёнь / жмёнька*) ‘ладонь с пальцами руки, сложенными для зачерпывания чего-либо’.

При этом диалектные слова вступают в родовидовые отношения с единицами литературного языка, становясь специфическими родовыми наименованиями к соответствующим видовым литературным наименованиям и, наоборот, видовыми – к родовым. Например, для номинации детских игрушек с крутящимися элементами (вертушки, палки-каталки, машинки-перевертыши, крутящиеся погремушки, детские мельницы и др.) используется диалектное слово *крутушка* (*Дай яму крутушку, а он будить хадить забавляться. У правнучка какая-та крутушка, бяжыть – ана крутица*). В качестве примера видовых наименований можно привести различные названия вёдер в чирских говорах. Так, литературному названию *ведро* соответствуют видовые номинации *цибáрка* ‘ведро большого размера’ (*В этих цибарках я каровам нашу воду*), *ведрушка* ‘ведро среднего размера’ (*Атняси две видрушки вады в баню*), *ведрушóнка* ‘ведро маленького размера’ (*Малины мала, видрушонку тока нарвала*), *доёнка* ‘ведро для дойки коров’ (*В белую видрушку ни высынай памидоры, эта даёнка*). Более общее понятие здесь разделено на более частные – видовые.

Диалектные лексические единицы также способны дать известной реалии новую номинацию, мотивационно более предпочтительную, с очевидной внутренней формой. В связи с этим актуальной является мысль О.И. Блиновой: «...слова, ясные в словообразовательном или этимологическом отношении, при прочих равных условиях (степень употребительности, характер предметной соотнесённости и пр.) легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишённые мотивации» [Блинова, 1972, с. 94]. Ср.: *курчóнок* ‘подросший цыплёнок’ (структурно соотносится с литературной словообразовательной моделью – существительное с суффиксом *-ок* с уменьшительным значением); *докочетítься* ‘своим вздорным задиристым поведением довести себя до неприятных последствий’ (лексически соотносится с диалектным словом *кóчет* ‘петух’); *алалушка* ‘болтливая женщина’ (лексически соотносится с диалектным словом *алалáкать* ‘говорить вздор’); *залóжка*

‘задвижка, засов’ (лексически соотносится с диалектным словом *заложиться* ‘закрыться, запереться на запор, заложку’).

Слова чирской группы донских говоров могут отличаться от слов литературного языка большей выразительностью, так как отражают характерные признаки реалий, которые вызывают различные ассоциации, обращая на себя внимание. К примеру, глагол с семантикой ‘побить’ представлен лексическими единицами: *отяудить* ‘побить’, *отстябать* ‘сильно бить чем-либо гибким’, *отутюжить* ‘сильно побить, поколотить’, *отвалтузить* ‘побить, таскать по земле’, *отяужить* ‘ударить палкой, хворостиной’.

Таким образом, еще одна тенденция функционирования диалектных слов в речи местных жителей обусловлена номинативными возможностями таких единиц, их способностью вступать в родовидовые отношения со словами литературного языка, заменять немотивированные слова мотивированными, что поддерживается семантической емкостью и выразительностью диалектизмов.

Привлечение в большом объеме диалектных средств, имеющих эмоционально-экспрессивный характер, отражает свойственную устной разговорной речи тенденцию к повышенно эмоциональному способу выражения, связанному с непринужденностью, раскованностью отношений между коммуникантами. С этим связана высокая степень её эмоциональности и экспрессивности.

Экспрессивно-оценочные и эмоциональные элементы в чирских говорах представлены лексическими единицами, в значении которых содержится усиление признака оценки или эмоции. Например: *идолю́ка* ‘о человеке, вызывающем осуждение окружающих’ (*Ух, ты, идалюка праклятый*), *заполóшный* ‘неуравновешенный, взбалмошный, скмасбродный’ (*А я, дурра запалошная, тибя паташыла*), *охáлистый* ‘несуразный, нескладный, непривлекательно выглядящий’ (*Жана у няво ахалистая такая, страшная*), *ни зада ни переда* ‘о некрасивом, непривлекательном, худом человеке (обычно женщине)’ (*И чё он в ней нашёл, ни на каво ни пахожа, ни зада ни переда*), *на свой*

хахряк ‘проявлять упорство, не соглашаясь с мнение других’ (*Ни нада была пиреть на свой хахряк*).

В чирских говорах встречаются различные средства экспрессивной выразительности. В ходе исследования отмечено широкое распространение суффиксации. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами употребляются с целью смягчения речи: *лістушки* ‘листья’ (*Листушки каровам сабираю руками, чтоб ани чистые были*), *ручушки* ‘руки’ (*Ручушки фсе патрескались*), *жідочкий* ‘жидкий, жидковатый, жиденский’ (*Жидачкий суп свари*), *рównочко* ‘гладко, плоско, ровно’ (*Кравать застелина рównачка*), *хорошэнечко* ‘хорошо, правильно’ (*Харашеничка падумай*); для выражения ласки, любви: *дóчушка* ‘дочь’ (*Дочушка пришла ка мне и давай камисарить*), *бабу́синка* ‘мать отца или матери, бабушка’ (*Эта ат бабусинки ишо стол асталси*), *жа́люшка* общего рода ‘милый, дорогой, желанный’ (*Ты мой жалюшка такой!*).

Отрицательные экспрессивно-эмоциональные элементы также характерны для слов с определёнными суффиксами в чирских говорах. Такие лексические единицы приобретают оттенок пренебрежительности, неуважительности: *заборі́шка* ‘изгородь в ветхом состоянии’ (*Забаришка весь пакасилси*), *картаве́нка* ‘картофель’ (*Картаве́нка плоха урадилась в этом гаду*), *корове́нка* ‘корова’ (*Караве́нка у них фся занужоная, ани иё ни кормяты*), *пальтушо́нка* ‘пальто’ (*Пальтушонку-та купила какую-ту тонкую*), *юбчо́нка* ‘юбка’ (*Видила иё, пабегла на нашый улицы в ющонки краснай*).

Для выражения экспрессии часто употребляются прилагательные со сложными префиксами *нена-*, *неу-*, *попере-*, *попри*, *попо-*: *ненаёденный* ‘голодный, ненакормленный’ (*Карова ненаеденая асталась*), *неулёглый* ‘не уплотнившийся от долгого лежания, неслежавшийся’ (*Зимля тут неулёглая пака*), *попересажа́ть* ‘пересажать всех или многих’ (*Всех бандитаф если ба папирисажали, и спакойний бы жылось*), *попередéлать* ‘пределать все или многое’ (*Ана адна жывёт, папириделаеть фсе и сидит на лавачки*), *поприбива́ть* ‘прибить все, что нужно, многое’ (*Новый чилавик как пришол, фсе паприбивал, позабивал*), *попривяза́ть* ‘привязать все или многое’ (*Ты фсех кос папривязал?*), *поприéхать*

‘приехать (обо всех многих)’ (*В начали двухтысящных мого тирусиленцыф паприехали*), *поповарить* ‘сварить все или многое’ (*Крупну фсю курям паповарила*), *попоесть* ‘съесть все или многое’ (*Картошку нада папаисть, а то папрарастеть*), *поповалять* ‘свалить все или многое, в большом количестве’ (*Кабель забех ф кухню, фсе вядрушки паповалял*), *поповырубить* ‘вырубать все или многое, повырубать’ (*Морю када делали, весь лес паповырубали*), *попозабыть* ‘позабыть все или многое, позабыть’ (*Ничё я вам ни расскажу, уже фсе папазабыла*), *пополить* ‘полить все, полностью’ (*Нада сёдня агарот фесь папалить*), *попомереть* ‘скончаться, умереть (обо всех, многих)’ (*На нашый вулачки два чилавека астались, астальныи фсе папамерли, а была десять дамоф*), *попомёрзнуть* ‘пробыть некоторое время на морозе, страдая от холода, замёрзнуть всем, многим’ (*Среш капусту, а то папамёрзнить*), *попонарезать* ‘нарезать многое, в большом количестве’ (*Папанарезать сразу хлеба*), *попонасажать* ‘посадить, насажать многое, в большом количестве’ (*Папанасажала гародаф, а ухажывать силы нету*), *попообвалиться* ‘обрушиться, упасть, обвалиться’ (*Папаобвалился весь хундаминт у бани*), *попоспрятать* ‘спрятать многое, в большом количестве’ (*Папаспрятай канфеты, а то зараз фсе съядять, а патом будить хатеца*).

Характер многих языковых изменений можно выявить только при сопоставлении современного значения с более ранним. Соотношение языковой структуры и языкового развития играет здесь особо важную роль, поскольку синхронные отношения есть принципиально лишь промежуточные стадии в общественном развитии.

Изучение диалектной лексики на синхронном срезе подразумевает статистическое констатирующее описание и инвентаризацию лексических единиц того или иного говора. Для полного комплексного и глубокого исследования развития лексико-семантической системы языка необходим и исторический ракурс изучения, то есть диахронический подход.

Исключительно устный характер говоров затрудняет непосредственное изучение лексики в диахронии. Это возможно только при сопоставлении данных

языка двух–трех поколений носителей говора и более ранних исследований, проведенных диалектологами.

В ходе работы был проведен сопоставительный анализ исследуемого материала с лексемами из «Словаря донских говоров Волгоградской области», которые были зафиксированы на указанной территории ранее (начало словаря восходит к 1959 г., когда его авторы начали организовывать полевые экспедиции, на базе записей которых и стал составляться словарь), по следующим критериям: 1) лексические единицы, полностью совпадающие с данными СДГВО; 2) лексические единицы, частично совпадающие с данными СДГВО; 3) лексические единицы, зафиксированные в СДГВО, но в речи жителей в настоящее время не встречаются; 4) лексические единицы, зафиксированные в речи местных жителей, но отсутствуют в СДГВО.

Полученный результат отражен в процентном соотношении в диаграмме на рис. 4.

Рис. 4. Соотношение с данными СДГВО

1. Лексические единицы, полностью совпадающие с данными СДГВО, представляют самый широкий пласт – 40%, и охватывают многие сферы жизни человека. Ср.:

– *жа́лостник* ‘отзывчивый, сострадательный человек’ [СДГВО,130]; *жа́люшка* ‘ласк. милый, родной, дорогой, желанный (часто при обращении)’ [СДГВО, с. 131]; *долбану́тый* ‘глупый, неразвитый, неразумный’ [СДГВО, с. 61]; *допе́трить* ‘понять, додуматься’ [СДГВО, с. 70]; *занедю́жить* ‘заболеть, захворать, стать больным’ [СДГВО, с. 226]; *деды́* ‘родители жениха или невесты’ [СДГВО, с. 27];

– *циба́рка* ‘железное ведро, кверху шире’ [СДГВО, с. 109]; *завэ́ска* ‘женский фартук, передник’ [СДГВО, с. 179];

– *пласти́нный дом* ‘тип казачьего строения: дом из распиленных пополам брёвен или толстых досок, пластин’ [СДГВО, с. 65]; *заку́т* ‘хлев, сарай для мелкого скота’ [СДГВО, с. 213];

– *дубья́* ‘дубы’ [СДГВО, с. 89], *абрикóсина* 1. ‘Одно абрикосовое дерево’. 2. ‘Плод абрикоса’ [СДГВО, с. 61];

– *желтопу́з* ‘неядовитая змея, полоз, желтобрюх’ [СДГВО, с. 140];

– *жарю́ка* ‘сильная жара’ [СДГВО, с. 134]; *закури́ть* ‘начать мести (о метели, вьюге)’ [СДГВО, с. 184];

– *перексти́ться* ‘перекреститься’ [СДГВО, с. 141]); *пошепта́ть* ‘полечить заговором, оказать действие на кого-, что-либо заговором’ [СДГВО, с. 247]);

– *должéй* ‘дольше, более долго’ [СДГВО, с. 63]; *завидно* ‘пока светло, не стемнело, засветло’ [СДГВО, с. 177]; *но́нча* ‘сегодня’ [СДГВО, с. 340], *ши́роко* ‘широко’ [СДГВО, с. 540].

2. Лексические единицы, частично совпадающие с данными СДГВО, также представляют значительную группу – 30%. Здесь можно выделить следующие основные отличия:

1) некоторые диалектные слова в СДГВО зафиксированы как многозначные, например: *досу́жий* 1. ‘Излишне любопытный, способный все замечать, приметливый’. 2. ‘Трудолюбивый, усердный в работе’ [СДГВО, с. 74], а в современных чирских говорах встречается только в одном значении ‘излишне любопытный, способный все замечать, приметливый’ (Н-Чир);

2) часть диалектных слов, имеющих синонимичное название, уходят из употребления. Например, в СДГВО слова *дотумкать* и *дотюпать* даются с одним значением ‘додуматься, догадаться’ [СДГВО, с. 74]. Нами же зафиксировано с этим значением только слово *дотумкать*;

3) ряд лексических единиц, зафиксированных в СДГВО и в современных диалектах, отличаются оттенками значения. *Докара́читься* ‘своим лазаньем по чему-либо довести себя до неприятных последствий; долазиться’ [СДГВО, с. 59]. В современных чирских говорах *докара́читься* ‘довести своим упорством и несогласием до неприятных последствий’ (*Ты вот дакарачишиси, и папруть с работы*). *Домосёд* ‘человек, присматривающий за домом, хозяйством’ [СДГВО, с. 68]. В современных говорах зафиксировано значение ‘человек, который постоянно находится дома, редко куда-либо выходит’ (*Все играть бегали, а он дамасет, так и сидить дома*). *Алатарничать* ‘произносить речи, ораторствовать’ [СДГВО, с. 21] – *алатарничать* ‘много разговаривать, пустословить’ (*Он как нащнет алатарничать, ажнык слухать ни хочица*);

4) некоторые лексемы в словаре имеют значение, которое в современных чирских говорах реализуется иным диалектным словом. Например: *завариха* ‘жидкая каша из муки с фруктами’ [СДГВО, с. 173]. В современных чирских говорах с данным значением употребляется слово *кисель*. *Жарёха* ‘сковорода’ [СДГВО, с. 132], а в современных чирских говорах – ‘жареное мясо, картофель и т.п.’ (*Эта карташина на жарёху няхай*);

5) отдельные диалектные слова, активно функционирующие в диалекте, отличаются от зафиксированных в словаре одной или несколькими морфемами: *зава́стривать* ‘делать острым, заострять’ [СДГВО, с. 173]. В современных чирских говорах встречается вариант *зава́стря́ть*;

б) некоторые слова расширяют свою семантическую структуру, развивая добавочные значения. *Едовой* ‘годный в пищу, съедобный’ [СДГВО, с. 115]. В современных чирских говорах зафиксировано еще одно значение – ‘посуда, пригодная для помещения в нее еды’ (*Энта ядовьи чашки, в них не пайдеть дело шкорки класть*). *Душа с телом расстаётся* 1. ‘Употребляется как выражение

сильного эмоционального потрясения, высшей степени радости, восторга'. 2. 'Кто-либо испытывает чувство сильного испуга'. 3. 'Кто-либо тяжело болен' [СДГВО, 105]. В чирских говорах встречается еще одно значение – 'состояние сильной физической усталости от тяжелой работы' (*Я пришла с памести, все, душа с телом расстается, ну, паидела трошки, пашла управляться*).

3. Лексические единицы, которые зафиксированы в СДГВО, но в речи жителей в настоящее время не встречаются, составляют 20% от всего материала. В основном это те слова, которые обозначают предметы, вышедшие из обихода. Например, *дóнце* 'приспособление для прядения, доска с гнездом для гребня' [СДГВО, 69]; *дышлина́* 'часть упряжки лошади, дышло' [СДГВО, с. 109]; *жураве́ц* 'длинный шест с противовесом, служащий рычагом при подъеме воды из колодца' [СДГВО, с. 159]; *завáлка* 'использованная для дубления дубовая кора' [СДГВО, с. 172].

Однако есть названия реалий, не ушедших из обихода, что свидетельствует о вытеснении диалектных слов литературными. Иногда замена устаревшего диалектного слова происходит единичной литературной лексемой, например *жарни́чка* 'звездочка. Венера' [СДГВО, с. 133], или описательной конструкцией литературного языка, например *абрэ́к* 'нахальный, настырный, своевольный человек' [СДГВО, с. 59], *дрочёна* 'пышка из кислого теста на яйцах' [СДГВО, с. 84].

4. Лексические единицы, зафиксированные в речи местных жителей, но отсутствующие в СДГВО. Это самая малочисленная группа слов (10%), которая требует дальнейшего детального изучения. Назовем лексические единицы, которые были записаны во время диалектологических экспедиций в обследуемых говорах: *наказáть* 'напомнить' (*Ты яво если увидиш, накажи, няхай забяжить ка мне*); *дóлбить* во 2-м лице 'бить постоянно, длительное время, поколачивать' (*Ана мне тут знаишь как долбить*); *долдóнить* 'повторять одно и то же, надоедать бессмысленными высказываниями' (*Да хватить табе далдонить*); *дúмки думать* 'задумываться о ком-л или о чем-либо' (*Я жа ни хажу никуда, так ляжу, думки думаю*); *крутя́к, крутячо́к* 'еда без жидкости' (*Жидачку слить с барша, а*

крутячок оставить); *жилы рвать* ‘сильно напрягаться’ (*Сколько жэ яму можна жилы-та сваи рвать*); *бьётъ-курить* ‘о метели, вьюге’ (*Втарой день бьётъ, курить*); *наваландать* ‘недолго, быстро постирать’ (*Паваландай, наваландай и кинь на плитень*); *зашипеть* ‘прокиснуть’ (*Борш не поставила в халадильник, а он зашипел*); *шмўтки* ‘остатки пищевых продуктов’ (*Шмўтки ат кампота выкинуть утям*); *подъёдывать* ‘есть после основного приёма пищи’ (*А картошку ни ставь в халадильник, ты жэ будишь ищѐ подъёдывать?*); *замазанка* ‘неряшливый, грязный, неаккуратный, запачканный человек’ (*Я лазила в траве в грязнай плати, а ани падашли к забору, скажутъ, бабка замазанка какая*); *скалябка* ‘небольшая плоская емкость, обычно контейнеры от приобретенных в магазинах продуктов’ (*Скалябка – эта ат сяледки, например, банка осталась, а я в ней катов кармлю*); *чвёркать* ‘поливать небольшим напором воды’ (*Пабяги, пачвиркай памидоры трошки*).

Таким образом, анализ языкового материала показывает, что в целом лексическая система чирской группы донских говоров подвергается трансформации под влиянием литературного языка, просторечия, молодёжного сленга, однако по ряду признаков можно говорить и о некой тенденции к сохранности диалектных слов.

Отсутствие интенсивного разрушения диалектной системы подтверждается исследованиями ученых Л.И. Баранниковой, Р.И. Кудряшовой, которые отмечали, что особенности внутренней организации диалектных систем препятствуют интенсивному их разрушению [Баранникова, 1987; Кудряшова, 1998]. Именно поэтому, несмотря на активное воздействие литературного языка, современные чирские говоры сохраняют многие архаические черты. Новые элементы, проникающие в говор из литературного языка и других литературных систем, сосуществуют со старыми, издавна присущими данной системе, по-разному проявляясь в различных культурно-возрастных группах местного населения и в различных функционально-речевых стилях.

О достаточно устойчивой лексической системе чирской группы донских говоров может свидетельствовать сопоставление современных результатов

исследования с наблюдениями Л.М. Орлова, которые были зафиксированы в конце XX в. Учёный отмечал, что «повсюду в говорах Подонья распространены: *баз* ‘двор’, *волочить* ‘бороновать’, *гамазом* ‘вместе’, *годить* ‘ждать’, *иря́н* ‘разведенное водой молоко’, *крича́ть* ‘плакать’, *неха́й* ‘пусть’, *обры́днуть* ‘надоесть’, *пузы́рь* ‘ламповое стекло’, *сика́ть* ‘капризничать’, *чирикí* ‘башмаки’» [Орлов, 1984, с. 69]. Все эти слова активно функционируют и в современных донских говорах чирской группы. В работах Л.М. Орлова также отмечено, что среди названий отдельных реалий в донских говорах нередко совсем отсутствуют наименования, тождественные общенародным, литературным. Примером может служить ‘название помещения между потолком и крышей’. «В говорах на юго-востоке и юго-западе повсеместно распространено название *пóдловка*. Отсутствует также и слово *подпóлье* в значении ‘помещение под полом’. Повсеместно распространён диалектизм *пóдпол* [Орлов, 1984, с. 69]. Данные наблюдения находят свое отражение и в нашем исследовании с одним дополнением – в настоящее время в значении ‘помещение под полом’ активно функционирует и еще один диалектизм – *низы́*.

Исследование современного состояния чирской группы донских говоров показывает, что для диалектоносителей эти говоры продолжают оставаться престижными, так как лексические единицы, зафиксированные больше полвека назад, продолжают активно функционировать в речи местных жителей – 40% лексических единиц, зафиксированных в современных исследуемых говорах? полностью совпадают с данными СДГВО и охватывают разные сферы жизни человека.

Чаще всего уходят из употребления те диалектные слова, которые обозначают предметы, вышедшие из обихода.

В целом, говоря о языковых современных процессах в чирской группе донских говоров, можно отметить частичную утрату диалектных особенностей. Местное население усваивает не только нормы устной литературно обработанной формы национального языка, но и просторечие, молодежный сленг, иностранные слова, которые вытесняют местный диалект. Однако процесс усвоения данных

языковых форм не одновременно и не с одинаковой полнотой охватывает язык всех групп населения. Больше всего этому воздействию подвергается речь молодежи, меньше всего – речь пожилого коренного населения.

Однако новые слова не сразу и не легко входят в чирские говоры, так как усвоение нового слова связано всегда с усвоением, прежде всего, его значения. До тех пор, пока не будет ясно значение слова, оно не может быть и усвоено. На усвоение новых слов влияет и трудное их произношение, например, в чирских говорах в речи пожилого населения отмечены такие слова, как *компютер* ‘компьютер’, *книжка* ‘планшет’, *джины* ‘джинсы’, которые не относятся к диалектизмам, но указывают на медленное проникновение новых слов в диалектную среду.

Многими учеными доказано, что проникновение в говор новых лексических единиц сопровождается сложными лексико-семантическими процессами внутри диалектной лексической системы. При столкновении литературной и диалектной лексем, как правило, вытесняется диалектное слово. Наблюдается процесс семантической дифференциации слов, первоначально принадлежащих разным языковым системам и имевших соотнositельно одинаковые значения, что приводит к появлению смысловых и стилистических синонимов. Например, *играть песню* в значении ‘петь песню’ не встречается в повседневной речи, однако активно используется в местных художественных ансамблях для подчеркивания казачьего колорита.

Чирские говоры донского диалекта, являясь одной из форм межличностного общения, выступают как средство общения во время локально ограниченных занятий жителей данной местности. Литературным словом пользуются в официальной обстановке, а в домашней среде продолжают функционировать диалекты.

Выводы по главе 3

1. Социолингвистический характер исследования лексической системы чирской группы донских говоров позволил выявить лексику разной степени активности; установить уровень знания и употребления собранных лексических единиц; определить степень активности исследуемой лексики от социально значимых факторов.

2. Социально значимыми факторами функционирования диалектных лексических единиц в речи местных жителей являются возраст и уровень образования. Включение диалектных слов в коммуникативное пространство на территории функционирования чирских говоров обусловлено отчасти социально-психологическим фактором: функциональной значимостью семейного языка и престижностью казачьего диалекта.

3. Лексика чирской группы донских говоров Волгоградской области обладает, с одной стороны, высокой степенью стабильности и сохраняет архаичные лексемы или значения, с другой – характеризуется значительной лексико-семантической изменчивостью и вариативностью, которые чаще всего обусловлены контекстным окружением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе изучения лексической системы чирской группы донского казачьего диалекта был проанализирован материал, собранный автором на части территории бывшего Второго Донского округа (Нижний Чир, Верхнечирский, Суворовский, Пещёрский, Ближнемельничный, Ближнеподгорский, Ёлкин). Данное исследование позволило составить комплексное описание лексики чирских говоров в социокультурном, этнолингвистическом и социоллингвистическом аспектах, осуществить тематико-идеографическую классификацию собранного материала, выявить особенности функционирования чирских говоров в современных условиях и составить следующие выводы:

1. Лексика чирских говоров является частью лексической системы донского казачьего диалекта, включает в себя южнорусские диалектные слова и множество заимствований из тюркских и украинского языков.

В лексической системе чирской группы донских говоров выделяются традиционные типы диалектизмов: собственно лексические (18 %), лексико-словообразовательные (36%), лексико-фонетические (31 %), лексико-семантические (8%), лексико-грамматические (6%). Отдельно представлены этнографизмы (1%), так как они отражают не только языковые, но и экстралингвистические особенности говора.

Лексические единицы в чирских говорах вступают в полисемантические, омонимические, антонимические, вариативные отношения.

2. Чирские говоры донского диалекта выступают средством общения для населения обследованных территорий в бытовой, традиционно-культурной сферах, а также активно используются при характеристике образа человека, это позволило разделить лексические единицы чирской группы донских говоров на четыре лексико-тематические макрогруппы: «Человек», «Бытовая сфера», «Традиционная культура», «Природа».

В количественном отношении преобладают лексические единицы, связанные со сферой «Человек», что объясняется ярко выраженным антропоцентрическим характером в языке в целом и обусловленной этим избирательностью исследуемой лексики.

3. С точки зрения активного и пассивного употребления лексические единицы в чирских говорах подразделяются на три группы: 1) единицы, которые употребляются носителями всех социальных категорий – это диалектная лексика активного употребления; 2) единицы, которые употребляются некоторыми диалектоносителями (лица старше 60 лет) – это диалектная лексика ограниченного употребления; 3) единицы, которые имеют неустойчивый характер функционирования и не вступают в активное употребление – это диалектная лексика пассивного употребления.

4. Установлены социально значимые факторы функционирования диалектных лексических единиц в речи местных жителей (возраст, уровень образования). Включение диалектных слов в коммуникативное пространство на территории функционирования чирских говоров обусловлено отчасти социально-психологическим фактором: функциональной значимостью семейного языка и престижностью казачьего диалекта.

Итак, диссертационное исследование, в соответствии с поставленной в нем целью, обнаружило социокультурную (актуальное значение чирских говоров в системе языковой культуры жителей обследуемых территорий; сохранение до настоящего времени знаний о бытовой сфере, традиционной культуре, природном мире донского субэтноса), этнолингвистическую (отражение в словарном составе чирской группы донских говоров исторически и культурно значимых фактов из жизни диалектоносителей), социоллингвистическую (зависимость уровня знания и употребления лексических единиц чирской группы информантами от социальных факторов и связанное с этим включение лексических единиц в активный или пассивный состав лексики чирских говоров) специфику существования лексики чирской группы донского диалекта.

Установлена функциональная значимость лексических единиц чирских говоров на обследуемой территории. Понимая экспрессивную и номинативную важность единиц диалектного происхождения, местные жители вводят их в свою речь. В связи с этим можно заключить, что роль родного языка на обследуемой территории часто выполняет чирской говор.

Проведенное исследование может быть продолжено с привлечением новых полевых данных и других источников материала. Возможно изучение чирских говоров в сопоставлении с другими группами донского диалекта, а также с литературным языком.

Полученные результаты послужат базой для составления идеографического словаря лексики чирской группы донских говоров. Разработанная тематико-идеографическая сетка может быть использована при изучение хоперской и медведицкой групп донских говоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов, Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1 / проф. Р. И. Аванесов ; Моск. ордена Ленина гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Учпедгиз, 1949. – 336 с.
2. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Ленинград : Наука, 1995. – 276 с.
3. Аллахвердиева, Л. К. История казачества в пословицах / Л. К. Аллахвердиева, Л. С. Панина // Сборник материалов областной научной конференции, Оренбург, 1995. – С. 16–17.
4. Аллахвердиева, Л. К. Фразеология русских донских говоров: лексико-семантический и фразообразовательный аспекты изучения : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Аллахвердиева Лидия Кириковна. – Ростов-на-Дону, 2000. – 242 с.
5. Архипова, Н. Г. Динамика лексической системы старообрядческих говоров (на примере речи одной семьи) / Н. Г. Архипова // Слово : Фольклорно-диалектологический альманах. – 2016. – № 13. – С. 11–16.
6. Аппоев, А. К. Семасиологическая характеристика современной лексической системы карачаево-балкарского языка / А. К. Аппоев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. – 2009. – № 3. – С. 82–86.
7. Астахина, Л. Ю. Семантические и словообразовательные аспекты изучения тематической группы / Л. Ю. Астахина // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. – Москва : ИРЯ, 1991. – С. 34–53.
8. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
9. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
10. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Н. Д. Арутюнова. – Москва, 1999. – С. 43–50.

11. Арутюнова, Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики 1982. – Москва : Наука, 1984. – С. 5–23.
12. Базылев, В. Н. Лингвосинергетика / В. Н. Базылев // Российская лингвистика XXI века: традиции и инновации. – Москва : Издательство СГУ, 2009. – С. 211–228.
13. Баранникова, Л. И. Специфика диалектных лексических систем как результат особенностей их функционирования / Л. И. Баранникова // Норма и функционирование языковых единиц. – Горький : ГГПИ, 1989. – С. 23–32.
14. Баранникова, Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л. И. Баранникова // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22–31.
15. Баранникова, Л. И. К систематизации стилистически маркированной лексики / Л. И. Баранникова // Системные отношения языковых единиц : межвузовский сборник научных трудов. – Ростов-на-Дону : Издательство РГПИ, 1988. – С. 78–85.
16. Баранникова, Л. И. Об устойчивости диалектной системы / Л. И. Баранникова // Системность в языке, речи, тексте. – Нижний Новгород : НГПИ им. М. Горького, 1991. – С. 12–22.
17. Бахвалова, Т. В. Оценка внешнего облика человека в литературном языке и говорах / Т. В. Бахвалова // Лексический атлас русских народных говоров 1994. – Санкт-Петербург : Издательство ИЛИ РАН, 1994. – С. 40–42.
18. Бахвалова, Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров) / Т. В. Бахвалова. – Орел : ОГПИ, 1993. – 201 с.
19. Бахвалова, Т. В. Имена существительные со значением качественной характеристики лица в орловских говорах / Т. В. Бахвалова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1992. – Санкт-Петербург : Издательство ИЛИ РАН, 1994. – С. 50–56.

20. Беликов, В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва : Юрайт, 2023. – 337 с.
21. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.
22. Беркетова, З. В. Мотивационные связи в лексике современного русского языка / З. В. Беркетова // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 69–77.
23. Бессонова, Ю. А. Семантика диалектных глаголов речи в орловских говорах и отражение в ней мировосприятия их носителей : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бессонова Юлия Александровна ; Орловский государственный университет. – Орел, 2001. – 25 с.
24. Бессонова, Ю. А. Семантическое микрополе глаголов речи в литературном языке и говорах / Ю. А. Бессонова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (8). – С. 33–37.
25. Битюкова, Н. К. Диалектные и профессионально-просторечные образования в составе научной терминологии животноводства : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Саратов, 1984. – 232 с.
26. Блинова, О. И. Введение в современную региональную лексикологию : материалы для спецкурса / О. И. Блинова. – 2 издание, исправленное и дополненное. – Томск : Издательство Томского университета, 1975. – 258 с.
27. Блинова, О. И. Русская диалектология. Лексика. – Томск : Издательство Томского университета, 1984. – 134 с.
28. Богданова, Е.А. Лексика свадебного обряда в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Богданова Елена Александровна. – Воронеж, 2019. – 324 с.

29. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики: (из университетских чтений) / В. А. Богородицкий ; вступительная статья В. К. Журавлева, И. В. Журавлева. – 7-е издание. – Москва : Едиториал УРСС, 2011. – 576 с.
30. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О задачах языкознания / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – Москва : Издательство АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
31. Бондалетов, В. Д. Социальная лингвистика : учебное пособие / В. Д. Бондалетов. – Рязань : РГПИ, 1984. – 85 с.
32. Бортник, Г. В. Лексико-семантическая группа как источник культурно-исторической информации / Г. В. Бортник // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. – Сыктывкар : Сыктывкарский университет, 1994. – С. 62–64.
33. Бочкарева, Е. В. Наречие в донских говорах : лексико-семантический и структурный аспекты исследования : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Бочкарева Елена Владимировна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2008. – 225 с.
34. Бреслав, Г. М. Психология эмоций [Текст] : учебное пособие для высших учебных заведений / Гершон Бреслав. – 4-е изд., перераб. – Москва : Смысл, 2016. – 670 с.
35. Бромлей, С. В. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка / С. В. Бромлей ; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Москва : Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2010. – 754 с.
36. Бронник, Л. В. Язык как система / Л. В. Бронник // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009 – С. 12–15.
37. Брысина, Е. В. Антропонимы в составе диалектных фразеологических единиц / Е. В. Брысина // Лексический атлас русских народных говоров

(Материалы и исследования) 2000 / Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2003. – С. 162–169.

38. Брысина, Е. В. Антропоцентризм фразеологической картины мира диалектоносителей / Е. В. Брысина // Русское слово : сборник научных статей. – Волгоград : Издательство ВГИПК РО, 2007. – С. 12–18.

39. Брысина, Е. В. Диалект через призму лингвокультурологии / Е. В. Брысина // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 51–55.

40. Брысина, Е. В. Диалектная речь как источник народной мудрости / Е. В. Брысина // У чистого источника родного языка : сборник научных статей к 60-летию профессора В. И. Супруна / под редакцией Е. В. Брысиной. – Волгоград : Перемена, 2008. – С. 257–265.

41. Брысина, Е. В. Код культуры в семантике диалектных фразеологических единиц / Е. В. Брысина. – Текст : непосредственный // В. И. Даль и русская региональная лексикология и лексикография : материалы Всероссийской научной конференции. Ярославль : ЯГПУ, 2001. – С. 112–119.

42. Брысина, Е. В. Лексикология. Лексикография. Фразеология : учебно-методическое пособие / Е. В. Брысина, Л. А. Шестак. – Волгоград : Перемена, 2004. – 235 с.

43. Брысина, Е. В. Лингвокультурная значимость диалектной фраземики / Е. В. Брысина. – Курск : Мечта, 2006. – С. 86–90.

44. Брысина, Е. В. Регионально-этнические аспекты когнитивной лингвокультурологии / Е. В. Брысина. // Когнитивно-дискурсивные аспекты лингвокультурологии : коллективная монография. – Волгоград : Перемена, 2004. – С. 54–100.

45. Брысина, Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Брысина Евгения Валентиновна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2003. – 543 с.

46. Брысина, Е. В. Языковая личность и знаковая семантика / Е. В. Брысина // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания : тезисы докладов научной конференции. – Волгоград : Перемена, 1997. – С. 24–25.

47. Брысина, Е. В. Волгоградская диалектологическая школа: традиции, современное состояние и научный потенциал / Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, Е. В. Кузнецова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 8. – С. 124–128.

48. Брысина, Е. В. Лингвокультурное пространство казачьего подонья : монография / Е. В. Брысина, В. А. Супрун, Е. И. Алещенко. – Волгоград : Перемена, 2016. – 260 с.

49. Брысина, Е. В. Региональные этнолингвистические исследования на кафедре русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета / Е. В. Брысина, В. И. Супрун, М. Ф. Щацкая // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5 (109). – С. 76–81.

50. Брысина, Е. В. Вклад профессора Р. И. Кудряшовой в изучение русской диалектологии / Е. В. Брысина, В. И. Супрун // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 9-10. – С. 100–106.

51. Булавина, С. В. Русские устойчивые словосочетания, содержащие церковно-религиозную лексику : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Воронеж, 2003. – 156 с.

52. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на примере русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Школа «Мастера русской Культуры» : Кошелев, 1997. – 574 с.

53. Ваганова, Е. Г. Языковая картина мира как предмет философско-лингвистического анализа / Е. Г. Ваганова // Идеи и идеалы. – 2012. – Т. 2, № 3 (13). – С. 3–10.

54. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсгербер; перевод с немецкого, вступительная статья О. А. Радченко. – 3-е издание. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 232 с.

55. Василюк, И. П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности (На материале афористики) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Василюк Игорь Петрович ; Российский университет дружбы народов (РУДН). – Москва, 2004. – 25 с.

56. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая ; под редакцией Т. В. Булыгиной. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 776 с.

57. Вендина, Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т. И. Вендина. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2007. – 336 с.

58. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1982. – 529 с.

59. Волкова, Н. А. Диалектные прилагательные со значением характеристики внешности человека (на материале талицких говоров республики Алтай) / Н. А. Волкова // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 3 (52). – С. 298–301.

60. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьев. – Москва : Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. – 331 с.

61. Галимова, Д. Н. Метафорическое моделирование образа человека в говорах Амурской области / Д. Н. Галимова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 2 (22). – С. 5–21.

62. Гапонова, Ж. К. Лексика, характеризующая человека, в мологских говорах / Ж. К. Гапонова // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры. – Москва : Элпис, 2006. – С. 586–590.

63. Гапонова, Ж. К. Наименования, характеризующие речевую деятельность человека в мологских говорах / Ж. К. Гапонова // Говоры Вологодского края (аспекты изучения) : межвузовский сборник научных трудов / ответственный редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда : ВГПУ, 2008б. – С. 65–78.

64. Гарская, Л. В. Социокультурный аспект коммуникации: этнолингвистическая и лингводидактическая проблемы / Л. В. Гарская. – Текст : электронный // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2002/03/garskaya.pdf> (дата обращения 20.02.2024).

65. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университет, 2001. – 488 с.

66. Голев, Н. Д. Система номинации конкретных предметов в русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание учной степени кандидата филологических наук / Голев Николай Данилович ; Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева. – Томск, 1974. – 230 с.

67. Гольдин, В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Гольдин Валентин Евсеевич ; Саратовский государственный университет. – Саратов, 1997. – 52 с.

68. Гончарова, Л. Ф. Губные спиранты в говорах территории позднего заселения : к проблеме взаимодействия литературного языка и территориальных диалектов : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Волгоград, 1985. – 183 с.

69. Григорьева, Н. А. Эмотивный фрагмент диалектной картины мира донского казачества: структурно-семантический и этнолингвокультурологический аспекты : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Григорьева Наталья Александровна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2010. – 25 с.

70. Грушин, Б. А. Мнения о мире и мир мнений: проблемы методологии исследования общественного мнения / Б. А. Грушин. – Москва : Политиздат, 1967. – 400 с.
71. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 451 с.
72. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт ; перевод с немецкого ; под редакцией и с предисловием Г. В. Рамишвили ; послесловие: А. В. Гулыги, В. А. Звегинцева. – Издание 2-е. – Москва : Прогресс, 2001. – 396 с.
73. Демидова, К. И. Ценностный аспект русской диалектной языковой картины мира / К. И. Демидова, Т. А. Злыденная // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – Санкт-Петербург : Наука, 2006. – С. 72–80
74. Демидова, К. И. Метафорические модели в русских народных говорах как способ вербализации концептов окружающего мира / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. – Санкт-Петербург : Издательство ИЛИ РАН, 2009. – С. 371–377.
75. Добродомов, И. Г. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке / И. Г. Добродомов // Вопросы лексики и грамматики русского языка. – Москва : Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина, 1967. – С. 364–374.
76. Долгачев, И. Г. Говоры Бударинского района Сталинградской области в их отношении к верхнедонским : специальность 10.00.00 «Филологические науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Долгачев Иван Григорьевич. – Москва, 1958. – 414 с.
77. Долгачев, И. Г. Язык земли родного края / И. Г. Долгачев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Волгоград : Нижне-Волжское книжное издательство, 1989. – 141 с.

78. Добродомов, И. Г. Вопросы лексики и грамматики русского языка / И. Г. Добродомов. – Москва, 1967. – С. 364–374.
79. Запорожец, М. Н. Социоллингвистика : электронное учебное пособие / М. Н. Запорожец. – Тольятти : Издательство ТГУ, 2014. – 1 электрон. опт. диск. – Текст : электронный.
80. Земская, Е. А. Русская разговорная речь : Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – Москва : Наука, 1981. – 276 с.
81. Иванцова, Е. В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 74. – С. 61–77.
82. Ивашко, Л. А. Лексика. Русская диалектология : учебное пособие для филологических факультетов университетов / Л. А. Ивашко ; под редакцией Н. А. Мещерского. – Москва : Высшая школа, 1972. – С. 262–290.
83. Изард, К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 464 с.
84. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Москва : Республика, 1993. – С. 134–289.
85. Ильин Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2018. – 752 с.
86. Каде, Т. Х. Семантическое поле «Человек» в кубанском диалекте / Т. Х. Каде, И. Н. Пономаренко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. – Санкт-Петербург : Издательство ИЛИ РАН, 2001. – С. 219–222.
87. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры : в 2 книгах / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. – 383 с.
88. Калинина, М. В. Лексико-семантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты языков : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание

ученой степени кандидата филологических наук / Калинина Маргарита Владимировна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2008. – 268 с.

89. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 110–118.

90. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1976. – 355 с.

91. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Издание 7-е. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

92. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: Культурные концепты : сборник научных трудов. – Волгоград : Перемена, 1996. – С. 3–16.

93. Карпун, М. А. Донские диалектные устойчивые единицы с фитонимическим компонентом, характеризующие бытовые ситуации / М. А. Карпун // Лексикология. Лексикография: (Русско-славянский цикл). Русская диалектология. Когнитивная лингвистика : Сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции, Санкт-Петербург, 13–22 марта 2017 года. – Санкт-Петербург: ООО "Издательство ВВМ", 2017. – С. 84–88.

94. Касаткин, Л. Л. Русская диалектология : учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Л. Л. Касаткин. – Москва : ИЦ Академия, 2005. – 288 с.

95. Коготкова, Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы) / Т. С. Коготкова. – Москва : Наука, 1979. – 335 с.

96. Коломейцева, М. А. Бытовая культура донского крестьянства во второй половине XIX века (поселения и жилища) / М. А. Коломейцева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-1 (62). – С. 74–77.

97. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

98. Коробкина, Н. И. Стилистическая дифференциация современной окказиональной лексики русского языка: вульгаризмы, сленгизмы, жаргонизмы /

Н. И. Коробкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 4. – С. 108–114.

99. Коськина, Е. В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагмастилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент» : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коськина Елена Владимировна ; Омский государственный университет. – Омск, 2004. – 215с.

100. Костюшко, О. Тематические словари в современной славянской лексикографии / О. Костюшко // Проблемы славяноведения. – 2003. – № 53. – С. 271–280.

101. Крапивина, М. С. Лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донских казачьих говорах специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Крапивина Мария Сергеевна ; Волгоградский государственный социально-педагогический университет. – Волгоград, 2012. – 24 с.

102. Краснов, П. Н. История войска Донского. Картины былого Тихого Дона / П. Н. Краснов. – Москва : Вече, 2007. – 448 с.

103. Красовская, Н. А. Особенности построения лексико-семантического поля глаголов физического воздействия (на материале тульских говоров) / Н. А. Красовская // Русский язык как государственный язык Российской Федерации в условиях полиэтнического и поликультурного региона : Материалы Межрегиональной научной конференции, Саранск, 22–24 мая 2013 года / Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. – Саранск: ПРО100 Медиа, 2013. – С. 378–382.

104. Красовская, Н. А. Организация и функционирование диалектных антропоцентрических глаголов : на материале тульских говоров : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.02.01. – Курск, 2013. – 43 с.

105. Красовская, Н. А. Особенности глаголов, обозначающих затрудненное дыхание / Н. А. Красовская // Актуальные проблемы лингвистики и методики

преподавания иностранных языков : материалы межрегиональной научно-практической конференции и региональной научно-практической конференции с международным участием, Мурманск, 01 ноября – 31 2011 года. – Мурманск: Мурманский государственный гуманитарный университет, 2012. – С. 90–93.

106. Красовская, Н. А. Лексико-семантическая группа глаголов говорения, обозначающих эмоциональное отношение и эмоциональную оценку (на материале тульских говоров) / Н. А. Красовская // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург : Издательство Нестор-История, 2013. – С. 319–326.

107. Красовская, Н. А. Репрезентация болезни в русских говорах / Н. А. Красовская // Славистика. – 2016. – № XX. – С. 298–304.

108. Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике / Л. П. Крысин. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 360 с. – ISBN 978-5-9765-4524-3. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/182034> (дата обращения: 04.02.2024).

109. Крысин, Л. П. Социолингвистический аспект изучения речевых «неправильностей» / Л. П. Крысин // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2000. – С. 29–36.

110. Крысин, Л. П. О перспективах социолингвистических исследований в русистике / Л. П. Крысин // Русистика. – 1992. – № 2. – С. 96–106.

111. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва : Наука, 1986. – 160 с.

112. Кудряшова, Р. И. Употребление среднего рода в современных русских говорах : на материале донских диалектов Волгогр. области : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Волгоград, 1975. – 280 с.

113. Кудряшова, Р. И. О словаре русских донских говоров Волгоградской области / Р. И. Кудряшова // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сборник научных трудов. – Воронеж : [Б. и.], 2004. – Вып. 27. – С. 144–150.

114. Кудряшова, Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем / Р. И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 1997. – 124 с.
115. Кудряшова, Р. И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области) : монография / Р. И. Кудряшова. – Волгоград : Перемена, 1998. – 93 с.
116. Кудряшова Римма Ивановна, Брысина Евгения Валентиновна, Супрун Василий Иванович У истоков слова народного. К 100-летию профессора Л. М. Орлова (1912-2001) // Известия ВГПУ. 2012. №2. С. 147–149.
117. Кудряшова, Р. И. Лексические диалектизмы в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Р. И. Кудряшова, И. М. Филатова // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира : сборник научных трудов / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова», Филиал в г. Северодвинске Архангельской области, Гуманитарный институт ; [составитель, ответственный редактор: Т. В. Симашко]. – Архангельск : Соломбальская типография, 2013. – С. 255–260.
118. Кузнецова, Е. В. Мотивационный потенциал диалектного слова : На материале метеорологической лексики донских говоров : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кузнецова Елена Валентиновна ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2005. – 333 с.
119. Кузнецова, Е. В. К вопросу о типологии лексических диалектизмов (на материале метеорологической лексики донских говоров) / Е. В. Кузнецова // Проблемы современной русской диалектологии : тезисы докладов Международной конференции. 23–25 марта 2004 г. / РАН, Институт русского языка. – Москва : ИРЯ РАН, 2004. – С. 86–88.
120. Кузнецова, Е. В. Названия природных явлений в говоре волгоградской станции Островской / Е. В. Кузнецова // Сельская Россия: Прошлое и настоящее :

доклады и сообщения девятой российской научно-практической конференции. – Москва : Энциклопедия российских деревень, 2004. – С. 403–406.

121. Кузнецова, О. Д. Слово в говорах русского языка / О. Д. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Издательство ИЛИ РАН, 1994. – 88 с.

122. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – Москва : Высшая школа, 1982. – 152 с. – Текст : непосредственный.

123. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сборник статей. – Москва : Издательский центр РГГУ, 1995. – С. 144–238.

124. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – Москва : АСТ, 2003. – 605 с.

125. Лаврова, Л. В. Лексико-семантические группы слов, характеризующих человека : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации кандидата филологических наук / Лаврова Людмила Владимировна. – Саратов, 1984. – 226 с.

126. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев. – Москва, 1973. – 40 с.

127. Леонтьева, Т. В. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах : монография / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург : Издательство Российского государственного профессионально-педагогического университета, 2013. – 219 с.

128. Лукьянова, Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения : учебное пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : НГУ, 1983. – 80 с.

129. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1986. – 227 с.

130. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – Москва : Academia, 2001. – 203 с.

131. Масалова, Е. В. Костюм как отражение самобытности донских казаков / Е. В. Масалова – Текст : электронный // Система ценностей современного

общества. – 2010. – № 11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kostyum-kak-otrazhenie-samobytnosti-donskih-kazakov> (дата обращения: 20.02.2024).

132. Матвеева, Т. В. Лексическая экспрессивность в языке : учебное пособие по спецкурсу / Т. В. Матвеева; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Свердловск : УрГУ, 1986. – 91 с.

133. Мельниченко, Г. Г. О «Материалах для словаря народного языка в Ярославской губернии» Е. Якушкина (1896) / Г. Г. Мельниченко // Ярославль : Краеведческие записки, 1956. – С. 56–62.

134. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков : учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей / Н. Б. Мечковская. – 2-е издание. – Москва : Флинта : Наука, 2001 – 312 с.

135. Мещерякова, Ю. В. Язык и культура сущность взаимосвязи и взаимовлияния / Ю. В. Мещерякова // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации : сборник научных трудов / под редакцией Н. А. Красавского. – Волгоград : Колледж, 2001. – С. 165–171.

136. Миртов, А. В. Казачьи говоры / А. В. Миртов. – Ростов-на-Дону : Севкавказ, 1926. – 32 с.

137. Морозова, Т. И. Универсальное и уникальное в диалектной картине мира (на материале донских говоров) / Т. И. Морозова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – № 7 (92). – С. 99–103.

138. Морковкин, В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. – Москва : [Б. и.], 1970. – 69 с.

139. Нечаева, Е. Ф. Когнитивный и лингвокультурологический подходы к изучению аспектов / Е. Ф. Нечаева, Е. А. Мареева // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 3, Ч. 3. – С. 164–167.

140. Нивина, Е.А. Лексика тематической группы «Человек» в говорах Тамбовской области : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Тамбов, 2003. – 360 с.

141. Норман, Б. Ю. Уходящее слово: историзм, архаизм, ногиолизм? / Б. Ю. Норман // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 21–38.
142. Оссовецкий, И. А. Лексика современных русских народных говоров / И. А. Оссовецкий. – Москва : Наука, 1982. – 198 с.
143. Орлов, Л. М. Русские говоры Волгоградской области / Л. М. Орлов. – Волгоград : Издательство ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1984. – 96 с.
144. Орлов, Л. М. Исследование говора Ново-Анненского района Сталинградской области : специальность 10.00.00 «Филологические науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Орлов Леонид Михайлович ; Московский ордена Ленина государственный университет им. М. В. Ломоносова – Москва, 1953. – 450 с.
145. Половникова, О. В. Влияние культурных особенностей на внутренние корпоративные коммуникации в России. Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации : материалы конференции / О. В. Половникова ; редактор С. Н. Лаврентьев. – Уфа : БАГСУ, 2013. – ISBN 978-5-4457-0016-6. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: <https://e.lanbook.com/book/317879> (дата обращения: 04.02.2024).
146. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Издательство Воронежского университет, 2002. – 59 с.
147. Портнов, А. Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. / А. Н. Портнов. – Иваново : Ивановский государственный университет, 1994. – 367 с.
148. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – С. 8–69.

149. Потебня, А. А. Психология поэтического и прозаического мышления / А. А. Потебня // Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – Москва : Правда, 1989. – С. 201–235.
150. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Высшая школа, 1990. – 344 с.
151. Проценко, Б. К. О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров / Б. К. Проценко // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994 / ответственный редактор К. А. Попов. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 1996. – С. 17–19.
152. Проценко, Б. Н. Духовная культура донских казаков [Текст] : Заговоры, обереги, нар. медицина, поверья, приметы / Проценко Б. Н. – Ростов н/Д, 1998. – 322 с.
153. Радченко, О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О. А. Радченко. – Москва, 1997. – 310 с.
154. Радченко, О. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–48.
155. Рыблова, М. А. Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен XVI – первой трети XIX в. : диссертация ... доктора исторических наук : 24.00.01 / Рыблова М. А. – Санкт-Петербург, 2009. – 491 с.
156. Савельев, Е. П. Древняя история казачества / Е. П. Савельев. – Москва : Вече, 2007. – 480 с.
157. Салимовский, В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении / В. А. Салимовский. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2002. – 234 с.
158. Сергеев, Ф. П. Южнорусский говор Сарпинского и Красноармейского районов Сталинградской области: о характере взаимодействия между диалектами русского и украинского языков в условиях смешанного заселения : специальность 10.00.00 «Филологические науки» : диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук / Сергеев Федор Павлович. – Москва, 1956. – 383 с.

159. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : специальность 10.02.19 «Теория языка» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2004. – 323 с.

160. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

161. Соловьев, В. Ф. Особенности говора донских казаков / В. Ф. Соловьев. – Санкт-Петербург : Типография Академии Наук, 1900. – 52 с.

162. Сороколетов, Ф. П. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка / Ф. П. Сороколетов // Слово в русских народных говорах. – Ленинград : Наука, Ленинградское Отделение, 1968. – С. 181–185.

163. Соснин, В. А. Социальная психология : учебник для студентов учреждений среднего профессионального образования / В. А. Соснин, Е. А. Красникова. – 2-е изд. – Москва : Форум, 2007. – 334 с.

164. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. I. – С. 1279.

165. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж : Издательство ВГУ, 1985. – С. 36–85.

166. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : монография / В. И. Супрун ; Министерство образования Российской Федерации, Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград : Перемена, 2000. – 171 с.

167. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово/Slovo, 2000. – 261 с.

168. Тимощенко И. В. Второй Донской округ Области войска Донского: статистическо-экономический очерк / Тимощенко И. В. // Новочеркасск, 1906. – 48 с.
169. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.
170. Токарев, Г. В. Лексические средства выражения особенностей миропонимания / Г. В. Токарев // Русский язык в школе. – 2003. – № 4. – С. 73–75.
171. Толстик, С. А. Семантическое поле «худой» в русском языке: эволюция концепта : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Толстик Светлана Александровна ; Томский государственный университет. – Томск, 2004. – 22 с.
172. Толстой, Н. И. Диалектология в этнолингвистической перспективе / Н. И. Толстой // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. – Вологда : Вологодский государственный педагогический институт, 1982. – С. 3–7.
173. Третьякова, О. В. Семантические особенности лексики тематической группы быюти-индустрии / О. В. Третьякова, Т. Н. Шайхутдинова // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 19–20 ноября 2020 года. – Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 158–164.
174. Тупикова, Н. А. Лексикон диалектоносителей в этнолингвистическом аспекте: проблемы, задачи, методы исследования / Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 48–61.
175. Уфимцева, Н. В. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / Н. В. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.

А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.]. – Москва : Наука, 1988. – С. 108–140.

176. Файзулина, Г. Ч. Образ человека в диалектной языковой картине мира : на материале татарских народных говоров юга Тюменской области : специальность 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Файзуллина Гузель Чахваровна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2017. – 406 с.

177. Федяева, Н. Д. Языковой образ среднего человека в аспекте когнитивных категорий градуальности, дуальности, оценки, нормы (На лексическом и текстовом материале современного русского языка) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Федяева Н. Д. – Омск, 2003. – 171 с.

178. Федосов, В. А. Рецензия на книгу: Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Волгоград : ВГИПК Ро, 2006–2009. Вып. 1-6 / В. А. Федосов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – № 7. – С. 157–160.

179. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Введение в языкознание. Хрестоматия. – Минск, 1977. – 249 с.

180. Филатова, И. М. Динамика лексической системы чирской группы донских говоров Волгоградской области / И. М. Филатова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – №8 (171). – С. 105–112.

181. Филатова, И. М. Типы формальных вариантов слова в лексической системе донских говоров Волгоградской области / И. М. Филатова // Неофилология. – 2023. – Т. 9. – № 4. – С. 760–766.

182. Филатова, И. М. Состав лексики чирской группы донского казачьего диалекта / И. М. Филатова. – Текст : электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2023. – № 6 (42). – URL: <https://rulb.org/archive/6-42-2023->

June/10.18454/RULB.2023.42.2 (дата обращения: 13.10.2023). – DOI: 10.18454/RULB.2023.42.2.

183. Филатова, И. М. Тематические группы диалектной лексики в донских говорах Волгоградской области / И. М. Филатова // Новые горизонты русистики. – 2022. – № 17. – С. 185–193.

184. Филатова, И. М. Сравнение говора казаков-некрасовцев с говором станицы Нижний Чир Волгоградской области / И. М. Филатова // Российская фольклористика и диалектология на современном этапе : сборник научных статей, Чебоксары, 26 ноября 2020 года / ответственные редакторы М. И. Журина, Т. Н. Юркина. – Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2020. – С. 176–180.

185. Филатова, И. М. Антропоцентрическая характеристика лексико-фразеологической системы донских говоров / И. М. Филатова // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур : сборник материалов Всероссийской с международным участием научной конференции, Волгоград, 23–25 апреля 2019 года. – Волгоград : Фортесс, 2019. – С. 303–308.

186. Филатова, И. М. Образ человека в донских казачьих песнях (на материале сборника Б. П. Екимова «Песни донских казаков») / И. М. Филатова // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы международного научно-творческого форума, Челябинск, 31 октября – 03 ноября 2017 года. – Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2017. – С. 148–150.

187. Филатова, И. М. Современные процессы в говоре станицы Нижний Чир / И. М. Филатова // XXI региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области : Направление 11 «Биология и география». Направление 12 «Педагогика и психология» Направление 13 «Филология» : тезисы докладов. – Волгоград : Издательство ВГСПУ «Перемена», 2017. – С. 151–152.

188. Филатова, И. М. Прозвищная номинация по фамилии и по персониму в донских казачьих говорах / И. М. Филатова // Живое слово : фольклорно-диалектологический АЛЬМАНАХ : материалы Всероссийской научной

конференции «Диалекты как экологическая зона языка», посвященной памяти профессора Р. И. Кудряшовой, Волгоград, 26–28 сентября 2016 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Волгоградский государственный социально-педагогический университет ; общая редакция и составление: Е. В. Брысина, В. И. Супрун. Том Выпуск 5. – Волгоград : ВГСПУ «Перемена», 2017. – С. 92–95.

189. Филатова, И. М. Диалектная лексика в романе Бориса Екимова «Родительский дом» / И. М. Филатова // Диалектологический альманах : сборник материалов и исследований. Выпуск II. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2015. – С. 60–66.

190. Филатова, И. М. Лексические диалектизмы, характеризующие быт казаков в станице Нижний Чир / И. М. Филатова // Электронный сборник «Литературные портреты» : материалы научно-практической видеоконференции, Волгоград, 4 декабря 2014 г. / Министерство культуры Волгоградская область, Волгоградская ОУНБ им. М. Горького, Министерство культуры Пензенской области, Пензенская областная библиотека им. М. Ю. Лермонтова, Волгоградский государственный университет, Пензенский государственный университет ; [научный редактор и автор предисловия В. И. Супрун ; редактор-составитель Т. И. Климова ; ответственный за выпуск Л. А. Ульяева]. – Волгоград, 2015. – С. 59–62.

191. Флягина, М. В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М.В. Флягина ; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 2004. – 22 с.

192. Флягина, М. В. О составе диалектной лексики в сборнике "Донские дела" / М. В. Флягина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург, 2015. С. 401–406.

193. Флягина М.В. Образы географического пространства в диалектной картине мира донских казаков (на примере гидронимической апеллятивной лексики) / М. В. Флягина // Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы III Международной научной конференции, Минск, 13–14 окт 2017 г. – Минск: МГЛУ, 2018. – С. 131–134.

194. Флягина, М. В. Имена прилагательные, характеризующие явления природного мира, в донских говорах / М. В. Флягина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования 2016). Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург: Нестор, 2016. – С. 640–646.

195. Флягина, М. В. О диалектизмах неисконного происхождения в донских говорах / М. В. Флягина // Известия Южного федерального университета. – Филологические науки. – 2015. – N 4. – С. 23–38.

196. Харченкова, Л. И. Облик человека в зеркале русского и испанского языков / Л. И. Харченкова, Ю. А. Шашков // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – Москва : Индрик, 1999. – 422 с.

197. Шаховский, В. Н. Отражение эмоций в семантике слова / В. И. Шаховский // Известия АН СССР. Серия литература и язык. – 1987. – № 3. – С. 3445.

198. Шолохов, М. А. Тихий Дон : роман / М. А. Шолохов. – Москва : Профиздат, 1990. – 368 с.

199. Шулякина, Ю. С. Лексика говоров Ивановской области, характеризующая человека по особенностям его речевого общения / Ю. С. Шулякина // Проблемы лингвистического краеведения : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти кандидата филологических наук, доцента Аиды Николаевны Борисовой, Пермь, 12–13 октября 2011 г. – Пермь : Пермский государственный университет, 2011. – С. 169–175.

200. Шулякина, Ю. С. Названия человека по особенностям поведения в говорах Ивановской области / Ю. С. Шулякина // Лексический атлас русских

народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Институт лингвистических исследований. – Санкт-Петербург : Наука, 2011. – С. 245–249.

201. Щерба, Л. В. Очередные проблемы языковедения / Л. В. Щерба // Щерба, Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л. В. Щерба. – Ленинград, 1958. – Т. 1. – С. 17.

202. Щетинина, А. В. Принципы и методы описания социальной лексики в идеографическом словаре / А. В. Щетинина, А. Н. Блинова // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 111–127.

203. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1991. – 214 с.

204. Юрченко, С. А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров) : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С. А. Юрченко; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2008. – 217 с.

205. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с.

Список использованных словарей

206. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1969. – 607 с.

207. Алексеенко, М. А. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова, Т. П. Белоусова. – Москва : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. – 238 с.

208. Баранов, О. С. Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – Москва : Прометей, 1992. – 1248 с.

209. Большой психологический словарь / под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. Зинченко. – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
210. Большой толковый словарь донского казачества / Рост. гос. ун-т. Фак. филологии и журналистики. Каф. общ. и сравн. языкознания; [Редкол.: В. И. Дегтярев и др.]. – Москва : Рус. слов. : Астрель, 2003. – 608 с.
211. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с.
212. Брысина, Е. В. Донское слово: школьный словарь казачьих говоров Волгоградской области : словарь / Е. В. Брысина, В. И. Супрун, Р. И. Кудряшова. – Волгоград : Издательство ВГСПУ «Перемена», 2015. – 322 с.
213. Ванников, Ю. В. Картинный словарь русского языка / Ю. В. Ванников, А. Н. Щукин. – Издание 2-е. – Москва : Просвещение, 1969. – 437 с.
214. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах / В. И. Даль. – Москва : Наука, 1989.
215. Дмитриев, Д. В. Толковый словарь русского языка / Д. В. Дмитриев. – Москва : Астрель : АСТ, 2003. – 1578 с. – (Словари Академии Российской).
216. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 450 с.
217. Леонтьева, Т. В. Идеографический словарь русской социальной лексики : общество и человек / Т. В. Леонтьева. – Екатеринбург : Ажур, 2018. – 554 с.
218. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
219. Лопатин, В. В. Русский толковый словарь : ок. 35000 слов, 70000 словосочетаний / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – 5-е издание, стереотипное. – Москва : Русский язык, 1998. – 832 с.

220. Маслов, В. Г. Словарь говора Добринки: на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области / В. Г. Маслов. – Шуя, 1993. – 231 с.
221. Миртов, А. В. Донской словарь : материалы к изучению лексики донских казаков / А. В. Миртов. – Ростов-на-Дону : Типография Кубполиграф, 1929. – 416 с.
222. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
223. Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 томах / А. Г. Преображенский. – Москва : ГИС, 1959. – Т. 1. – 718 с.
224. Радлов, В. В. Опыт словаря тюркских наречий : в 4-х томах / В. В. Радлов. – Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1893. – Т. 1, Ч. 1-2. – XVIII+1050 с. ; 1899. – Т. 2, Ч. 1-2. – 974 с. ; 1905. – Т. 3, Ч. 1-2. – 651 с. ; 1911. – Т. 4, Ч. 1-2. – 665 с.
225. Словарь донских говоров Волгоградской области / авторы-составители Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун ; под редакцией профессора Р. И. Кудряшовой. – Издание 2-е, переработанное и дополненное. – Волгоград : Издатель, 2011. – 704 с.
226. Словарь русских донских говоров : в 3 томах. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1975–1978.
227. Словарь русских народных говоров / под редакцией Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Санкт-Петербург : Наука, 1965–2011. – Т. 1–44.
228. Словарь русского языка : в 4 томах / РАН, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 4-е издание, стереотипное. – Москва : Русский язык : Полиграфресурсы, 1999.
229. Словарь психолога-практика / составитель С. Ю. Головин. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Минск : Харвест, 2001. – 976 с.
230. Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. – Москва : Астрель : АСТ, 2000. – 848 с.

231. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер ; перевод с немецкого. – 3-е издание, стереотипное. – Москва : Азбука-Терра, 1996. – Т. 4. – 864 с.

232. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под редакцией А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1987. – 543 с.

233. Шипова, Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке [Текст] / Е. Н. Шипова (сост.). – Алма-Ата : Наука, 1976. – 444 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Анкета-вопросник для выявления соотношений демографических и лингвистических параметров

Населенный пункт _____

Фамилия, имя, отчество информанта (по желанию) _____

Пол _____

Год рождения _____

Место рождения _____

Образование _____

Профессия _____

Диалектные лексические единицы	Активно использую в своей речи	Знаю, но не использую в своей речи	Никогда не слышал и не использовал в своей речи
Ажнык			
Алевады			
Аккуратница			
Аманат			
Айданчики			
Арба			
Атаман			
Атаманить.			
Аэропланчик.			
базы			
Бабаня			

Бабёнка			
Бабичий			
Базар			
Баклажка			
Бакча			
балберка			
Балаган			
Бедокурный			
Бзыкливый			
Балабонить			
Балмошный			
Беручий			
Болезный			
Битки			
Бреховка			
Бурчать			
Валтузить			
Венчальный платок			
Взбулгачить			
Взбуруниться			
Взгальный			
Виноватить			
Вумный			
Вытрыски			
Выхуленный			
Гутарить			
Дружковать.			
доня			

донец			
Донце			
Дончак			
Дошатчатый			
Дунь-полети			
Дуплю			
Духмяный			
Дышлина			
Дыбки			
ентот			
Жалечка			
Желтопуз			
Зажмуряться			
Замеженить			
Замстило			
Запалки			
Зашептать			
Заговорить			
Заналыгать			
Играть калину			
Идолюка			
Катать яички			
Корец			
Кочет			
На чужом горбу в рай въехать.			
Надыся			
Однолетка			
Озимки			

Озимник			
Окосье			
Оживеть			
Окалечиться			
Оладик			
Омрачиться			
Оляндра			
Осердье			
Острамок			
Отяужить			
Откидное молоко			
Опогодиться			
Опуяты			
Оттеплить			
Отгадалки			
Отступ			
Паштет			
Пай			
Паска			
Парка			
Падалец			
Падать через былинку			
Паханина			
Пахтушка			
Падать через былинку			
Пекушки			
Передний двор.			

Передний баз			
Перевстревать свадьбу			
Перебивка			
Перегонки			
Помидорята			
Раховать			
Толкушка			
Турлук			
Шутов палец.			
Черти душу переели			
Черти на рогах принесли			
Цыганки			
Яловка			